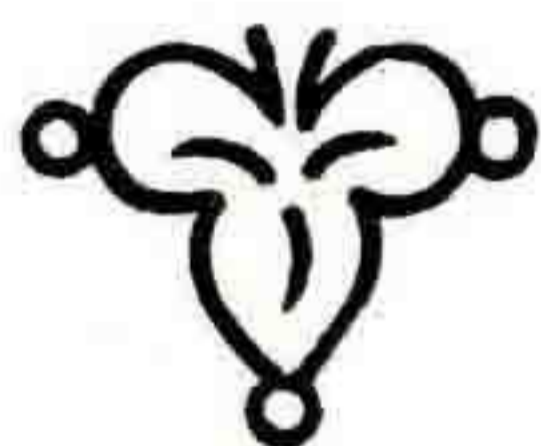

Н. С. ЯХОНТОВА

ОЙРАТСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЯЗЫК
XVII ВЕКА

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Т. П. Сердюченко*

Н.С. ЯХОНТОВА

ОЙРАТСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЯЗЫК
XVII ВЕКА

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

1996

ББК 81.2 Монг
Я90

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М.С. Андронов, И.Ф. Вардуль, Н.А. Лисовская (ученый секретарь),
Л.Б. Никольский, Ю.Я. Плам, В.Д. Подберезская,
В.М. Солнцев (председатель), *Г.Ш. Шарбатов*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В.М. Алпатов

РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА

С.В. Веснина

Яхонтова Н.С.

Я90 Ойратский литературный язык XVII века. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 152 с. (Языки народов Азии и Африки).
ISBN 5-02-017059-3

Очерк популярной серии, в которой опубликовано свыше 150 книг, содержит описание одного из старописьменных монгольских языков. Дается краткая характеристика истории ойратов и их языка, сохранившихся памятников, проводится описание языка на всех грамматических уровнях. В приложении даны образцы ойратских текстов с грамматическим комментарием.

ББК 81.2 Монг

ISBN 5-02-017059-3

© Н.С. Яхонтова, 1996
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1996

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г.П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

В настоящее время публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков – научных работников и аспирантов, а также преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н.В. Амхарский язык.

1960 г.

Андронов М.С. Тамильский язык.

Дворянков Н.А. Язык пушту.

Дмитриев Н.К. Турецкий язык.

Дорофеева Л.Н. Язык фарси-кабули.

Зограф Г.А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит.

Катенина Т.Е. Язык хинди.

Мазур Ю.Н. Корейский язык.

Мячина Е.Н. Язык суахили.

Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык.

Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников.

Петруничева З.Н. Язык телугу.

Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык.

Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык.

Смирнова М.А. Язык хауса.

Солнцев В.М., Лекомцев Ю.К., Мхитарян Т.Т., Глебова И.И.

Вьетнамский язык.

Теселкин А.С., Алиева Н.Ф. Индонезийский язык.
Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая.
Толстая Н.И. Язык панджаби.
Фельдман Н.И. Японский язык.
Фролова В.А. Белуджский язык.

1961 г.

Бабакаев В.Д. Ассамский язык.
Горгониев Ю.А. Кхмерский язык.
Коростовцев М.А. Египетский язык.
Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Солнцев В.М.
Китайский язык.
Курдоев К.К. Курдский язык.
Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Фомичева М.Ф. Тайский язык.
Охотина Н.В. Язык зулу.
Рерих Ю.Н. Тибетский язык.
Сердюченко Г.П. Чжуанский язык.
Секхар Ч., Глазов Ю.Я. Язык малаялам.
Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык.
Яковлева И.П. Язык ганда (луганда).

1962 г.

Андронов М.С. Язык каннада.
Дымшиц Э.М. Язык урду.
Соколов С.Н. Авестийский язык.

1963 г.

Аракин В.Д. Мальгашский язык.
Завадовский Ю.Н. Арабские диалекты Магриба.
Иванов В.В. Хеттский язык.
Катенина Т.Е. Язык маратхи.
Маун Маун Ньун, Орлова И.А., Пузицкий Е.В., Тагунова И.М.
Бирманский язык.
Насилов В.М. Древнеуйгурский язык.
Оранский И.М. Иранские языки.
Пашков Б.К. Маньчжурский язык.
Тенишев Э.Р. Саларский язык.
Теселкин А.С. Древнеяванский язык (кави).
Шифман И.Ш. Финикийский язык.
Яковлева В.К. Язык йоруба.

1964 г.

Вентцель Т.В. Цыганский язык (севернорусский диалект).
Выхухолев В.В. Сингальский язык.
Еланская А.И. Коптский язык.
Карпушкин Б.М. Язык ория.
Липин А.А. Аккадский язык.
Меликишвили Г.А. Урартский язык.
Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык.
Токарская В.П. Язык малинке (мандинго).
Церетели К.Г. Современный ассирийский язык.

1965 г.

Андронов М.С. Дравидийские языки.

Аракин В.Д. Индонезийские языки.
Герценберг Л.Г. Хотаносакский язык.
Дьяконов И.М. Семитохамитские языки.
Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Язык пали.
Ефимов В.А. Язык афганских хазара (якаулангский диалект).
Королев Н.И. Язык непали.
Павленко А.П. Сунданский язык.
Савельева Л.В. Язык гуджарати.
Сегерт Ст. Угаритский язык.
Эдельман Д.И. Дардские языки.
Юань Цзя-хуа. Диалекты китайского языка.
Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык.

1966 г.

Бауэр Г.М. Язык южноаравийской письменности.
Быкова Е.М. Бенгальский язык.
Егорова Р.П. Язык синдхи.
Крус М., Шкарбан Л.И. Тагальский язык.
Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык.
Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров.

1967 г.

Завадовский Ю.Н. Берберский язык.
Крупа В. Язык маори.
Старинин В.П. Эфиопский язык.
Шеворошкин В.В. Лидийский язык.

1968 г.

Кямилев С.Х. Марокканский диалект арабского языка.
Пузицкий Е.В. Качинский язык (язык чжингпхо).

1969 г.

Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов.
Миронов С.А. Язык африкаанс.
Пахалина Т.Н. Памирские языки.

1970 г.

Климов Г.А., Эдельман Д.И. Язык бурушаски.
Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык.
Смирнов Ю.А. Язык ленди.

1971 г.

Андронов М.С. Язык брауи.
Захарьин Б.А., Эдельман Д.И. Язык кашмири.
Титов Е.Г. Современный амхарский язык.

1972 г.

Морев Л.Н., Москалев А.А., Плам Ю.Я. Лаосский язык.
Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык.

1973 г.

Аракин В.Д. Самоанский язык.
Крюков М.В. Язык иньских надписей.
Топорова И.Н. Язык лингала,

1974 г.

Вильскер Л.Х. Самаритянский язык.

Леонтьев А.А. Папуасские языки.

Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв.

1975 г.

Крупа В. Полинезийские языки.

Сирк Ю.Х. Бугийский язык.

Фихман Б.С. Язык игбо.

1977 г.

Лебедев В.В. Поздний среднеарабский язык (XIII–XVIII вв.)

1978 г.

Вертоградова В.В. Пракриты.

Морев Л.Н. Язык лы.

Москалев А.А. Язык дуаньских яо (язык ну).

1979 г.

Гузев В.Г. Староосманский язык.

Дубнова Е.З. Язык руанда.

Завадовский Ю.Н. Тунисский диалект арабского языка.

Крупа В. Гавайский язык.

Цертели К.Г. Сирийский язык.

1980 г.

Завадовский Ю.Н., Кацнельсон И.С. Мероитский язык.

1981 г.

Аракин В.Д. Таитянский язык.

Дьячков М.В. Язык крио.

Дьячков М.В., Леонтьев А.А., Торсуева Е.И. Язык ток-писин (неомеланезийский).

Завадовский Ю.Н. Мавританский диалект арабского языка (хассания).

Исаев М.И. Язык эсперанто.

Никифорова Л.А. Язык волоф.

1982 г.

Мишкuroв Э.Н. Алжирский диалект арабского языка.

1983 г.

Морев Л.Н. Шанский язык.

Сыромятников Н.А. Классический японский язык.

1985 г.

Киселева Л.Н. Язык дари Афганистана.

Юсупова З.А. Сулейманийский диалект курдского языка.

1986 г.

Завадовский Ю.Н., Смагина Е.Б. Нубийский язык.

Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула.

1987 г.

Алексахин А.Н. Диалект хакка (китайский язык).

Выдрин В.Ф. Язык лоома.

Дьячков М.В. Креольские языки.

Елизаренкова Т.Я. Ведийский язык.

Зарбалиев Х.М. Язык минангкабау.

Янкивер С.Б. Гуанчжоуский (кантонский) диалект китайского языка.

1988 г.

Морев Л.Н. Язык сэк.

1989 г.

Королев Н.И. Неварский язык.

1990 г.

Дубнова Е.З. Современный сомалийский язык.

Айхенвальд А.Ю. Современный иврит .

Издательство обращается с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: 103051 Москва, Цветной бульвар, 21, ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА "ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА" РАН.

ВВЕДЕНИЕ

Ойратский язык относится к монгольской семье языков и близкородствен монгольскому. Ойраты – это обобщающее название западномонгольских племен (дэрбэтов, байтов, торгутов, хошуттов, элетов и др.). С XV в. ойраты населяли Джунгарию – территорию, лежащую на стыке северо-западных районов современных КНР и МНР. Первые сведения об ойратском языке относятся к XIII в. По свидетельству персидского историка Рашидаддина, язык ойратов уже в XIII в. немного отличается от монгольского¹. В начале XVII в. около четверти миллиона ойратов в поисках новых пастбищ откочевали к Волге. Они осели на землях в низовьях Волги и Дона, вошли в состав России и стали именоваться калмыками. В Джунгарии в 30-е годы XVII в. возникло феодальное государство ойратов – Джунгарское ханство на основе объединения правителем чоросского княжества Хара-хула отдельных ойратских владений с населением около 600 тыс. человек. После его смерти власть перешла к его сыну Батур-хунтайджи. В конце 30-х годов XVII в. еще одна часть ойратов (не менее 100 тыс. человек), не желая подчиниться центральной власти, переселилась в район оз. Кукунор (совр. пров. Цинхай, КНР).

Джунгарское ханство просуществовало до 1758 г., когда маньчжурская династия Цин окончательно завоевала Джунгарию, почти полностью истребив населявшие ее ойратские племена (подробнее об истории ойратов см. [11]). Но в конце XVIII в. часть калмыков с берегов Волги вернулась назад в Джунгарию. После падения Джунгарского ханства название «ойраты» выходит из употребления. Потомками ойратов в СНГ являются калмыки (152 тыс., большая часть в Республике Калмыкия), а в других странах – монголы, говорящие на западномонгольских диалектах (155 тыс., из них около

¹ «Несмотря на то что их язык монгольский, он все же имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен, например такую: нож другие [монголы] называют *китуга*, а они [говорят] *мудага*. Подобно этим существует множество [других]». В примечании к этому месту А.А. Семенов, ссылаясь на И.Н. Березина, предлагает вместо *мудага* читать *худга* [32, с. 118].

2/3 в Кобдоском и Убсунурском аймаках Республики Монголии, остальные – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (статистические данные приводятся по изданию: С.И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, с. 367, 488; 2-е изд. М., 1986, с. 143).

До середины XVII в. ойраты наравне с другими монгольскими народами пользовались старописьменным монгольским языком, который благодаря полифонности некоторых букв старомонгольской письменности успешно выполнял функцию общемонгольского языка. Ойратский язык получил литературную форму после того, как Зая-пандита Намхайджамцо (1599–1662)², выдающийся религиозный и политический деятель, разработал в 1628 г. для ойратов алфавит. Его называли *тодо бичиг* 'ясное письмо', так как в нем отсутствовала многозначность букв. Скоро новая письменность широко распространилась у калмыков, поэтому ойратский литературный язык часто называют старокалмыцким, или калмыцким письменным языком.

«Ясное письмо» до сих пор остается в употреблении у западных монголов, населяющих Синьцзян-Уйгурский автономный район (КНР), где на нем выходят печатные издания. Калмыки пользовались им до 1924 г., когда был введен алфавит, основанный на кириллице, который в 1931 г. был заменен латиницей и вновь восстановлен в 1938 г. В западных аймаках Монголии алфавит «тодо бичиг» был в ходу до 1945 г., когда в МНР старые формы письма были заменены алфавитом, основанным на кириллице.

Зая-пандита был крупным политическим деятелем. Создавая «ясное письмо», он преследовал две цели: распространение ламаизма и объединение монгольских и ойратских княжеств [11, с. 139]. В условиях феодальной разобщенности ойратских и халхаских княжеств, когда на юго-востоке, в Китае, установилась маньчжурская династия Цин и возникла реальная угроза маньчжурского завоевания Монголии, идея объединения становилась все более насущной. «Мы представляем его (Зая-пандиту. – Н.Я.) себе в качестве деятеля, понимающего пагубные последствия межфеодальных нойонских войн, разорявших страну и народ, делавших их беззащитными перед лицом внешней опасности, стремившимся примирить всех говорящих на монгольском языке и исповедующих ламаизм, подготовив таким образом условия для их объединения в могущественное единое государство под эгидой церкви, т.е. лхасских первосвященников. Этим же целям косвенно должна была служить и реформа письменности, которая не только делала образование и культуру более доступными широким массам, но вместе с тем способствовала укреплению общемонгольского единства» [10, с. 38].

² Жизнеописание Зая-пандиты было написано на ойратском языке его учеником Ратнабхадрой. Это сочинение, носящее название Rab-gbyam Za-ya pandidayin touji sara-yin genel ketekü ogošiboі «Лунный свет – история рабжамбы Зая-пандиты», несколько раз переводилось на русский язык (подробнее о его переводах см. [1]).

Кроме политических Зая-пандита преследовал и лингвистические цели. Х. Лувсанбалдан приводит выдержку из книги *Üzügiyin nauıǵal-ya* «Соединение букв», написанной Зая-пандитой, где автор называет цель составления «ясного письма»: «[Очирту-тайджи и Аба-лай-тайджи] повелели [мне]: чтобы содействовать благу всех монгольских племен, без путаницы выдели порознь буквы, имеющие во многом одинаковый облик! Улучши монгольский алфавит, сделав его ясным!» [16, с. 325–326].

Свой алфавит Зая-пандита создал на основе уйгуро-монгольского, устранив полифонию последнего. Каждая графема «ясного письма» получила единственное фонетическое значение. При этом Зая-пандита практически не изобретал новых графем, а несколько видоизменил старые буквы и ввел новые диакритические знаки (подробнее см. [9, с. 80–81; 3; 26]).

Принято считать, что Зая-пандита создавал свое письмо как общемонгольское [16, с. 19–25; 24, с. 46–49]. Д.А. Павлов обращает внимание на то, что в документах и письмах, написанных «ясным письмом», обычно встречается выражение *монголор бичсэн* ‘написано по-монгольски’ [24, с. 46]. В начале своих переводов, в том месте, где дается название сочинения на разных языках (обычно кроме монгольского на санскрите и тибетском), перед ойратским названием Зая-пандита пишет *tongγol kelen-düi* ‘по-монгольски’ (а не «по-ойратски») [40, с. 12]. Однако «ясное письмо» так и не стало общемонгольской письменностью, оно было исключительно ойратским. На основную причину этого указывает Г.Д. Санжеев: «Чтобы письменность была одинаково понятна для всех диалектов, она должна была одинаково далеко стоять от всех этих диалектов, ибо стоило ей приблизиться к одному из последних, как она оказывалась менее пригодной в качестве средства письменного общения для всех носителей всего данного языка в целом» [36, с. 18]. «Ясное письмо» Зая-пандиты не могло быть принято всеми монголами, так как слишком точно обозначало конкретное ойратское произношение.

Деятельность Зая-пандиты не сводится только к реформе монгольского алфавита. Акад. Б.Я. Владимирцов писал, что «Зая-пандита не ограничился изобретением новых букв и нового правописания, он стремился создать новый литературный язык» [8, с. 25]. Как отмечает Д.А. Павлов, «основой ойратского письменного литературного языка послужил язык устного народного творчества ойратов, типичными образцами которого являются “Джангар”, повесть “История Убуши-хун-тайджи”, время сложения которой датируется 1587 годом» [22, с. 113].

Однако ойратский литературный язык испытал сильное влияние старописьменного монгольского. Б.Я. Владимирцов характеризовал ойратский литературный язык следующим образом: «Это был язык искусственный, отличавшийся от народной живой речи многими архаизмами и монголизмами» [8, с. 25–26]. Неоднородность ойрат-

ского языка отмечает и Д. Кара: «В литературных (преимущественно буддийских) памятниках формы разговорного языка смешиваются с книжными формами...» [12, с. 81]. Однако влияние монгольского письменного языка не должно рассматриваться как отрицательный фактор. Д.А. Павлов пишет, что Зая-пандита смело заимствовал из старописьменного монгольского языка те грамматические формы, которые не знал его родной язык и которые обогащали его [24, с. 70]. Неизбежность и необходимость заимствований из монгольского и тибетского языков отмечает и Г.И. Михайлов [18, с. 136].

Появление собственно ойратской литературы также связано с именем Зая-пандиты, который сразу после создания ойратского алфавита приступил к переводу на ойратский разнообразных сочинений с тибетского языка. В его биографии (см. выше) говорится, что с года тигра по год тигра (т.е. с 1650 по 1662 г.) им было переведено 177 сочинений, названия которых приводятся там же (список этих переводов см. [43]). Однако известно, что некоторые из них Зая-пандита перевел на монгольский еще до создания им «ясного письма». Поэтому сейчас принято считать, что этими годами тигра были 1638 и 1662 [34]. Дело Зая-пандиты продолжили его ученики, которые перевели еще 37 сочинений. К настоящему времени, по сведениям Х. Лувсанбалдана, найдено 65 переводов, принадлежащих Зая-пандите, и 12 – его ученикам. Среди переводов Зая-пандиты есть астрологические сутры, медицинские и философские трактаты, биографии, труды по лингвистике, художественные произведения и буддийские сочинения. Для своих переводов он выбирал известные и популярные сочинения: «Мани гамбум», «Ваджраччхедика», «Тарпаченпо», «Алтан гэрэл», «Молон тойн» и др.

Книгопечатание не было распространено среди ойратов в такой степени, как среди восточных монголов и бурятов. Сейчас науке известны 14 ойратских ксилографов, в том числе широко распространенные «Алтан гэрэл» и «Ваджраччхедика». Все ксилографы датируются XVIII в. [17].

Очерк основан на материале языка нескольких различных по характеру произведений ойратской литературы. Важнейшим из них является сделанный Зая-пандитой ойратский перевод канонического сочинения «Сутра золотого блеска» (полное название ее – *Xutuqtu dēdū altan gerel suduriyin ayimagiyin erketü xān kemēkü yeke kölgöni sudur* «Сутра Великой колесницы под названием святая высшая, золотого блеска, могущественных сутр хан»). «Сутра золотого блеска» принадлежит к наиболее распространенным и почитаемым буддийским сочинениям. Первоначально написанная на санскрите, она позже была переведена на тибетский язык, а уже из Тибета попала в Монголию. Из трех имеющихся тибетских версий на ойратский язык переведена одна. «Сутра золотого блеска» включает философские рассуждения, затрагивающие основные по-

ложения буддизма Махаяны, дхарани – магические заклинания, джатаки – истории перерождения святых. Проза перемежается со стихотворными строками.

Зая-пандита перевел также каноническое сочинение *Xutuqtu saqlaši ügei nasun belge biliqtü kemëkü yeke kölgöni sudur oroşibo* «Сутра Великой колесницы под названием святая, обладающая знанием безграничной жизни». Ее содержание сводится в основном к перечислению благ, ожидающих в этой жизни и после перерождения того, кто прочтет, прослушает или перепишет эту сутру.

Следующее сочинение – *Moloni toyin ekēn tamu-ēse ɣaɣaqsan sudur oroşibo* «Сутра [о том, как] Молон тойн вызволил свою мать из ада» – также переведено с тибетского учеником Зая-пандиты Цултемджамцем. Сутра посвящена рассказу о путешествии праведного Молок тойна (Маудгальяяны) по буддийскому аду в поисках своей грешной матери и кончается ее счастливым вызволением. В силу нарративного характера этого сочинения язык здесь более живой, чем в первых двух сочинениях, и в нем встречаются формы, присущие разговорной речи.

Еще более разговорным языком отличается сборник сказок *Siddhi-tü küür* «Волшебный мертвец». Это сочинение из Индии, где оно известно под названием «Двадцать пять рассказов Веталы», попало в Тибет, было там переработано. Автор перевода на ойратский неизвестен. Д. Кара считает, что ойратский текст представляет собой переложение монгольского перевода [41б].

Сборник поучений и наставлений, приписываемых Чингис-хану, – *Ououin tülküür* «Ключ разума» – переведен со старописьменного монгольского. Колофон у этого сочинения отсутствует, и переводчик его неизвестен. Перевод сделан небрежно и изобилует ошибками.

Время написания последних двух произведений неизвестно, но во всяком случае они не могут быть датированы позже, чем XVIII в.

Ойратские примеры, цитируемые в работе, приводятся в традиционной транслитерации. Слитное и раздельное написание слов следует оригиналу. Суффиксы, написанные отдельно от слова, в транслитерации пишутся через дефис.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОЙРАТСКОГО ЯЗЫКА

Изучение ойратского языка началось в первой половине XIX в. Первая грамматика была составлена А. Поповым [29] в 1847 г.; несколькими годами позже вышли работы Х.А. Цвика на немецком языке [48; 49; 50]. Почти одновременно с грамматикой А. Попова появилась книга Ал. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» [6], в которой автор параллельно рассматривает старописьменный монгольский и ойратский языки. В отличие от А. Попова большое внимание он уделяет значениям грамматических

форм. Сведения, которые дает Ал. Бобровников о монгольском языке, не потеряли научной ценности до сих пор. Однако Ал. Бобровников рассматривал ойратский язык как тот же монгольский на другой письменной основе. Он автоматически переносил на ойратский характеристики монгольских форм и их значений, отмечая лишь различия в написании.

Дальнейшее изучение ойратского литературного языка связано с именем А.М. Позднеева. Ему принадлежат хрестоматия [27] и словарь [28] этого языка. Вышедшие уже в начале XX в. грамматика Вл. Котвича [15] и словарь, а также грамматический очерк Г.И. Рамстедта [47] ориентированы на современный им калмыцкий разговорный язык. Более поздние грамматики также посвящены исключительно калмыцкому. Из них можно упомянуть работы Г.Д. Санжеева [35], У.У. Очирова [21], Б.Б. Бадмаева [4], Д.А. Павлова [23] и Г.Ц. Пюрбеева [31].

Калмыцким институтом общественных наук регулярно издаются сборники по проблемам филологии, содержащие статьи по отдельным вопросам грамматики калмыцкого языка. Некоторые сведения об ойратском литературном языке имеются в работах Г.Д. Санжеева [36; 38] и Н. Поппе [44] по сравнительному изучению монгольских языков. Материалы по старокалмыцкому языку из западноевропейских источников от Витцена (1692) до Цвика (1827) издал Г. Дёрфер [41a]. Две небольшие книги А.В.Бадмаева посвящены личности Зая-пандиты [1] и его биографии [2]. Выдающиеся заслуги Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов отмечают в своих статьях Н. Поппе [30] и Б. Ринчен [33].

В сентябре 1968 г. в г. Элисте проходила научная конференция, посвященная 320-летию старокалмыцкой письменности. В опубликованном сборнике ее материалов содержатся статьи, посвященные характеристике Зая-пандиты как политического деятеля, создателя письма «тодо бичиг» и литературного языка ойратов, а также некоторым памятникам старокалмыцкой письменности.

В 70-е годы появилось несколько работ о «ясном письме». В первую очередь это монография Х. Лувсанбалдана [16], затрагивающая самые разные вопросы, связанные с «ясным письмом», историей его появления, с фонетикой и морфологией ойратского языка. Автор также дает классификацию памятников, написанных «ясным письмом». Х. Лувсанбалдан приводит названия 65 сочинений, переведенных Зая-пандитой, которые автору удалось обнаружить в библиотеках Республики Монголии и СНГ, а также устанавливает имена заказчиков и переписчиков рукописей. В монографии воспроизводятся колофоны рукописей этих сочинений. В посмертно изданной работе Ц.Д. Номинханова [19] в первой главе, посвященной старокалмыцкой письменности, рассматриваются некоторые вопросы ее графики, а также фонетики и морфологии старокалмыцкого языка. В 1979 г. был издан учебник старокалмыцкого языка на кал-

мыщком [26]. Авторы трех последних работ основное внимание уделяют вопросам графики и фонетики ойратского языка. При характеристике морфологии они ограничиваются лишь парадигмами склонения и спряжения.

Отдельно необходимо отметить многочисленные работы, посвященные наиболее изученной стороне ойратского языка – фонетике. Обширные сведения по ойратской фонетике в сравнении с другими языками имеются в указанных выше работах Н. Поппе [44] и Г.Д. Санжеева [36; 40], в диссертации Н.К. Вербы [7]. Имеются работы по фонетике калмыцкого языка в историческом освещении [25]. В 1984г. в Элисте вышла «Библиография по калмыцкому языкознанию», включающая также работы и по ойратскому языку [5a]*.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Ойратский алфавит (см. табл. 1) был создан Зая-пандитой на основе старомонгольского алфавита, который был заимствован монголами у уйгуров в XIII в. Уйгурский, в свою очередь, восходит к согдийскому, а в конечном счете к арамейскому алфавиту. Буквы, отличающие алфавит Зая-пандиты от монгольского, образованы видоизменением старых монгольских букв или присоединением к ним диакритических знаков.

Ойратское письмо имеет вертикальное направление, буквы в слове и слова пишутся сверху вниз. Слова в столбцах разделяются пробелами; столбцы располагаются слева направо. Большинство букв имеет три различных написания для начала, середины и конца слова.

В таблицу не включены буквы, встречающиеся в текстах только в составе тибетских и санскритских слов (в основном религиозных терминов и имен собственных) и служащие для записи звуков, которые отсутствуют в ойратском языке, например *v* и *h*.

Здесь и ниже ойратские примеры приводятся в традиционной транслитерации; предполагаемое реальное произношение, если необходимо, дается в квадратных скобках.

Ойратская орфография в основном фонетическая, т.е. каждая буква в принципе отражает один звук. Только [ŋ] обозначается диграфом *ng*. Однако некоторые написания не вполне последовательны или не до конца ясны.

В ойратском языке имелись долгие гласные, и одной из заслуг Зая-пандиты явилось их отражение на письме. Однако долгота гласных обозначается двойко: с помощью специального знака *удан* (*udān* – горизонтальная черточка, которая ставится после гласного справа от слова) и удвоением гласного. Удан встречается с гласными

* Работа над настоящей рукописью была завершена десять лет назад и потому не отражает многие исследования, вышедшие из печати начиная с середины 80-х годов.

Ойратский алфавит

№	Написание букв			Транслитерация
	в начале слова	в середине слова	в конце слова	
1	ᠠ	ᠠ	ᠠ	a
2	ᠡ	ᠡ	ᠡ	e
3	ᠢ	ᠢ	ᠢ	i
4	ᠣ	ᠣ	ᠣ	o
5	ᠥ	ᠥ	ᠥ	ö
6	ᠦ	ᠦ	ᠦ	u
7	ᠨ	ᠨ	ᠨ	ü
8	ᠬ	ᠬ	ᠬ	n
9	ᠬ	ᠬ	ᠬ	x
10	ᠭ	ᠭ	ᠭ	γ
11	ᠭ	ᠭ	ᠭ	b
12	ᠰ	ᠰ	ᠰ	s
13	ᠱ	ᠱ	ᠱ	š
14	ᠲ	ᠲ	ᠲ	t
15	ᠳ	ᠳ	ᠳ	d
16	ᠯ	ᠯ	ᠯ	l
17	ᠮ	ᠮ	ᠮ	m
18	ᠴ	ᠴ	ᠴ	c, č
19	ᠵ	ᠵ	ᠵ	z, ž
20	ᠶ	ᠶ	ᠶ	y
21	ᠶ	ᠶ	ᠶ	k ¹
22	ᠶ	ᠶ	ᠶ	k ¹
23	ᠶ	ᠶ	ᠶ	g
24	ᠶ	ᠶ	ᠶ	k ¹
24	ᠶ	ᠶ	ᠶ	q ²
25	ᠶ	ᠶ	ᠶ	r

Примечания. ¹Буквы № 21 и 23 одинаково транслитерируются как k; первая встречается только перед гласными переднего ряда (e, i, ö, ü), вторая – перед гласными заднего ряда (a, o, u).

²Буква № 24 традиционно транслитерируется как q; в середине слова встречается только перед согласными. По-видимому, она передает слабый заднеязычный или увулярный согласный.

a, e, o, ö, i; удваиваются гласные *u* и *ü*. Во втором случае, особенно в текстах более раннего периода, вместо *uu, üü* встречается также написание *ou, öü*.

В алфавите Зая-пандиты не различаются шипящие и свистящие аффрикаты, т.е. каждая пара звуков *č* и *c*, *ǰ* и *z* записывается одной буквой; перед гласным *i* эти буквы читаются как шипящие, в остальных случаях – как свистящие.

Не вполне последовательно написание заднеязычных и увулярных согласных. Пяти буквам, обозначающим эти согласные в начале и в середине слога, соответствует только одна, отличающаяся от всех пяти (и транслитерируемая как *q*). Действительное ее чтение неясно.

Поскольку ойратский язык испытал сильное влияние старописьменного монгольского, многие слова в нем имеют двойное написание, одно из которых, собственно ойратское, приближено к произношению в разговорном языке, а другое – к их написанию по правилам традиционной монгольской орфографии:

разг.	град.	
<i>nökör</i>	<i>nökür</i>	‘друг’
<i>zanaхи</i>	<i>zanixи</i>	‘грозить’
<i>γurbun</i>	<i>γurban</i>	‘три’

ФОНЕТИКА

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Описание фонетики языка, известного только по письменным памятникам, не может достоверно отразить состояние его живого произношения. Приходится отталкиваться от алфавита и ограничиваться предположениями о том, каким звукам могли соответствовать те или иные буквы в период, когда создавалась письменность.

Предположения о действительном чтении некоторых ойратских написаний можно делать на основании современного калмыцкого произношения, старописьменного монгольского языка, а также знания общемонгольских фонетических процессов.

Одним из наиболее интересных спорных вопросов ойратской фонетики является интерпретация написания долгих гласных и дифтонгов. В большинстве современных монгольских языков имеются долгие гласные, которые противопоставляются кратким как отдельные фонемы. Образование долгих гласных относится к XIII в., когда завершился процесс выпадения интервокальных согласных *γ, g, y*. В течение некоторого времени гласные, которые были прежде разделены выпавшими согласными, продолжали существовать отдельно, в особенности если они не были одинаковыми, но позже стягивались в один долгий гласный. Старое монгольское написание не отражало этих процессов; там, где в живой речи уже произносились долгие гласные, продолжали писать комплексы с интервокальными согласными.

Иначе обстоит дело в письме *тодо бичиг*. В нем имеется специальный знак, называемый *удан* (букв. 'длительный'), который употребляется только с буквами *a, e, o, ö, i*, изредка с *и*. Долгое время принято было считать его диакритическим знаком, обозначающим долготу предшествующего гласного. Но в последнее время монгольские лингвисты предложили рассматривать *удан* не как знак долготы, а как самостоятельную букву, изображающую долгие звуки \bar{a}/\bar{e} (в зависимости от правил сингармонизма)³.

Сторонники последней теории приводят примеры написания ойратских слов, часть из которых может быть объяснена фонетическими нормами халхаского диалекта, но не калмыцкого языка, а другие вообще не имеют параллелей в современных языках, например:

ойр.	калм.	халх.	
<i>yabūd</i>	[jовād]	[жавād]	‘уйдя’
<i>barīd</i>	[барād]	[барād] ~ [баріād]	‘держа’
<i>xanīdun</i>	[хан’ādān]	[хан’ад] ~ [ханиād]	‘кашель’
<i>arūr</i>	[арār]	[арār]	‘позади’
<i>dolōn</i>	[долān]	[долōн]	‘семь’

Если принять для знака *удан* значение долгих *ā/ē*, то произношение приведенных выше слов уже не будет выпадать из общей системы: *yabiād* ‘уйдя’, *bariād* ‘держа’, *xaniādun* ‘кашель’, *aruār* ‘позади’, *doloān* ‘семь’.

Согласно Г. Жамьяну, во всех сочетаниях гласных второй компонент был долгим: *ui*, *oi*, *oa* и т.п. После согласных долгие гласные не встречались. (Практически это означает, что долгота не являлась смыслоразличительным признаком.) В ойратских говорах XVII в. имелись долгие *ā*, *ē*, *ī*, *ū*, *ī*, но не было *ō*, *ö*. Долгие гласные в отличие от кратких не подчинялись губной гармонии, ср. *olon* ‘много’, но *doloān* ‘семь’.

Новая трактовка *удана* удачно объясняет такие формы, как *yabiād* ‘уйдя’, *bariād* ‘держа’ (традиционная транслитерация – *yabūd*, *barīd*): они содержат суффикс, восходящий к древнемонгольскому **-γad* и присоединяющийся к основам *yabu-* ‘идти’ и *bari-* ‘держать’. Однако остаются неясными такие формы, как *boāl* ‘раб’: это слово в старописьменном монгольском писалось *boγol*, т.е. не имело гласного *a*. В этом случае более логичным было бы традиционное объяснение *удана* как знака долготы (*bōl*) [16, с. 43].

Другой спорный вопрос касается написаний, соответствующих долгим *u*, *ū* в современном калмыцком языке.

В текстах, написанных «ясным письмом», встречаются два варианта написания некоторых слов, например: *xatou* ~ *xatuu* ‘твердый’, *oula* ~ *uula* ‘гора’, *zalou* ~ *zaliu* ‘молодой’, *töüke* ~ *tüüke* ‘история’.

Написания с *ou*, *öü* – более ранние, чем с *ui*, *üü*. Они восходят к комплексам *aγu*, *egü*, сохраняющимся в старописьменном монголь-

³ Эту идею защищают Г. Жамьян [9] и Ш. Лувсанвандан; ее сторонником был и Г.Д. Санжеев, который, правда, считал, что *удан* обозначает ударный, а не долгий гласный. Но Х. Лувсанбалдан придерживается традиционной точки зрения.

ском, и отражают промежуточный этап в развитии этих комплексов: *aγula* → *aula* → *oula* → *uula* [ūla] 'гора'.

В то же время слова, в которых *uu*, *üü* происходят из *uγu*, *ügü*, не имеют вариантов с *ou*, *öü*, например: *buruγu* → *buruu* 'неправильно', *üγüür* → *üzüür* 'конец'.

При выборе формы суффикса, присоединяющегося к основе, сочетания *ou*, *öü* (а также *iu*, *iü*) во всех отношениях приравниваются к долгим (*uu*, *üü*).

Н. Поппе и Х. Лувсанбалдан считают написания *uu*, *üü* и *ou*, *öü* двумя разными способами обозначения долгих /ū/, /ü/. Г. Жамьян полагает, что они, так же как и *iu*, обозначают сочетания двух гласных, краткого и долгого. В его интерпретации это выглядит так: *xatoū* 'крепкий', *uūr* 'пар', *ariūn* 'чистый', *zöün* 'левый', *küūken* 'девушка'.

В любом случае получается, что длительность узких гласных Зая-пандита обозначал иначе, чем длительность широких.

Г. Жамьян также по-своему интерпретирует сочетания с гласным *i*. Традиционно считается, что дифтонги с *i* в конце слова обозначаются сочетанием гласной буквы с *i*, а в середине – сочетанием с *ui*. Например, дифтонг /ai/ в конце слова пишется как *ai*, в середине – как *ayi* -: *dalai* 'море', *sayin* 'хороший'. По мнению Г. Жамьяна, в этих случаях мы тоже имеем дело с сочетаниями двух гласных звуков, краткого и долгого, между которыми может находиться согласный *y*: *dalaī*, *sayīn*.

В общем, там, где по традиции видели различные способы обозначения долгих гласных и дифтонгов, по новой теории выделяются сочетания гласных, отнюдь не сливающиеся в один звук; второй гласный при этом – всегда долгий.

Если пренебречь знаком долготы в новой транслитерации, который в ней ставится автоматически на второй гласной букве сочетания, различия между старой и новой транслитерацией сводятся к следующим написаниям:

традиционная транслитерация	новая транслитерация	старописьменный монгольский
<i>ā</i>	<i>aa</i>	<i>aγa</i>
<i>ē</i>	<i>ee</i>	<i>ege</i>
<i>ō</i>	<i>oa</i>	<i>uγa</i>
<i>ö</i>	<i>öe</i>	<i>üge</i>
<i>ī</i>	<i>ia, ie</i>	<i>iγa, ige</i>
<i>ū</i>	<i>ua</i>	<i>uγa</i>

ГЛАСНЫЕ

В ойратском языке семь кратких гласных: *a, o, u, e, ö, ü, i*.

a: *baɣa* 'мало', *adali* 'подобно';

o: *olon* 'много', *oɣotono* 'полевая мышь' (в непервых слогах *o* возможен только после *o* в первом слоге);

u: *utuxu* 'дымить', *nasun* 'возраст';

e: *kele* 'язык', *müren* 'река';

ö: *nökör* 'друг', *önödür* 'сегодня' (в непервых слогах *ö* возможен только после *ö* в первом слоге);

ü: *kümüin* 'человек', *nidiin* 'глаз';

i: *bičiq* 'письмо', *salkin* 'ветер'.

Гласные различаются по следующим характеристикам: 1) переднерядные – заднерядные: *e – a, ö – o, ü – u*; 2) лабиализованные – нелабиализованные: *e – ö, i – ü*; широкие – узкие: *e – i, o – u, ö – ü* (см. табл. 2).

Система кратких гласных ойратского языка полностью совпадает с системой гласных старописьменного монгольского языка.

Таблица 2

Классификация гласных

Подъем	Нелабиализованные		Лабиализованные	
	передний ряд	задний ряд	передний ряд	задний ряд
Верхний (узкие гласные)	<i>i</i>		<i>ü</i>	<i>u</i>
Средний (широкие гласные)	<i>e</i>		<i>ö</i>	<i>o</i>
Нижний (широкие гласные)		<i>a</i>		

Гласные *ö* и *ü* в ойратском, по-видимому, были гласными переднего ряда; они сохранились в калмыцком в отличие от других современных монгольских языков, где им соответствуют гласные среднего ряда *o, u*.

Вопрос о долгих гласных и дифтонгах спорен (см. выше). Традиционно предполагается наличие семи долгих гласных:

ā: *xān* 'хан', *xarāl* 'проклятье';

ō: *odō* 'сейчас', *nōsun* 'шерсть';

[*ū*] (передается на письме сочетанием *uu*): *adiun* 'табун', *biruii* 'неправильный';

ē: *ünē* 'корова', *nēkü* 'открывать';

ō: *ödō* 'вверх', *dörō* 'стремя';

[ū] (передается сочетанием *üü*): *üzüür* 'конец', *šüüsün* 'сок';

[ī] (передается написаниями *ī*, *ii* или *iyi*): *čīq*, *čiyiq* 'сырость', *kii* 'воздух'.

Написания *ī*, *ū* в глагольных формах (*barīd* 'держа', *yabūd* 'уйдя' и т.п.) явно не обозначали долгих гласных.

Возможно, что в ойратском сохранялись дифтонги *ou*, *öü*, однако обычно их считают лишь особым способом написания долгих [ū], [ü], например:

ou: *oula* 'гора', *doun* 'голос';

öü: *töüke* 'история', *söül* 'хвост'.

Дифтонги на *i* записывались в конце слова сочетанием гласной буквы с *i*, в середине – гласной с *yi*, например:

[ai]: *ḡaxai* 'свинья', *bauxi* 'быть';

[oi]: *oi* 'лес', *hoūno* 'после';

[ui]: *aḡui* 'пещера', *uyidxin* 'узкий';

[ei]: *delekei* 'мир', *teyimü* 'такой';

[öi]: *zögöi* 'пчела', *öyimökü* 'плавать';

[üi]: *güi* 'беги', *üyile* 'дело'.

При переносе слова с одной строки на другую, если перенос оказывается после сочетания «гласная + *yi*», вместо него пишется «гласная + *i*», т.е. написание, обозначающее дифтонг в конце слова, например *üyile* – *üi-le*, *sayixan* – *sai-xan*. И наоборот, при переносе на другую строку конечной гласной *i* после гласной буквы в конце слова она заменяется на *yi*: *asaqbai* – *asaqba-yi*, *oqtorḡui* – *oqtorḡu-yi*, *čidamui* – *čidamui-yi*. Это может служить свидетельством того, что написания с *i* и *yi* являются двумя способами записи одних и тех же дифтонгов в середине и в конце слова.

Написания, традиционно рассматриваемые как обозначения долгих гласных и дифтонгов, согласно Г. Жамьяну, отражают сочетания краткого и долгого гласных: *xaān* 'хан', *odoā* 'сейчас', *oula* 'гора', *ḡaxai* 'свинья', *hoūno* 'после' и т.д. Таким образом, долгих гласных оказывается пять – *ā*, *ē*, *ū*, *ü*, *ī*, и они возможны только в положении после другого гласного.

СИНГАРМОНИЗМ

В ойратском языке действует закон сингармонизма (гармонии гласных). По традиционной монгольской терминологии все гласные делятся на гласные мужского (*a*, *o*, *u*) и женского (*e*, *ö*, *ü*) рядов и нейтральный (*i*). По закону гармонии гласных в пределах одного слова не могут наличествовать гласные разных рядов. Нарушения закона возможны в заимствованных терминах и именах собственных: *gelong*, *teiḡal*. Нейтральный гласный возможен в словах с гласными и того и другого ряда.

Еще одним фактором, определяющим вокализм слова в ойратском языке, является губное притяжение. Сущность его заключается в том, что если в слове гласным первого слога является *o* или *ö*, то в последующих слогах возможны только лабиализованные гласные или нейтральный *i*, например: *olon* 'много', *nökör* 'друг', *orgil* 'вершина'. Из этого правила есть одно исключение: если второй слог содержит долгие *uu*, *üü* (или *ou*, *öü*), то на последующие слоги губное притяжение уже не распространяется (в них возможны гласные *a*, *e*, но не *o*, *ö*), например: *oroulaxu* 'вводить', *ögöülekü* 'говорить'.

С другой стороны, если первым гласным слова является *a* или *e*, то гласные *o*, *ö* в последующих слогах исключены. Но это правило не распространяется на узкие гласные: *u*, *ü* могут находиться в одном слове с *a*, *e*. В то же время они сравнительно редко встречаются в словах, первым гласным которых является *o* или *ö*: возможны написания *modun* 'дерево', *mörgül* 'моление' наряду с *modon* и *mörgöl*. Возможные сочетания кратких гласных в основах приведены в табл. 3.

Сочетаемость долгих гласных и дифтонгов с другими гласными следует в общем тем же правилам, что и соответствующих кратких, например:

ā: *nādun* 'игра', *caḡān* 'белый', *zurḡān* 'шесть';

uu: *nuuca* 'тайный', *aduun* 'табун', *uḡuul* 'губы';

ō: *ōro-* 'портиться', *dolōn* 'семь';

ē: *dēdü* 'высший', *bütēl* 'творение', *emēl* 'седло';

üü: *šüüsün* 'сок', *büüri* 'кочевье', *ücüüken* 'маленький';

ö: *ödö* 'наверх', *öši* 'сети', *örösön* 'один из пары';

ai: *ḡaxai* 'свинья';

ui: *aḡui* 'пещера';

oi: *nohoi* 'собака';

ei: *delekei* 'мир'.

Кроме того, долгие *ō*, *ō̄* могут встречаться после гласного *i*: *irōl* 'дно', *irō̄* 'знак'.

Дифтонги *ou*, *öü* по сочетаемости сходны с гласными *a*, *u*, *e*, *ü*, а не с *o*, *ö*, например:

ou: *oula* 'гора', *toulai* 'заяц', *houli* 'закон', *xatou* 'крепкий', *izour* 'корень';

öü: *öülen* 'облако', *keröül* 'ссора', *ilöür* 'утюг', *köböün* 'сын'.

Законы гармонии гласных и губного притяжения распространяются на большинство суффиксальных морфем ойратского языка, которые вследствие этого имеют по несколько вариантов. В отличие от старописьменного монгольского в ойратском языке суффиксы с широкими гласными имеют четыре варианта – с гласными *a*, *e*, *o*, *ö* (показатель совместного падежа, суффикс условного деепричастия и

др.). Суффиксы с узкими гласными имеют либо два варианта (с гласными *u, ü*), либо только одну форму с *i*. Примером первых могут служить показатели дательного-местного и соединительного падежей, вторых – соединительного деепричастия, винительного и родительного падежей.

Таблица 3

Возможные сочетания кратких гласных в основах

Гласный предыдущего слога	Гласный, допустимый в следующем слоге	Примеры
<i>a, u</i>	<i>a, u, i</i>	<i>ɣazar</i> 'земля' <i>yasun</i> 'кость' <i>maši</i> 'очень' <i>ɣurban</i> 'три' <i>subud</i> 'жемчуг' <i>ɣičin</i> 'тридцать'
<i>o</i>	<i>o, i</i> , редко <i>u</i>	<i>noyon</i> 'нойон' <i>onisu</i> 'тайна' <i>modun</i> 'дерево'
<i>e, ü</i>	<i>e, ü, i</i>	<i>yeke</i> 'большой' <i>getül-</i> 'освободиться' <i>ceriq</i> 'войско' <i>nüken</i> 'дыра' <i>üsün</i> 'волосы' <i>tüši-</i> 'опираться'
<i>ö</i>	<i>ö, i</i> , редко <i>ü</i>	<i>ölöng</i> 'голод' <i>zöbči</i> 'совет' <i>öndür</i> 'высокий'
<i>i</i>	<i>a, e, u, ü, i</i>	<i>bida</i> 'мы' <i>nigen</i> 'один' <i>čisun</i> 'кровь' <i>nidün</i> 'глаз' <i>šinji</i> 'примета'

Гармония гласных не распространяется на суффикс мн. числа *-noɣud* и показатели орудного и исходного падежей *-yēr/-bēr* и *-ēse*, которые имеют одну фонетическую форму для слов с гласными обоих рядов.

Варианты с гласными *a, o, u* встречаются в словах с гласными мужского ряда, *e, ö, ü* – женского. При этом варианты с *o, ö* возможны только при основах, последним гласным которых является также *o, ö*; в остальных случаях употребляются варианты с *a, e*.

Если в слове имеется гласный *i*, вокализм суффикса определяется другими гласными этого слова. Слова, содержащие только гласный

i, принимают суффиксы женского ряда (с *e*, *ü*). Традиционно основными вариантами суффиксов с широкими гласными считается вариант с *a*, суффиксов с узкими лабиализованными гласными – вариант с *u*. Ниже в ряде случаев приводится только основной вариант суффикса.

Помимо сингармонических вариантов некоторые суффиксы имеют также варианты, определяемые конечным звуком основы. Если на стыке морфем встречаются два гласных, они подвергаются тем или иным изменениям, характер которых зависит от краткости или долготы этих гласных. Правда, суффиксов, начинающихся с гласного, в ойратском языке немного; суффиксы, начинающиеся с краткого гласного, в нем практически отсутствуют. Единственный пример – это показатель винительного падежа, имеющий вариант *i*, возможный после конечных *a* и *e* основы и присоединяющийся к ней без каких-либо изменений: *eke* ‘мать’ – *ekei* ‘мать’ (вин.п.).

Суффиксы с долгими широкими гласными, имеющие четыре варианта, например *-ād* (суффикс разделительного деепричастия или разделительных числительных), *-ān* (суффикс субъектного притяжения), присоединяясь к основе слова на широкий же краткий звук, не изменяются; гласный основы сливается с гласным суффикса: *xaraxu* ‘смотреть’ – *xarād* ‘смотря’, *eke* ‘мать’ – *ekēn* ‘свою мать’, *bosoxu* ‘встать’ – *bosōd* ‘встав’, *dörbö(n)* ‘четыре’ – *dörböd* ‘по четыре’.

Если конечный гласный основы – узкий (*u*, *ü*, *i*), он может выпадать и форма суффикса не изменится: *urγuxu* ‘расти’ – *urγād* ‘растя’, *mürgükü* ‘молиться’ – *mürgēd* ‘молясь’.

Однако чаще конечные узкие гласные влияют на широкий гласный суффикса, изменяя его: *sedkikü* ‘думать’ – *sedkīd* ‘подумав’, *tabu(n)* ‘пять’ – *tabūd* ‘по пять’, *yabuxu* ‘идти’ – *yabūd* ‘идя’ (о трактовке написаний, транслитерируемых *ī*, *ū*, см. выше). Некоторые формы встречаются в двух вариантах – с выпадением конечного гласного основы и с изменением гласного суффикса, например *yabād* и *yabūd* ‘идя’.

Суффиксы с узкими долгими гласными, имеющие два варианта (ср. выше о широких гласных), например *iuul* (суффикс побудительного залога или именной словообразовательный суффикс), присоединяясь к основам, кончающимся на любой краткий гласный, кроме *i*, не изменяются, конечный гласный выпадает или сливается с гласным суффикса (гласный *i* сливается с гласным суффикса, образуя сочетания *iu/iü*), например: *üzekü* ‘видеть’ – *üzüüleki* ‘показывать’, *oroхи* ‘входить’ – *oruulaxu* ‘вводить’, *urγuxu* ‘расти’ – *urγuulxu* ‘посадить’, *mürgükü* ‘молиться’ – *mürgüül* ‘моление’, *barixu* ‘держат’ – *bariul* ‘ручка’, *tülkikü* ‘толкать’ – *tülkiür* ‘ключ’.

Если основа кончается на долгий согласный (или дифтонг), то между ним и долгим гласным суффикса появляется соединительный согласный *-γ/-g-*: *golō(n)* ‘семь’ – *dolōγōd* ‘по семь’, *caуixu* ‘белеть’ – *caуiγād* ‘побелев’, *zou(n)* ‘сто’ – *zouγad* ‘по сто’.

Все сказанное выше не распространяется на суффикс исходного падежа *-ēse*, который независимо от конечного звука основы всегда пишется отдельно и не изменяется.

В случае, если конечный звук основы – гласный, а суффикс начинается на согласный, или, наоборот, основа оканчивается на согласный, а суффикс начинается на гласный, присоединение морфем к основе слова происходит без каких-либо изменений.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ

Если произношение отдельных гласных звуков ойратского языка (по крайней мере кратких) заметно не отличается от произношения в монгольских литературных языках более раннего времени, то написание некоторых слов в нем отличается от такового в старописьменном монгольском. Письмо Зая-пандиты отразило часть общемонгольских фонетических процессов, имевших место между XIV и XVII вв.

К этим процессам Д. Павлов относит в первую очередь явление губной ассимиляции, которое состоит в том, что под влиянием *o* и *ö* в первом слоге лабиализовались широкие гласные последующих слогов – *a*, *e*, а также дифтонги *ai*, *ei* [25, с. 48]. В тех же условиях подверглись ассимиляции гласные *u*, *ü*, перешедшие в *o*, *ö*, например:

ст.-п. монг.	ойр.	
<i>solungγa</i>	<i>solongγo</i>	‘радуга’
<i>toluγai</i>	<i>toloγoi</i>	‘голова’
<i>törül</i>	<i>töröl</i>	‘рождение’

Однако этот процесс происходил неравномерно. В частности, дифтонги *ui*, *üi* в конце слова сохраняются: *oqtorγui* ‘небосвод’, *öröšönggüi* ‘милостивый’. Д. Павлов считает, что гласные *u*, *ü* сохранялись перед конечным *-n*: *modun* ‘дерево’, *tosun* ‘масло’, *mösün* ‘лед’. Однако в текстах встречаются слова, в которых ассимиляция не произошла и перед другими согласными: *mörgül* ‘моление’, *öndür* ‘высокий’, *kökül* ‘грудной’. Гласные *u*, *ü* в составе словоизменительных суффиксов, как правило, не ассимилировались.

Другой общемонгольский процесс, который был зафиксирован в «ясном письме», – это так называемый перелом гласного *i*. Он свойствен всем монгольским языкам, но проходил в них неравномерно и в разные сроки. «Переломом» *i* называют ассимиляцию гласного *i* в первом слоге гласному следующего слога. Например:

ст.-п. монг.	ойр.	
<i>miqa</i>	<i>maxa</i>	‘мясо’
<i>šira</i>	<i>šara</i>	‘желтый’
<i>širu-</i>	<i>zuru-</i>	‘рисовать’

Ойратское письмо во многих случаях не отмечает перелома там, где он есть в современном калмыцком; ср.:

ойр.	калм.	
<i>čino</i>	чон	‘волк’
<i>čimadu</i>	чамд	‘тебе’
<i>nidiün</i>	нүдн	‘глаз’

О незавершенности этого процесса к моменту создания «ясного письма» свидетельствуют и разночтения, встречающиеся в текстах: *nidiün* ~ *nüdiün* ‘глаз’, *šilüsün* ~ *šülüsün* ‘слюна’.

СОГЛАСНЫЕ

В ойратском языке имеются следующие согласные звуки:

b: *beye* ‘тело’, *tabin* ‘пятьдесят’, *keb* ‘внешняя форма’;

d: *dabā* ‘горный перевал’, *modon* ‘дерево’, *kiyid* ‘монастырь’;

t: *tarixu* ‘сеять’, *xoto* ‘желудок’;

g: *gem* ‘вред’, *degē* ‘крюк’;

γ: *γazar* ‘земля’, *baγa* ‘мало’;

k: *kituγa* ‘нож’, *yeke* ‘большой’, *kā* ‘адъютант’, *sakuusun* ‘хранитель’;

s: *sara* ‘луна’, *nōsun* ‘шерсть’, *tenggis* ‘море’;

š: *šine* ‘новый’, *xaša* ‘ограда’, *xoš* ‘пара’;

y: *yabixu* ‘идти’, *noyon* ‘нойон’, ‘князь’;

x: *xara* ‘черный’, *toxoi* ‘локоть’;

c: *casun* ‘снег’, *ceceq* ‘цветок’;

č: *čisun* ‘кровь’, *tarāčī* ‘хлебопашец’;

z: *zes* ‘медь’, *ezege* ‘сыр’;

ǰ: *ǰil* ‘год’, *mǰiur* ‘грабли’;

m: *manul* ‘дикая кошка’, *nimgen* ‘тонкий’, *em* ‘лекарство’;

n: *nanan* ‘солнце’, *γanza* ‘трубка’;

ng ([ŋ]): *mōngkō* ‘вечный’, *ang* ‘дичь’;

l: *liu* ‘дракон’, *altan* ‘золото’, *emēl* ‘седло’;

r: *ridi* ‘волшебство’, *arban* ‘десять’, *tōmör* ‘железо’.

Согласные разделяются на несколько групп в зависимости от их способности употребляться в начале, в середине или в конце слова. Различаются шумные и сонорные согласные, среди шумных – смычные, аффрикаты и щелевые, среди сонорных – носовые и неносовые. Смычные и аффрикаты могут быть сильные и слабые, щелевые – глухие и звонкие. Сильные согласные, по-видимому, произносились как глухие придыхательные, слабые – как звонкие или полувзвонкие. Классификация согласных приведена в табл. 4 (в скобках указаны варианты фонем).

Классификация согласных

Способ образования			Место образования				
			губ- но- губ- ные	пе- ред- не- языч- ные	сред- не- языч- ные	задне- языч- ные	увуляр- ные
Шумные	смычные	сильные		<i>t</i>		<i>k</i>	
		слабые	<i>b</i>	<i>d</i>		<i>g</i>	(<i>ɣ</i>)
	аффри- каты	сильные		<i>c</i> (<i>č</i>)			
		слабые		<i>z</i> (<i>ʃ</i>)			
	спиран- ты	глухие		<i>s, š</i>			<i>x</i>
		звонкие			<i>y</i>		
Сонорные	носовые		<i>m</i>	<i>n</i>		<i>ŋ</i>	
	боковые			<i>l</i>			
	дрожачие			<i>r</i>			

Все согласные, кроме *ŋ*, могут встречаться в середине слова перед гласными. Заднеязычный носовой *ŋ* возможен только в конце слова, а также в середине слова перед следующим заднеязычным. Многие согласные невозможны в конце слога. Некоторые не встречаются или очень редко встречаются в начале слова.

Состав согласных фонем ойратского языка незначительно отличается от старомонгольского. Те процессы, которые в дальнейшем привели к появлению самостоятельных фонем в калмыцком языке, в момент создания «ясного письма» в середине XVII в. еще только начались, и некоторые изменения в произношении согласных, имевшиеся в то время, не носили еще фонематического характера.

Шипящие аффрикаты в ойратском языке возможны только перед *i*, свистящие – перед остальными гласными. Таким образом, различие между ними еще не является фонематическим; есть только две фонемы – аффрикаты, сильная и слабая, каждая со свистящим и шипящим аллофонами: *c* и *č*, *z* и *ʃ*. В алфавите Зая-пандиты каждая фонема всегда обозначается одной буквой, но в транслитерации их свистящий и шипящий варианты принято различать. После перелома гласного *i* шипящие стали возможны перед многими гласными и получили статус фонем; но в языке ойратской письменности перелом *i* еще не закончился.

В старописьменном монгольском языке заднеязычные и увулярные согласные не были самостоятельными фонемами; первые встре-

чались в словах с гласными переднего ряда, а также в словах заднего ряда перед *i*, вторые – в словах заднего ряда в других условиях. В ойратском языке ко времени создания «ясного письма» увулярный смычный [q] перешел в увулярный щелевой *x*; заднеязычный *k* сохранился, но он оказался возможен и в немногих словах с гласными заднего ряда перед долгим *ā*, которое соответствует старописьменномонгольскому *iya; takiya > takā* 'курица', *Jokiyal > zokāl* 'правило'. В этих случаях заднеязычный *k* записывался специальной буквой. Таким образом, как *k*, так и *x* были возможны в словах заднего ряда и, следовательно, стали разными фонемами, а слабые *g* и *γ*, вероятно, оставались вариантами одной фонемы. В конце или в середине слова заднеязычным и увулярным согласным соответствовала особая буква, транслитерируемая как *q*. Она встречается в словах с гласными обоих рядов: *хоq* 'мусор', *zarliq* 'указ', *baqši* 'учитель', *kereq* 'нужно', *teqši* 'поровну'. По аналогии с *b* и *d*, которые в отличие от *t* могут стоять в конце слова, можно предполагать, что буква *q* обозначала слабый согласный.

Итак, в ойратском языке различались три заднеязычные и увулярные фонемы: слабая, варианты которой обозначались буквами *g*, *γ*, *q*; сильная заднеязычная *k*; щелевая увулярная *x*.

СТРУКТУРА СЛОГА

В ойратском литературном языке слог может иметь вид Г, ГС, СГ, СГС (где Г – гласный или дифтонг, С – согласный). Сочетания двух согласных в начале слова или трех внутри корня возможны в исключительных случаях в заимствованных словах, например: *klu* 'дракон', *arslan* 'лев'.

Согласные ойратского языка делятся, по терминологии Г.Д. Санжеева, на превокальные и непревокальные. Первые могут стоять только перед гласным и невозможны в конце слога (перед другим согласным или в конце слова); вторые могут занимать место в конце слога. К превокальным относятся глухие смычные и щелевые (*t*, *x/k*, *š*), все аффрикаты (*c*, *z*, *č*, *ǰ*), а также *y* (правда, не исключено, что дифтонги с *-i* надо рассматривать как сочетания гласных с конечным согласным *-y*). Впрочем, в словаре А. Позднеева есть несколько примеров употребления *š* в конце слога (в середине слова) перед согласными *l*, *k* и *t*: *хоšloxi* 'жить', *biškiür* 'флейта', *oški* 'легкие' (анат.) По-видимому, это формы более позднего происхождения.

В ойратском языке к превокальным можно было бы отнести также *γ/g*, однако весьма вероятно, что эти звуки могли быть и в конце слога, но писались особой буквой, транслитерируемой как *q* (см. выше).

Остальные согласные – сонорные (*m, n, ng, l, r*), слабые смычные (*b, d* и буква *q*), а также глухой *s* – относятся к непревокальным. При этом *ng, r, q* не встречаются в начале слова и после согласных. Употребление *r* в этих позициях возможно как исключение в заимствованных словах: *ridi* ‘волшебство’, *kraq kriq* ‘десять тысяч’. Кроме того, *ng* и *q* невозможны и между гласными, т.е. встречаются только в конце слога (перед согласным или в конце слова).

Сочетания согласных в ойратском языке возникают только на стыках слогов. Естественно, что первым элементом сочетания может быть только непревокальный согласный, вторым – любой, кроме *-ng, -r, -q*. Однако многие теоретически возможные сочетания реально не встречаются; некоторые другие допустимы только в середине двухсложных корней или только на стыках морфем. В частности, в корнях невозможны сочетания двух одинаковых согласных, в то время как на границах морфем они иногда встречаются.

Внутри корней ни в каких сочетаниях не участвует согласный *y*. Из остальных легче всего сочетаются с другими согласными *l* и *r*; они возможны почти перед любым другим согласным, а *l* – также и после почти любого согласного.

Из носовых *n* встречается только перед переднеязычными, *ng* – перед переднеязычными и заднеязычными, *m* – перед любыми согласными. Слабые смычные не встречаются перед согласными того же места образования: *b* невозможен перед губными, *d* – перед переднеязычными, *q* – перед заднеязычными. После глухих *s, ʃ* допускается только другой глухой *t* или *k/x*. В качестве второго элемента сочетания слабые согласные допускают перед собой меньше согласных, чем соответствующие сильные (глухие); в частности, *g/ɣ* может стоять после сонорных (кроме *n*).

В составе словоизменятельных суффиксов встречаются только сочетания, первым элементом которых является *q* или *l*; в словообразовательных суффиксах возможны и некоторые другие сочетания. Но во всяком случае, если соединение каких-то согласных недопустимо в корнях, оно невозможно и в суффиксах.

Сочетаемость согласных на стыках морфем определяется несколькими разными факторами. Здесь существенно, что некоторые суффиксы могут менять форму после основ, кончающихся на согласный, а также то, что у глагольных корней в исходе исключен носовой (*m, n, ng*). Количество суффиксов ограничено; поэтому если, например, ни один именной суффикс не начинается на *b*, а глаголы не кончаются на носовой, то, следовательно, сочетание носового согласного со следующим *b* на стыке морфем оказывается невозможным.

Суффиксы ойратского языка, не имеющие сингармонических вариантов, например показатель множественного числа *-noγuid*, орудного падежа *-bēr/-yēr*, обычно пишутся отдельно от существительного, как самостоятельные слова; при присоединении их к

основам, кончающимся на согласный, никаких фонетических изменений не происходит. Ниже при описании сочетаемости согласных они не учитываются.

Остальные суффиксы, начинающиеся с согласного, по особенностям их сочетаемости можно разделить на три группы: 1) не присоединяющиеся ни к какому согласному, 2) присоединяющиеся к любому согласному, 3) имеющие фонетические варианты, которые реализуются в зависимости от конечного согласного предшествующей морфемы.

К первой группе относятся, в частности, все суффиксы, начинающиеся с сочетания согласных, а также с носового согласного (*m, n*), например суффикс причастия *-qsan*, деепричастий *-n*, *-maqsa*, показатели настоящего-будущего времени *-tui*, *-nai* и др. Если основа кончается на согласный, между ним и суффиксом этой группы вставляется соединительный гласный.

Во вторую группу входят суффиксы, начинающиеся с глухого согласного, а также *b* и *l*, например суффикс причастия *-хи*, прошедшего времени *-bai*, совместного падежа *-tai*, словообразовательный суффикс *-la*. Суффиксы третьей группы имеют варианты, различающиеся не только гласными, но и согласными, причем выбор варианта по согласному зависит от конечного звука предшествующей морфемы. Наиболее распространенные суффиксы этой группы – это показатель дательного-местного падежа *-du/-tu*, страдательного залога *-dal/-ta*, деепричастия *-ji/-či*, побудительного залога *-γa/-xa*. Варианты с *t, c* употребляются после конечных шумных и *r*, варианты с *d, γ* – после сонорных и гласных. В побудительном залоге слабый *γ/g* представлен после сонорных согласных, т.е. *l* и *r*, а *k/x* – после шумных. Суффикс винительного падежа получает вид *-gi* после конечного заднеязычного предыдущей морфемы, суффикс родительного – *-ni* после конечного носового.

Особняком стоит показатель множественного числа *-d*, который не содержит гласного; если он присоединяется к основам на согласный, последний выпадает.

В результате взаимодействия перечисленных факторов некоторые сочетания согласных, допустимые внутри корня, оказываются невозможными на стыках морфем и наоборот. На стыках встречаются сочетания любых непревокальных согласных со следующими сильными (глухими) *t, c*; однако соответствующие слабые могут быть только после носовых и *l*. Глухой *k/x* возможен после всех согласных, кроме носовых, но *g/γ* – только после сонорных (*l, r, ng*) и *q*; *b* и *l* допустимы после любых согласных, носовые и *r* вообще не бывают второй частью сочетания, если не считать того, что *n* суффикса возможен с конечным *n* основы.

Изложенные здесь правила сочетаемости согласных следует рассматривать только как предварительные; вероятно, не все суффиксы ойратского языка были учтены.

ЛЕКСИКА

Словарный состав ойратского литературного языка сложился на основе старописьменного монгольского, на который опирался Заяпандита в своей реформе письменного языка. Практически любое монгольское слово может встретиться в ойратском тексте, и наоборот. Ойратских слов, которые в монгольском отсутствуют или редки, или имеют другое значение, можно найти очень немного, например: *örlö* 'утром', *tixulai* 'раб', *nayifinar* 'жена', *küb* 'пруд'. Однако при сравнении ойратских текстов с параллельными монгольскими часто оказывается, что одно и то же понятие в них обозначено разными словами (хотя в каждой такой паре оба слова существуют в обоих языках). Например:

ойр.	монг.	
<i>sanaxi</i>	<i>sedkiküi</i>	'думать'
<i>kilince</i>	<i>nigül</i>	'грех'
<i>dung</i>	<i>labai</i>	'раковина'
<i>gelong</i>	<i>toyin</i>	'гелонг'

Основную часть ойратской лексики (или лексики старописьменного монгольского языка) составляют исконно монгольские слова. Наряду с ними имеются заимствования из других языков – тюркских (в частности, уйгурского), санскрита, тибетского, греческого, арабского, иранских и китайского. С носителями этих языков монголы не обязательно имели непосредственные контакты. Часто иноязычные слова попадали в монгольский через другие языки, главным образом уйгурский и тибетский. Так в монгольский проникли арабские, греческие и санскритские слова.

Особое место в лексике монгольских языков занимают слова, имеющие соответствия в тюркских. Считается вероятным, что часть из них унаследована от предполагаемого тюрко-монгольского или даже алтайского праязыка, другие же представляют собой очень давние заимствования. Однако отграничить одни от других бывает затруднительно. К словам, общим для монгольских и тюркских языков, относятся, например, *xara* 'черный', *saxal* 'борода', 'усы', *ere* 'мужчина', *altaŋ* 'золото' и др.

О некоторых словах мы можем определенно утверждать, что они являются заимствованиями из тюркских языков, например, *keseq* 'часть', *bölöq* 'глава', *biliq* 'знание'. В ойратском и других монгольских языках они неразложимы, между тем как соответствующие тюркские слова состоят из глагольного корня и словообразовательного аффикса. Несомненными заимствованиями являются также буддийские термины и некоторые другие слова, попавшие в монгольский из уйгурского вместе с письменностью в начале XIII в.

Появление в монгольских языках санскритских слов связано с распространением буддизма. Первоначально заимствование религиозных терминов шло через уйгурский язык, позднее – через тибетский. Это объясняется тем, что буддийские трактаты широко переводились на монгольский именно с тибетского, например: *sudur* 'сутра', *šastir* 'шаstra', *zandan* 'сандал', *aršan* 'святая вода', *bodhi* 'просветление', *šravaq* 'послушник'.

Интересно, что некоторые буддийские термины вошли в старописьменный монгольский язык как в виде заимствований из санскрита, так и в виде перевода-кальки. Санскритских заимствований в ойратских текстах несколько меньше, чем в монгольских: некоторые санскритские слова в монгольских памятниках транскрибируются, между тем как в аналогичных ойратских текстах дается их буквальный перевод. В книгах, переведенных Зая-пандитой, переводится и большая часть санскритских имен собственных и географических названий, например: *Sarasvatī* – *egešiq-tü* 'благозвучная', *Suvarṇagarbha* – *altani züreken* 'золотое сердце', *Rājagṛha* – *xāni xarši* 'ханский дворец'.

Тесные контакты с Тибетом обусловили наличие в ойратском языке многочисленных тибетских слов, причем не только религиозного значения: *boti* 'том', *tonting* 'сапфир', *γarčiq* 'оглавление', *klu* 'нага', 'дракон', *šil* 'стекло', *bumba* 'бутылка'.

Слова иранского, греческого и арабского происхождения в ойратском языке насчитываются единицами: *bolod* 'сталь', *čiker* 'сахар' (из иранского); *nom* 'книга', *debter* 'тетрадь' (из греческого); *araki* 'вино', *almus* 'ведьма' (из арабского).

Китайские заимствования относятся в основном к области административной лексики: *поуоп* 'князь', 'господин', *šang* 'казна'. Но есть и слова с другими значениями: *giu* 'нефрит', *labai* 'раковина'. В текстах XIX–XX вв. на литературном ойратском языке встречаются заимствования из китайского, маньчжурского и русского языков.

Слова в ойратском языке делятся на корневые и производные. Основа корневого слова совпадает с корнем; основа производного слова состоит из корня и словообразовательного суффикса (иногда более чем одного), например: *ang* 'дикий зверь', *ang/γiči* 'охотник',

ang/γiči/la- 'охотиться'; *anda* 'друг', *anda/γar* 'клятва', *anda/γar/la-* 'клясться' (границы морфем здесь показаны косой чертой).

Основная форма слова (для имени – именительный падеж, для глагола – повелительное наклонение) состоит из чистой основы; другие словоформы содержат от одного до трех словоизменительных (изредка больше) суффиксов, например: *ulus/tai* 'с народом', *yertüncü/s/dür* 'в мирах', *üze/qd/üül/ün* 'делая видимым'.

Корень может состоять из одного, двух и более слогов, например: *jil* 'год', *tamu* 'ад', *tologo* 'голова'.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Основные черты ойратской грамматики – общие для всех монгольских языков; однако ойратский испытал довольно сильное влияние тибетского языка, что сказалось на некоторых его грамматических особенностях.

Ойратский язык – в основном агглютинативный, т.е., как правило, каждая грамматическая категория выражается собственным показателем, одинаковым для всех слов одного класса; при присоединении этих показателей к основе слова в них или не происходят изменения, или они подчиняются единым правилам.

Все служебные морфемы в ойратском языке – постпозитивные (за исключением усилительных частиц при некоторых прилагательных, см. далее). Словообразовательные морфемы и показатели грамматических категорий мы будем, следуя за традицией, называть суффиксами, хотя показатели числа и падежа существительного могут относиться к нескольким словам одновременно и даже отделяться от существительного определением.

Порядок слов в ойратском предложении в основном устойчивый; сказуемое занимает последнее место, перед ним помещаются подлежащее, дополнения и обстоятельства. Определение к существительному чаще всего стоит перед ним; однако в ойратском в отличие от других монгольских языков довольно часто встречается и постпозитивное определение (возможно, в этом сказывается влияние тибетского языка).

МОРФОЛОГИЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В ойратском литературном языке производные слова образуются суффиксацией. Поскольку этот язык сложился на базе старописьменного монгольского языка, он имеет одинаковый с ним набор деривационных суффиксов. Приведем наиболее употребительные из них, сгруппировав их, насколько это возможно, по их значениям.

ОБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В основном производные существительные образуются от глаголов. В зависимости от значений исходного глагола и словообразовательного суффикса такие существительные могут иметь значения:

а) деятеля

-āčī: *zuraxu* 'рисовать' – *zurāčī* 'художник';

bičikü 'писать' – *bičiči* 'писарь';

-uul: *xaraxu* 'смотреть' – *xaruul* 'дозор';

sakixu 'сторожить' – *sakiul* 'стража';

б) объекта

-ān: *idekü* 'есть' – *idēn* 'еда';

tüleki 'сжигать' – *tülēn* 'топливо';

-q: *zarlaxu* 'объявлять' – *zarliq* 'приказ';

в) орудия

-uur: *tülkikü* 'толкать' – *tülkiür* 'ключ';

xadaxu 'косить' – *xaduur* 'серп';

-uul: *barixu* 'держат' – *bariul* 'ручка';

г) отвлеченного названия действия

-dal: *bayixu* 'быть' – *bayidal* 'состояние';

yabixu 'идти' – *yabudal* 'поступок';

-lang: *zoboxu* 'страдать' – *zobolong* 'страдание';

jiṛγaxu 'наслаждаться' – *jiṛγalang* 'наслаждение' (этот суффикс присоединяется только к глаголам, выражающим чувства).

Для некоторых суффиксов трудно выбрать основное значение:

-l: *sedkikü* 'думать' – *sedkil* 'мысль';

dusuxu 'капать' – *dusul* 'капля';

nomlaxu 'поучать' – *nomlal* 'поучение';

-*lʸa*: *xāxi* 'закрывать' – *xālʸa* 'дверь';

medekü 'знать' – *medelge* 'знание'.

Некоторые суффиксы образуют существительные от существительных же, самым распространенным из них является суффикс *-čī*. Он образует название лиц по предмету, определяющему их профессию, род занятий, например: *em* 'лекарство' – *emčī* 'лекарь'; *modon* 'дерево' – *modočī* 'столяр'.

Можно упомянуть еще суффикс *-bčī*, образующий существительные со значением вместилища, например: *xigui* 'палец' – *xiguiubčī* 'наперсток', *ebčīü* 'грудь' – *ebčīüübčī* 'нагрудник'.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Производные прилагательные образуются от прилагательных же с помощью ряда суффиксов и имеют, как правило, уменьшительное или ласкательное значение:

-*xan*: *sayin* 'хороший' – *sayixan* 'хорошенький';

öndör 'высокий' – *öndörkön* 'высоконький';

-*bar*: *ulān* 'красный' – *ulābar* 'красноватый';

-*šiq*: *caḡān* 'белый' – *caḡāšiq* 'беловатый';

-*car*: *xara* 'черный' – *xaracar* 'черноватый'.

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

От существительных глаголы образуются с помощью ряда суффиксов, из которых наиболее распространенным является суффикс *-la*, довольно часто встречаются также *-ši* и *-ji*, например:

-*la*: *tusa* 'помощь' – *tusalaxu* 'помогать';

dura 'любовь' – *duralaxu* 'любить';

böjiq 'танец' – *böjiqlökü* 'танцевать';

-*ši*: *aldar* 'слава' – *aldaršixu* 'прославиться';

amta 'вкус' – *amtašixu* 'отведать';

gem 'вред' – *gemšikü* 'каяться';

-*ji*: *natir* 'осень' – *natirjixu* 'проводить осеннее время'.

С помощью суффикса *-ra* образуются непереходные глаголы от переходных, например: *ebdekü* 'ломать' – *ebderekü* 'ломаться', *asxaxu* 'выливать' – *asxaraxu* 'литься'.

Глаголы, образованные от прилагательных, как правило, имеют значение «становиться таким-то», например:

-*la*: *xara* 'черный' – *xaralaxu* 'чернеть';

-*d*: *yeke* 'большой' – *yekedkü* 'увеличиваться';

-*ji*: *bayan* 'богатый' – *bayaǰixu* 'богатеть';

-*ra*: *küke* 'синий' – *kükerekü* 'синеть';

-*jira*: *mou* 'плохой' – *mouǰiraxu* 'ухудшаться'.

Ряд глаголов образуется от звукоподражательных основ:

-*jingna*: *xarǰingnaxu* 'греметь', *ǰirǰingnekü* 'журчать';

-*gina*: *xangginaxu* 'звучать'.

Сложные слова для ойратского языка не характерны. Они образуются путем сложения двух основ, которые имеют отдельное написание. Значение нового слова либо складывается из значений его составляющих, либо, если они имеют одинаковые значения, синонимично им, например:

ed mal 'имущество' из *ed* 'вещь' и *mal* 'скот',

eb ey-e 'мир', 'согласие', где оба составляющих имеют одинаковое значение,

ordo xarši 'дворец' из *ordo* 'ставка хана' и *xarši* 'дворец'.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Начиная с Ал. Бобровникова [6], в монголистике принято деление частей речи на склоняемые, спрягаемые и неизменяемые. Склоняемые имеют категорию падежа, спрягаемые – залога, времени и наклонения.

Склоняемые слова – это имена (существительные, прилагательные, числительные), спрягаемые – это глаголы. От глаголов образуются причастия и деепричастия, которые имеют не все глагольные категории (у причастий нет категории наклонения, у деепричастия – наклонения и времени); причастия, кроме того, изменяются по падежам. К неизменяемым частям речи относятся наречия, локативы, послелогии, союзы, частицы, междометия, а также неизменяемые предикативные слова. Местоимение в монгольских языках может заменять слово любой части речи (существительное, прилагательное, числительное, наречие и глагол). Соответственно этому среди них есть и склоняемые, и спрягаемые, и неизменяемые слова.

Наибольшую трудность представляет классификация склоняемых частей речи (имен), а именно существительных и прилагательных. Ал. Бобровников называл их соответственно именами предметными и качественными. В первую группу входят, например, *kütiin* 'человек', *ǰazar* 'земля', *medel* 'знание', *altan* 'золото', 'золотой'; во вторую – *sayin* 'хороший', 'добро', *saǰān* 'белый', 'белизна'. Различие между существительными и прилагательными состоит в том, что существительное может иметь в качестве определения как прилагательное, так и другое существительное; прилагательное не может иметь определением неоформленное имя, но допускает перед собой

наречия. Например: *amin modi* (Ш.х., 5а) 'дерево жизни', *maši tungγalaq* (А.г., 36а) 'очень прозрачная'.

Существительные чаще употребляются в функции подлежащего и дополнения, прилагательные – в функции определения. Те и другие могут быть сказуемыми.

Существительные и прилагательные монгольских языков не всегда соответствуют одноименным частям речи русского языка. Многие существительные (в основном обозначающие материал, из которого может быть сделан другой предмет) кроме своих основных функций могут выполнять функцию определения без падежного оформления: *altan oula* (А.г., 33б) 'золотая гора'; *subud ebcöübči* (А.г., 54а) 'жемчужный нагрудник'. Слова *altan* 'золото' и *subud* 'жемчуг' – существительные, ср.: *altan mani-subud bendüryā... busu youma-bēr cü ülü yadouruulun* (А.г., 33б) 'золотом, драгоценностями, жемчугом, лазуритом... другими вещами не обеднеет'.

Некоторые прилагательные кроме своих обычных функций могут употребляться в качестве определений к глаголам: *tere metü bi tobčilon xurāji ücüüken nomloboi* (А.г., 64б) 'подобно этому я, сократив, собрал [и] немного объяснил'; ср. *ücüüken köüken metü* (А.г., 12б) 'подобно маленькому ребенку'.

Кроме того, прилагательное может обозначать не только качество предмета, но и предмет, выделенный по данному качеству, например:

sayini üyiledüqsen kigēd gem üyiledüqsen (А.г., 41б) 'добро делавшие и зло делавшие'; ср. *sayin belge* (А.г., 64а) 'хороший знак';

casun önggö kigēd sayin saγān-luγā adali (А.г., 64а) 'схож с цветом снега и хорошей белизной'.

Прилагательное в большинстве случаев своего употребления неизменяемо, и только когда обозначает опредмеченный признак, оно склоняется подобно существительному.

Кроме существительных и прилагательных в группу имен входят числительные. Числительные имеют те же синтаксические функции, что и прилагательные, но отличаются тем, что образуют ряд специфических форм (разделительные, порядковые, собирательные и кратные).

Группы неизменяемых слов различаются по их функциям и сочетаемости. В каждую из них входит сравнительно немного слов. Послелоги, союзы и частицы представляют собой служебные слова. Локативы не являются полностью неизменяемыми словами; большинство из них образуют отдельные падежные формы, однако полной падежной парадигмы локативы не имеют. В отличие от наречий локативы могут подчинять себе существительные, в отличие от существительных употребляются в качестве обстоятельства без падежного суффикса и не могут иметь в качестве определений прилагательные и числительные. В позиции после существительного

возможны некоторые падежные формы локативов. Этим они отличаются от послелогов.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имена существительные в ойратском языке имеют категории падежа и числа, и, кроме того, они могут присоединять показатели притяжания. Категория числа свойственна не всем словам этой части речи: существительные вещественные ее не имеют. Показатели грамматических категорий присоединяются к основе существительного в следующем порядке: первым – показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливается с суффиксом падежа в одно целое. Все суффиксы могут писаться отдельно от слова; в транскрипции в этом случае они отделяются дефисом.

ЧИСЛО

В большинстве монгольских языков только множественное число имеет специальные показатели. Употребление их факультативно, т.е. имя без такого показателя не обязательно имеет значение единственного числа. В частности, если при имени есть определения, лексически указывающие на множественность, то показатель множественного числа при определяемом обычно отсутствует.

В ойратском литературном языке имеются следующие показатели множественного числа: *-nar/-ner*, *-noγoud*, *-s*, *-d*. Первые два часто пишутся отдельно от слова. Выбор между ними зависит, с одной стороны, от лексического значения слова, с другой – от последнего звука основы. Однако не всегда можно точно установить, когда употребляется тот или иной показатель. Кроме того, даже и там, где такие правила возможно установить, следование им не было достаточно строгим, и одно и то же слово зачастую встречается с разными показателями множественного числа.

Суффикс *-nar/-ner* употребляется со словами, обозначающими людей и человекоподобные существа и оканчивающимися на гласный: *düü* ‘брат’ – *düü-ner* ‘братья’, *tenggeri* ‘тенгрий’⁴ – *tenggeri-ner* ‘тенгрии’.

Однако встречается и форма *yertüncü-ner* ‘миры’ от *yertüncü* ‘мир’.

Суффикс *-s* присоединяется только к основам, оканчивающимся на гласный: *üge* ‘слово’ – *üges* ‘слова’, *mese* ‘меч’ – *meses* ‘мечи’, *eme* ‘женщина’ – *emes* ‘женщины’, *albatu* – ‘слуга’ – *albatu-s* ‘слуги’, *yertüncü* ‘мир’ – *yertüncü-s* ‘миры’.

⁴ Тенгрий – небожитель.

Довольно часто употребляется суффикс *-d*, с помощью которого образуется множественное число преимущественно от имен, обозначающих людей и оканчивающихся на согласный *-n* (иногда *-r*, *-l*, *-s*), который при этом выпадает, например: *noyon* 'нойон' – *noyod* 'нойоны', *burхан* 'будда' – *burxad* 'будды', *mergen* 'мудрец' – *merged* 'мудрецы', *tüšimel* 'чиновник' – *tüšimed* 'чиновники', *nökür* 'друг' – *nöküd* 'друзья'.

Наиболее универсальным и частым является суффикс *-noγoid*, для которого трудно сформулировать определенные правила употребления, так как он часто появляется там, где должны стоять другие суффиксы. Он не имеет сингармонических вариантов, например: *kütiin* 'человек' – *kütiin-noγoid* 'люди', *bixи* 'бык' – *bixи-noγoid* 'быки', *manγus* 'мангус'⁵ – *manγus-noγoid* 'мангусы', *tenggeri* 'тенгрий' – *tenggeri-noγoid* 'тенгрии' (наряду с *tenggeri-ner*), *xān* 'хан' – *xān-noγoid* 'ханы' (наряду с *xād*), *üyile* 'дело' – *üyile-noγoid* 'дела' (наряду с *üyiles*).

К суффиксам множественного числа обычно относят и *-cudl-cüd*, который, присоединяясь к основам имен прилагательных и иногда существительных, образует собирательные имена, обозначающие людей: *baγan* 'богатый' – *baγacid* 'богачи', *mongγol* 'монгол' – *mongγolcud* 'монголы'.

Интересны случаи употребления двойного показателя множественного числа – сочетания суффиксов *-d* и *-noγoid*: *tedeni nöküd-noγoid* (А. г., 61б) 'их друзья'; *tüšimed-noγoidi ilgebei* (Ш. х., 25а) 'послал чиновников'.

По сравнению со старописьменным монгольским языком в ойратском суффиксы *-s*, *-d* и *-narl-ner* употребляются редко и с ограниченным кругом слов, тогда как показатель *-noγoid* используется достаточно широко. Преимущественное употребление суффикса *-noγoid* отмечают и другие исследователи [16]. В некоторой степени это может быть объяснено влиянием тибетского языка, в котором формы множественного числа от любых существительных образуются в основном с помощью показателя *rnams*.

В ойратских канонических текстах, являющихся переводами с тибетского, там, где в тибетском есть показатель множественного числа *rnams*, всегда употребляется суффикс *-noγoid*. Ср. тиб. *byangchub-sems-dpa'* -*rnams* и ойр. *bodhi sato-noγoid* (А. г., 2б) 'бодисатвы'; тиб. *sang-rgyas-rnams* и ойр. *burхан-noγoid* (А. г., 8б) 'будды'.

Показатели *-s*, *-d* и *-narl-ner* используются при переводе только тогда, когда в тибетском тексте нет показателя множественного

⁵ Мангус – многоголовый гигантский кровожадный змей, обитающий в подземном царстве.

числа *gnams*, а на множественность указывает числительное или слово «все», или когда употреблен показатель *dag* (более редкий). Ср.:

тиб. *btsun-mo'i-knor thams-cad* 'все друзья ханши' и ойр. *xatuni nököd bügüde* (А. г., 20а);

тиб. *sangs-rgyas byeba-phrag dgu-rtsa-dgus* '99 миллионов будд' и ойр. *yerün yesün byeva burxad* (Ц. у., 126);

тиб. *lha-thams-cad* 'все тэнгрии' и ойр. *xatuiq tenggeriner* (А.г., 23а).

Таким образом, широкое употребление суффикса множественного числа *-noγoud* в переводных текстах является унификацией, произошедшей под влиянием языка оригинала. В дальнейшем преимущественное употребление этого показателя распространилось и на собственно ойратские тексты.

Влияние тибетского языка можно усмотреть и в том, что показатель *-noγoud* чаще, чем в старописьменном монгольском языке, оформляет имена, на неединичность которых указывают числительные или слова *bügüde* 'все', *xatuiq* 'всё', *olon* 'много' и др.; для монгольских языков употребление суффикса множественного числа является избыточным, хотя и допустимым. Ср. *xatuiq öbösin-noγoud* (А.г., 15б) 'все травы', *nom-noγoud bügüde* (А.г., 14а) 'все дхармы'⁶, *xatuiq arγa-noγoud* (Ш. х., 4а) 'все способы'. В меньшей степени это касается других показателей: *γurban nöküd* (Ш.х., 15а) 'три друга'; *xatuiq albatas-yēn xurāji* (Ш.х., 18а) 'всех своих слуг собрал'.

Показатель множественного числа *-noγoud* может быть «вынесен за скобки»; т.е. при перечне имен, каждое из которых обозначает неединичный предмет (они могут быть соединены сочинительным союзом *kigēd* 'и'), употребляется общий показатель множественного числа *-noγoud*, находящийся после последнего члена перечня, например:

ceseq kigēd utixai küji kigēd erkin-noγoud-yēr takin üyiledüqči (Ц. у., 2б–3а) 'цветами и воскурениями и четками... почитающий'.

С «вынесением за скобки» перекликается один особый случай употребления *-noγoud*, который можно проиллюстрировать следующим примером: *nada emēltei morin sādaq cayān malaxai cayān zangči tömör ginjitei noxoi: nigen ünegen-noγoud kereqtei* (Ш.х., 19а) 'мне нужны: оседланный конь, колчан, белая шапка, белый плащ, собака на железной цепи, одна лиса [– всё это]'. Здесь каждое существительное обозначает единичный предмет (ср. *nigen ünegen* 'одна лиса'), и суффикс множественного числа относится к ним всем одновременно, показывая, что перечисляемые предметы составляют некоторый комплекс.

⁶ Дхарма (скр. *dharma*) – буддийский закон, религиозные предписания.

В ойратском языке имеются именительный, винительный, родительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный и соединительный падежи. Формы косвенных падежей образуются суффиксально. Одни суффиксы пишутся слитно, другие – отдельно от имени; некоторые встречаются в обоих написаниях.

Суффиксы всех косвенных падежей, кроме исходного, имеют фонетические варианты, выбор между которыми в одних случаях определяется конечным звуком предшествующей морфемы (корня или суффикса), в других – законом сингармонизма (гармонии гласных), иногда и тем и другим. Между суффиксом падежа и основой может стоять показатель множественного числа: *amitan-noγoud-i tusalaxuyin tula* (А.г., 6б) ‘ради помощи живым существам’; *tenggeriner-iyin erketü* (А.г., 23а) ‘владыка тенгриев’; *nököd-töi* (А.г., 23б) ‘с друзьями’.

В тех случаях, когда суффикс падежа относится к нескольким однородным членам предложения, он «выносится за скобки», т.е. ставится только после последнего из них. Однородные члены могут быть соединены сочинительным союзом *kigēd* ‘и’:

beye kelen kigēd sedkiliyin kilince (А.г., 8б) ‘грех тела, языка и души’;

xatıq burxan bodhi sadv-du mürgümüi (А.г., 34а) ‘поклонюсь всем буддам и бодисатвам’;

et taxatıd kigēd sagıci üzüülbei (А.г., 50а) ‘лекарства, стихии и время тоже объяснил’;

noxoı kigēd čino-ēce (А.г., 51б) ‘от собаки и волка’;

zögiyin köl γar-γer dēdü bürgüül üyiledün (А.г., 5б) ‘из лапок (букв. из ног [и] рук) пчелы построив высокий дом’;

auγa kücün kigēd kicenggüi-lügē tögüsbei (А.г., 50б) ‘преисполнился великой силы и старания’;

bida... amitan-noγoudi... amurlingui kigēd sayin amıγulang-tai bolγon üyiledümüi (А.г., 17а) ‘пусть мы сделаем живые существа спокойными и очень счастливыми’.

Именительный падеж в ойратском, как и в других монгольских языках, занимает особое место. В отличие от других падежей он не имеет специального показателя – его форма совпадает с основой слова. Слово в этой форме может выполнять различные синтаксические функции: подлежащего, прямого дополнения, определения и именной части составного сказуемого. Отсутствие специального показателя именительного падежа и многообразие функций у формы, совпадающей с основой, вызывает разногласия в ее трактовке (см., например, [36; 40; 13; 5]).

Однако у личных местоимений эта форма употребляется только как подлежащее (или именное сказуемое), т.е. так же, как именительный падеж в европейских языках. Учитывая это, чтобы не соз-

давать разной номенклатуры падежей для существительных и местоимений, мы в дальнейшем сохраняем для неоформленного имени название «именительный падеж», хотя для существительных был бы более правильным термин «неопределенный падеж» (см. [13]).

Некоторые имена существительные в монгольских языках имеют две основы – полную и усеченную, различающиеся наличием или отсутствием конечного *-n* (так называемого скрытого *n*): *morin* ~ *mori* ‘лошадь’, *modun* ~ *modu* ‘дерево’.

Употребление одной из двух основ зависит от синтаксической функции слова. Из суффиксов косвенных падежей одни присоединяются к усеченной, другие – к полной основе. Правила употребления основ несколько меняются от языка к языку.

В ойратском языке показатели родительного, винительного, дательно-местного, орудного, исходного и соединительного падежей присоединяются к полной основе: *nasu(n)* ‘жизнь’ – *nasuni* (А.г., 4а) ‘жизни’ (род. п.); *zā(n)* ‘слон’ – *zāni* (А.г., 52б) ‘слона’ (вин. п.); *nūke(n)* ‘дырка’ – *nūken-dü* (А.г., 2б) ‘в дырке’ (дат.-м. п.); *dou(n)* ‘голос’ – *doun-yēr* (А.г., 24б) ‘голосом’ (ор. п.); *ebeči(n)* ‘болезнь’ – *ebečin-ēse* (А.г., 3б) ‘от болезни’ (исх. п.); *undā(n)* ‘питье’ – *undān-luγā* (А.г., 3б) ‘с питьем’ (соед. п.).

Показатель совместного падежа присоединяется к усеченной основе: *nidü(n)* ‘глаза’ – *nidü-tei* (А.г., 28б) ‘с глазами’.

В позиции подлежащего и определения имя существительное в именительном падеже имеет форму полной основы: *nasun buuraqsan* (А.г., 1б) ‘жизнь подошла к концу’; *yasun beye* (А.г., 7б) ‘костяное тело’; в позиции прямого дополнения – форму усеченной основы: *dou sonosöd* (А.г., 4б) ‘голос услышав’.

Послелого присоединяются к полной основе слова: *küciin kigēd kölgön selte* (А.г., 2а) ‘вместе с силой и колесницей’.

Эти закономерности употребления полной и усеченной основ слов со «скрытым *n*» в разных падежах распространяются и на те случаи, когда падежный суффикс отделен от существительного, т.е. когда существительное и падежный суффикс разобщены показателем множественного числа или постпозитивным определением, а также если показатель падежа «вынесен за скобки»:

ariγun хибcasun-noγoud-yēr sayitur čimeji (А.г., 2а) ‘чистыми одеждами как следует украсившись’;

cerigiγin ciulγan хатигi sayitur urbiulxu (А.г., 3а) ‘как следует повернет все скопления войск’;

тахан cusun yasun kigēd čimege-bēr (А.г., 3а) ‘мясом, кровью, костями и мозгом’.

Именительный падеж

Специального показателя именительный падеж не имеет, он совпадает с основой слога. Существительное в именительном падеже может выполнять синтаксические функции:

(1) подлежащего, (2) определения, (3) прямого дополнения и (4) именной части сказуемого. Примеры:

(1) *yeke ciulγu ciulun* (Ш.х., 10а) 'большая толпа собралась';
tüšimel-noγud ögöülebei (А.г., 52б) 'чиновники сказали';

(2) *хоуор зууил күмүн* (М.т., 22а) 'люди двух видов'; *nigen kümüni sürbüsün dēsen* (Ш.х., 14б) 'одна веревка из жил человека';

(3) *idē eren odōd* (Ш.х., 5а) 'пошли искать еду'; *xatun xālyu tayilun šatu talbid...* (Ш.х., 10б) 'ханша дверь открыла, лестницу поставила...';

(4) *bi emči mün* (А.г., 50б) 'я – лекарь'; *töüni xān küböüni xatun bolγoboi* (Ш.х., 10б) 'ее сделали женой ханского сына'; *mün nigen aqšin zuura ešigen bolöd* (Ш.х., 12а) 'в то же мгновение стал ослом'.

Винительный падеж

В ойратском литературном языке суффикс винительного падежа имеет следующие варианты: *-i*, *-yi*, *-gi*, *-yigi*. Закономерности в их употреблении не всегда строги. Так, слово *yertüncü* 'мир' в винительном падеже в пределах одного и того же текста встречается с суффиксами *-i*, *-yi*, *-yigi*:

yertüncü-i medeqči (А.г., 48а) 'мир знающий';

yertüncü-yi tedküqči (А.г., 16а) 'защищающий мир';

yertüncü-yigi tusalaxu boluγu (А.г., 21б) 'будет помогать миру'.

Поэтому можно говорить лишь об основных тенденциях, а не о точных правилах выбора варианта суффикса винительного падежа в ойратском языке.

Суффикс *-i* присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный и гласные *a*, *e*, например:

tarγun xonj alaḷi (М.т., 11а) 'жирных овец убив';

dēdü xuraḷ oroulbai (А.г., 15а) 'пролил высший дождь';

erkeḷ olxu boltuγai (А.г., 10б) 'пусть обретут силу'.

После конечных согласных *q* или *ng* суффикс может иметь вид *-gi*:

maši tungγalaq-gi olxu (А.г., 48б) 'большую чистоту получают';

amuyulang-gi ci edlen üyiledkü (А.г., 48а) 'спокойствие обретут'.

Этот же вариант суффикса всегда присоединяется к основам, оканчивающимся на дифтонг или на долгий гласный. Написание дифтонга иногда меняется. Ср.:

bi buyani coqco saqlaši ügei-gi barixu boluyu (А.г., 22б) 'я создам не объемлемые [мыслью] массы добродетели';

ügei yadou-gi üzekülē (М.т., 10б) 'если видел бедных';

γaxayin tolγōgi... aldaži (Ш.х., 20б) 'голову свиньи уронив';

noxoıyigi... uyaži (Ш.х., 17б) 'собаку... привязал' (ср. *noxoı* 'собака').

Суффикс *-yi* присоединяется к основам, оканчивающимся на узкие гласные *u, ü* и *i*:

bodhi-yi olun üyiledümüi (А.г., 13б) 'обрету бодхи'⁷;

suduriyin ayimagiyin erketü-yi bariqči (А.г., 16б) 'державший могущество собрания сутр'.

Суффикс *-yigi* встречается редко и употребляется наряду с *-i* и *-yi* после кратких гласных, преимущественно *a, e, i, o*:

abayigi mini bü delde (Ш.х., 24а) 'отца моего не бейте';

aršiyigi nančilaqsan-du (Ш.х., 24а) 'когда били отшельника';

taxu tosu-luγā selteyigi ögün (Ш.х., 21б) 'дал вместе с мясом и маслом'.

Существительное в форме винительного падежа употребляется как прямое дополнение:

bodhi-yi olun üyiledümüi (А.г., 13б) 'обрету бодхи';

amitani zobolong-ēse tonilyon (А.г., 15а) 'освободив живые существа от страданий'.

Форму винительного падежа может также получать подлежащее придаточного дополнительного предложения: *tögünčilen boluqsan ekei xatiγān axui-gi üzen ketēn ilgeqsen bölügē* (М.т., 30б–31а) 'Татхагата послал узнать, где находится мать'.

Дательно-местный падеж

В ойратском литературном языке дательно-местный падеж образуется при помощи суффикса, реализующегося как *-du/-dū* после гласных, дифтонгов, а также согласных *l, n, ng, m* и как *-tu/-tü* после остальных согласных, например: *ešige-dū* 'отцу', *oqtorγui-du* 'в небо', *xān-du* 'хану', *zūq-tū* 'в сторону'.

Основные значения, передаваемые дательно-местным падежом, следующие.

(1) Место действия: *nige aqlaq oron-du zamilan souři* (М.т., 6а) 'в одном пустынном месте поджав ноги сел'.

Если имя, употребленное в форме дательно-местного падежа, называет одушевленное существо, то падеж может иметь значение «среди»:

ödügē tou zayātan-du zobon üyiledümüi (М.т., 9а–9б) 'Сейчас страдает среди имеющих плохую судьбу'.

⁷ Бодхи (скр. *bodhi*) – совершенное познание, просветление.

(2) Направление действия:

ene хойор дēqši oqtorγui-du yabuxu mün (А.г., 14б) 'эти двое суть идущие вверх в небо';

bi dēdū bodhi-du kürün üyiledümüi (А.г., 9б) 'я достигну высшего бодхи';

ene metü zobolong-du oroxu üyile you üyiledbei (М.т., 10б) 'какие дела, приведшие к подобным страданиям, совершили [те, кто здесь]?'.

Значения места действия и направления действия зависят от значения управляющего существительным глагола. При некоторых глаголах, например при глаголе *yabuxu* 'идти', дополнение в дательном-местном падеже может иметь оба значения, которые различаются только по контексту. Ср.:

balγadtu yabuqči bataγana (А.г., 5б) 'муха, разгуливающая в городе';

ene хойор дēqši oqtorγui-du yabuxu mün (А.г., 14б) 'эти двое суть идущие вверх в небо'.

(3) Время действия (только у существительных, обозначающих время):

naran cu ödür sönidü yabuxu boluyu (А.г., 19б) 'солнце же днем и ночью ходит';

nige aqšin-du cu... ayous tamudu inaxu (М.т., 22б) 'в одно мгновение ... падает в ад Авичи'.

(4) Адресат действия:

ügei γadou-noγuid-tu ögligö ögüqsen (М.т., 9а) 'дававший подаяние бедным';

dēdū xatun-du eyin ketēn ögöülebei (А.г., 62а) 'высшей ханше так сказал'.

Дополнения, выражающие адресат действия, могут иметь глаголы с общим значением «давать» и «говорить».

(5) Объект чувства:

Дополнения с этим значением имеют глаголы чувства или внешнего проявления чувств: *tacāxi* 'любить', *šunixu* 'сильно желать', *enerikü* 'сострадать', *kündülekü* 'оказывать почтение', *mürgükü* 'поклоняться', *takixu* 'почитать', *süzülekü* 'оказывать уважение':

xatuiq burxan kigēd bodhi sadv-nartu mürgümüi (Ц.у., 1б) 'всем буддам и бодисатвам поклоняюсь';

xatuiq bügüdēr cü töündü tacāji xaran bayibai (Ш.х., 7а) 'все же посмотрели на нее с любовью';

ideküyidü šunulcād (О.т., 15а) 'пристрастившись к еде'.

(6) Транслативное значение:

Это значение встречается при глаголах *törökü* 'рождаться', *xibil-xi* 'перерождаться', 'превращаться', *xibilγaxu* 'превратить', *urbuulxi* 'превратить', а также *ilγaxu* 'разделять', *ködölkü* 'раздвигаться':

manγus nige γaliyin coqcodu xubilji (М.т., 39б) 'мангус превратился в массу огня';

amitan tesüši ügei tamuyin amitan-du töröqsen (А.г., 7б) 'живые существа, родившиеся в [качестве] нетерпимого ада живых существ';

γazar zurγān züyildü ködölji (А.г., 5бб) 'земля раздвинулась на шесть частей'.

(7) Субъект при страдательном и побудительном залоге:

mini eke... zobolong-du daruqdan (А.т., 37а) 'моя мать страданиями подавлена';

nom ögöüleqči... tere saqtu tere xān-du üzүүлbei (А.г., 42б) 'говорящего дхарму... в то время тому хану показали' (букв. 'тому хану дали увидеть').

Форму дательного-местного падежа имеют слова со значением места и субъекта обладания при глаголах *bayixu* 'быть' и *axu* 'быть' и неизменяемых словах *bui* 'есть', 'имеется' и *ügei* 'нет', 'не имеется':

erligiyin öüden-dü čiloun cibaq bui (М.т., 17б) 'у врат Эрлика был камень';

xān-du γō üzeskülengtei... nige okin azu (Ш.х., 10б) 'у хана... была прекрасная дочь'.

Исходный падеж

Показателем исходного падежа в ойратском языке является суффикс *-ēce*, не имеющий сингармонических вариантов: *γar-ēce* 'из рук', *küböün-ēce* 'от сына'.

Этот суффикс пишется в основном отдельно от существительного. Исходный падеж может передавать следующие значения.

(1) Исходный пункт действия:

хоуог tala-ēce... čidkür... yabubai (М.т., 9б–10а) 'с двух сторон... черти... появились';

aman-ēce atā γarun (М.т., 10а) 'изо рта дым валит'.

(2) Момент начала совершения действия:

či natai ücüüken-ēce xayirlan... (Ш.х., 8б) 'ты меня с детства любя...'

(3) Лицо, от которого что-то получают:

moloni toyin ken učiraqsan bügüde-ēce asaγuqsan-du (М.т., 16а) 'Молон тойн у всех, кого встречал, спрашивал...';

γelbiči-ēce γelbi surxā axa inu odöd (Ш.х., 1а) 'старший брат отправился учиться у волшебников волшебству'.

(4) Часть предмета, через которую он подвергается действию.

Обычно это значение имеет форма исходного падежа от существительных, обозначающих части тела: шея, рука, хвост,

крыло, а также нечто, привязанное к предмету: повод, веревка. Это значение исходного падежа встречается при глаголах *abxi* 'брать', *barixi* 'держатъ', *уахи* 'привязывать', *tebirekü* 'обнимать', *kelkikü* 'соединять':

ečige köböün хойор közöün-ēce teberildün uyilaldubai (М.т., 86) 'отец с сыном, за шею обнявшись, заплакали';

похойиги culbuur-ēce bariji (Ш.х., 176) 'собаку за поводок привязал';

xatun xāni yar-ēce уаји (Ш.х., 116) 'ханша схватила хана за руку'.

Слово в форме исходного падежа участвует в обороте...-ēce... *kürtele* 'от... до...':

tere cü youni tula taxa ideqči noxoi kigēd čino-ēce šiboun kürtele ede ene züqtü güyibe (А.г., 516) 'почему эти питающиеся мясом от собаки и волка до птицы в эту сторону побежали'.

Существительные в исходном падеже в сочетании с местоимениями *busu, öbörö* 'другой' получают значение «кроме того-то»:

töün-dü nigen ükür-ēce busu ed baran ügei bölügē (Ш.х., 126) 'у него кроме одной коровы никакого имущества не было';

burхан-поуид-ēce öbörö... onon čidaxui-gi bida ken cü ese üzebei (А.г., 4а) 'кроме будд... мы никого не увидели, кто бы мог понять'.

Существительное в форме исходного падежа, подчиненное прилагательному, участвует в образовании сравнительной конструкции: *ene okin tenggeriyin okin-ēce maši yeke yaixamšiqtai bayinat* (Ш.х., 56) 'эта девушка значительно красивее богини'.

Глаголы *ауоихи* 'бояться' и *хаҗасахи, зауилхи, ирбихи* 'отделяться', 'избавляться' управляют исходным падежом:

kilincetü üyle-ēce ауоин üyledümüi (А.г., 9а) 'греховных дел страшусь';

ebečin-ēce хаҗасабай (А.г., 36) 'от болезней избавились'.

Орудный падеж

В ойратском языке орудный падеж образуется с помощью суффиксов *-bēr* (после гласных) и *-yēr* (после согласных): *ха-bēr* 'лапами', *šir-yēr* 'красками'.

Слова в форме орудного падежа выражают следующие значения.
(1) Орудие действия:

či selme-bēr cabčiji ala (Ш.х., 11а) 'ты, мечом разрубив, убей';

...dou nidün-yēr üzel ügei čikin-yēr sonosboi (М.т., 186) '...звук, глазами не видя, ушами слышали'.

(2) Материал, из которого изготовлен предмет:

altan mönggün-yēr хауирсақ öüdči (Ш.х., 4а) 'сделав ларец из золота и серебра'.

(3) Причину действия:

tere buyani cuulγan-yēr öndör izourtan-du töröböi (М.т., 9а) ‘благодаря этому собранию добродетелей среди высокорожденных родился’;

kilincetü üyile-bēr ödügē tou zayātan-du zobon üyiledümüi (М.т., 9б) ‘из-за греховных дел сейчас страдает среди имеющих плохую судьбу’;

bida buyani üyileyin undusun yosun-yēr... ende töröböi (А.г., 54а) ‘мы по причине добродетельных дел... здесь родились’.

(4) Основание действия («по», «в соответствии с»):

γil büri... šogiyin γisē-bēr nizēd kümü... öqdöq bui (Ш.х., 8а) ‘каждый год по [выпавшей по] жребию очереди по одному человеку давали’;

baqšiyin zarliq-yēr bolsuu (Ш.х., 3б) ‘поступлю по приказу учителя’.

(5) Средство передвижения:

xurdun kölgö-bēr... xāni xarši-du öttör yabun üyiledüye (А.г., 63а) ‘поеду-ка я быстро в ханский дворец на быстрой колеснице’;

mör-yēr möskin odbösu (Ш.х., 15а) ‘когда по следу следя пошли’.

(6) Путь передвижения:

zam-yēr usulxā odzudān (Ш.х., 2б) ‘по дороге отправились, чтобы напоить (коня)’;

tere šatu-bēr γarči (А.г., 5б) ‘поднявшись по той лестнице’.

(7) Место проникновения:

eberiyin öüdeni cölö-bēr üzebēsü (Ш.х., 14а) ‘когда посмотрел через замочную скважину своей двери’;

öüden-yēr xatun kigēd bayani küböün хоуор zolγoldubai (Ш.х., 6б) ‘через дверцу ханша и сын богача встретились’.

Глаголы *enelekü* ‘мучиться’ и *ebedkü* ‘болеть’ управляют словами в форме орудного падежа:

eldeb züyil zoun zobolong-yēr enelüqsen (А.г., 10б) ‘мучающиеся различными видами страданий’;

ebečün-yēr ebedüqsen (А.г., 3б) ‘болезнями больные’.

Изредка встречаются формы орудного падежа, образованные с помощью суффикса *-ār*. Считается, что такой способ образования орудного падежа был присущ разговорному языку [6, с.97]. Например: *utu zam xālγār yabun atala* (Ш.х., 4б) ‘длинной дорогой шел’.

В некоторых случаях форма орудного падежа, по-видимому, в той или иной степени лексикализуется, например *erkēr* и *yosör* от слов *erke* ‘власть’ и *yoso(n)* ‘закон’, ‘обычай’ соответственно. Так, *erkēr* имеет значение ‘из-за’:

čini xaram kigēd küsel-dü sedkiliyin erkēr: ... čidkür xāji ülü uulγatui (М.т., 43б) ‘из-за твоих мыслей о жадности и желаниях черти, препятствуя, не дают пить’.

Форма *yosör* ‘способом’ в меньшей степени утратила связь с существительным *yoso(n)*, хотя именно она в современных языках бесспорно превратилась в самостоятельное слово: в калмыцком –

это наречие *йосар* 'законно', 'как следует' и в монгольском – послелог *ёсоор* 'согласно', 'в соответствии':

kündüleküyin yosōr ekeyin kir ugān (М.т., 42б) 'способом почитания грязь матери смысл';

tede ene metü yosōr sedkiliyin teyin sejiq töröji (А.г., 54а) 'они подобным этому способом полное душевное сомнение породили'.

Соединительный падеж

Обычно принято считать, что в ойратском имеется один падеж – совместный, который выражается двумя различными суффиксами *-luḡā/-lügē* и *-tai/-tei/-toi/-töi*, причем первому приписывают литературный, а второму – разговорный характер (как и в старописьменном монгольском). Однако в современном калмыцком языке есть два падежа – совместный (с суффиксом *-ta/-tə*) и соединительный (с суффиксом *-la/-lə*). Г.Д.Санжеев полагал, что первоначально в старописьменном монгольском также имелись два различных падежа: соединительный (*-luḡā/-lüge*) и совместный (*-tai/-tei*) [36, с. 173].

В памятниках ойратского языка каждый из этих суффиксов имеет достаточно определенное собственное значение, что побуждает нас выделять в ойратском языке два падежа – совместный и соединительный.

Суффиксом соединительного падежа в ойратском языке является *-luḡā/-lügē*: *nom-luḡā* 'с дхармой', *nere-lügē* 'с именем'.

Соединительный падеж служит для передачи идеи совместности, при этом оба участника выполняют в ситуации одинаковую роль (ср. ниже значение совместного падежа). Существительное в форме соединительного падежа употребляется только с узким кругом глаголов, которые называют взаимные действия, т.е. действия, предполагающие двух участников или две группы участников, и в основном имеют форму взаимного залога: *zokilduxu* 'соответствовать', *uḡiraxu* 'встречаться', *zolḡoxu* 'встречаться', *neyilekü* 'соединяться', *nökösükü* 'дружить', 'жениться', *xanilaxu* 'дружить', *bayilduxu* 'бороться', *temceldükü* 'сражаться', *kerüldükü* 'ругаться', *ögöüleldükü* 'разговаривать'. Вследствие такого лексического ограничения этот падеж встречается реже, чем совместный. Примеры:

xamıq töröl-dü tögünčilen boluqsan-luḡā uḡiraxu (А.г., 22а) 'во всех рождениях встретится с Татхагатами';

ödür buri ayoultu yeke xara şumnus-luḡā temceldüdeq bölügē (Ш.х., 1ба) 'каждый день сражаемся со страшным большим черным шимнусом'⁸;

⁸ Шимнусы – демоны, злые духи.

nom-luḡā zokilduxuyin tula (А.г., 22б) 'ради соответствия дхарме'.

Кроме того, соединительного падежа требуют некоторые послелоги, локативы и глаголы, обозначающие подобие, равенство и совместность (*adali* 'подобный', *selte* 'вместе', *xamtu* 'вместе', *šidar* 'рядом', *sacuu* или *saca* 'равно', *adalidxu* 'быть подобным'). Например:

mini busu xatud noxoi ḡaxai-luḡā adali (Ш.х., 5а) 'мои другие ханши схожи с собаками и свиньями';

töündü zalou tenggeri-lügē adali ḡurban küböün bui (А.г., 57а) 'у него было три сына, подобных молодым тенгриям';

ilaḡun tögüsüqsen-ni baroun zöün-dü esürün xurmusta šumnus-luḡā selte kürēlen (М.т., 4а) 'Победоносного справа и слева окружают Брама и Хормуста вместе с шимнусами';

küböün... eke-lügē xamtu orošiboi (М.т., 2а) 'сын... поселился вместе с матерью';

tere xarši-luḡā šidar... xarši aqsan (Ш.х., 10б) 'рядом с тем дворцом... был дворец';

xadayin üzüür-luḡā sacuu örögiyin modun urḡaqsani üzēd (Ш.х., 5б) 'увидел, что выросли абрикосовые деревья вровень с краем скалы'.

Соединительным падежом управляет также глагол *tögüskü* 'обладать', 'преисполняться': *amin-luḡā tögüskü boltuḡai* (А.г., 11а) 'пусть станут преисполненными жизнью'.

Совместный падеж

В ойратском языке суффиксом совместного падежа является *-tai/-teil/-toi/-töi*, иногда он имеет форму *-tu/-tü*: *yakxa-tai* 'с якшами', *nidü-tei* 'с глазами', *nom-toi* 'с дхармой', *önggö-töi* 'с цветом', *xoro-tu* 'ядовитый' ('с ядом'), *zemis-tü* 'с плодами'.

В отдельных случаях вместо *-tei* употребляется форма *-tē*:

urtu soyotoi ulān nidütē eme yakxa (Ш.х., 21а) 'женщина-якша⁹ с длинными клыками, красными глазами'.

Эта форма встречается только в текстах, отличающихся более разговорным характером. В других случаях те же слова имеют обычный суффикс *-tai* или *-tu* с вариантами.

В отличие от соединительного падежа, который оформляет только косвенное дополнение, совместный падеж также употребляется для оформления определения и сказуемого.

В функции косвенного дополнения существительное в совместном падеже, так же как и в соединительном, передает идею совместного совершения действия, однако мера участия двух лиц в нем не одина-

⁹Якша (скр. *yakṣa*) – сверхъестественное существо, из разряда демонов, пожирающих людей.

кова. Подлежащее и дополнение, оформленное соединительным падежом, обозначают равноправных участников действия, а в случае с совместным падежом – соответственно главное и второстепенное действующие лица. Например:

dörbön yeke xan bida ēnneltei ulustai olon zoun mingγan γakxatai... teden-dü odun üyiledümüi (А.г., 18а) ‘мы, четыре великих хана, вместе с войском, с народом, со многими тысячами якшей туда пойдём’;

tende moloni toyin tede bügüdetei... ezen oboγor čiloun toloγoi-tu-du eyin kemēn ögöülebei (М.т., 24б) ‘Затем Молон тойн вместе со всеми теми... хозяину с огромной каменной головой так сказал’.

Второе значение косвенного дополнения в совместном падеже – это предмет, которым обладает (или имеет на себе) субъект в момент совершения действия. Например:

narani gerel... caqlaši ügei ed tavartai eberyin γazartu ödö bolun (Ш.х., 25б) ‘Свет солнца... с несметными вещами шествовал в свою землю’;

kilincetü kümün-noγoud ayoun tömör čidörtöi büdürin güyibei (М.т., 18б) ‘грешные люди, страшась, в железных кандалах спотыкаясь, бежали’.

В функции определения существительное в форме совместного падежа обозначает объект обладания. Отношения между субъектом и объектом обладания могут быть разными в зависимости от лексического значения существительных.

1) Значение обладания:

ēnneltei ulustai dörbön yeke xān ta (А.г., 19б) ‘о вы, четыре великих хана, [владеющие] войском и народом’.

2) Значение «иметь на себе или в себе»:

emēltei morin (Ш.х., 18б) ‘оседланный конь’;

gyüitei arγasani... nāji (Ш.х., 18а) ‘приклеил навоз с нефритом’.

Объект обладания в этих двух случаях не обязателен для субъекта. Однако достаточно часто в качестве объекта обладания выступает существительное, обозначающее неотчуждаемую принадлежность определяемого. В эту категорию существительных попадают, например, голова и тело (у человека и животных), хвост и рога (у животного), лепестки (у лотоса) и т.п. Такие определения, в свою очередь, обязательно требуют собственного определения. Например:

dolōn toxoi beyetei nige erlig (М.т., 19а) ‘один Эрлик с телом в семь локтей’;

kümün beyetei üküür toloγōtoi urtu süültei tuγul töröböi (Ш.х., 13а) ‘родился теленок с человеческим телом, головой коровы и длинным хвостом’.

Кроме значения обладания существительное в форме совместного падежа в функции определения может обозначать составные части предмета, обозначенного определяемым (имеется в виду не одна из

многих деталей целого, а полный набор составляющих его частей). Такое определение также имеет собственное определение, которое выражается числительным: *dörbön üyetei ceriq* (А.г., 186) 'армия из четырёх частей'.

В функции сказуемого существительное в совместном падеже употребляется со связкой или без нее. В качестве связки могут выступать глаголы *bolxi* 'становиться', *bayixi* 'быть' и неизменяемое слово *bui* 'есть'. Значение, которое передает существительное в форме совместного падежа в функции сказуемого, эквивалентно значению русского предложения с глаголом «иметь». Например:

čini nökiür yeke zayātai bayinam (Ш.х., 116) 'твой муж [обладает] великой судьбой';

xamıq amitan... ölzöi-töi boltuγai (А.г., 11a) 'пусть все живые существа... [обретут] счастье';

ilaγıqsan dēdü kir ügei nidütei (А.г., 296) 'Победивший [имеет] глаза высшие и чистые'.

Формы совместного падежа от абстрактных существительных, обозначающих нечто нематериальное – святость, грех, ужас, ум, силу, – имеют тенденцию к приобретению качественного значения. На русский язык они обычно переводятся прилагательными. В предложении могут быть определениями, обстоятельствами образа действия и сказуемыми. Например:

ürgülji nüültei üyile üyiledün buyantai üyile ese üyiledbei (М.т., 11a) 'все время греховные дела делал, добродетельные дела не делал';

önidö kücütei orkiraγi uyilan (М.т., 13a) 'долго, сильно рыдая, плакали';

nige yeke xān... maši ayoultai soubai (М.т., 256) 'один великий хан ... очень устрашающе сидел';

tamu tere maši ayoultai bui (М.т., 266) 'этот ад очень страшный';

či küči-tei bayinam (Ш.х., 146) 'ты – сильный'.

Совместным падежом иногда управляет послелог *xamtu* 'вместе':

...küböün... tüšimel-noγudtei xamtu ... tende oduqsan-du (А.г., 546) '... сын ... вместе с чиновниками... туда отправился'.

Суффикс *-tu* встречается реже, чем *-tai*. Существительное с суффиксом *-tu* не употребляется в позиции перед глаголом. Оно может выступать только в функции определения или значительно реже – сказуемого. В этих случаях оно имеет те же значения, что и существительное с суффиксом *-tai*. Например:

zemistü modun (А.г., 23a) 'дерево с плодами', ср. *zemistei modun* (А.г., 23a) 'дерево с плодами';

ezen oboγor čiloun toloγoyitu (М.т., 236) 'хозяин с огромной каменной головой';

zurγān üzürtü tömör örölbi (М.т., 30б) 'шестиконечные железные щипцы';

nüüültü xatun (Ш.х., 25б) 'грешная ханша';

dörbön ügetü nige šülüq (А.г., 37а) 'стих из четырех слов'.

С некоторыми словами суффикс *-tu* сочетается особенно часто, среди них: *kilince* 'грех', *buyan* 'добродетель', *sedkil* 'душа', *nom* 'учение'.

Суффикс *-tu* для старописьменного монгольского языка считается словообразовательным, образующим прилагательные со значением «обладающий чем-то», «совместно с чем-то». Употребление существительных с суффиксом *-tu* в ойратском языке скорее свидетельствует о его словоизменительном характере, поскольку они могут иметь определения, обычные для существительного. Это значит, что сочетание основы существительного с *-tu* остается формой существительного: *sayin ünertü xubcasu* (А.г., 2б) 'одежда с хорошим запахом'.

В некоторых ойратских текстах (особенно канонических, переводных с тибетского) встречается постпозитивное положение определения. В таком случае определение вставляется между основой существительного и суффиксом *-tu* (это тоже свидетельствует о его словоизменительном характере), например:

kilince yeketü-yigi nom-yēr tedkekü (О.т., 5б) 'великим грешникам (букв. грехи большие имеющим) учением помогают'.

С показателем совместного падежа связан суффикс *-tan/-ten/-ton/-tön*. Его обычно характеризуют как словообразовательный или приписывают ему значение множественности или собирательности. Ал.Бобровников считает, что он образует форму множественного числа от имен с суффиксами *-tai* и *-tu*, заменяя эти суффиксы [6]. Близкое мнение высказывает Н.Поппе [45].

В ойратском языке суффикс *-tan* – всегда словообразовательный. С его помощью от существительных образуются существительные со значением «одушевленные существа, обладающие тем-то»: *kilinceten* (М.т., 16а) 'грешники', *zobolong-ton* (М.т., 22б) 'страдающие'. Однако этот суффикс близок и к словоизменительным морфемам: он может присоединяться и к существительному с определением. Такие образования могут выполнять в предложении все функции, свойственные существительному, и свободно присоединять показатель необходимого падежа: *хоуор көлтөн* (А.г., 8а) 'двуногие', *тои зауятани орон* (М.т., 6б) 'страна имеющих плохую судьбу'.

Родительный падеж

В ойратском языке родительный падеж имеет показатели *-yin*, *-iyin*, *-giyin*, *-i*, *-ni*, которые преимущественно пишутся слитно. К основам, оканчивающимся на краткий гласный и дифтонг на *-i*, присоединяется показатель *-yin*: *ekeyin nere* 'имя матери'. Употребляясь

после дифтонга на *-i*, показатель *-yin* фактически сливается с ним: *toulai* ‘заяц’ – *toulayin eber* (А.г., 5б) ‘рога зайца’ (так в оригинале).

Если основа оканчивается на согласный (кроме *n* и *ng*), показателем является *-iyin*: *čidküriyin ceriq* (М.т., 11а) ‘войско из чертей’. После *ng* употребляется вариант *-giyin*: *orčilong-giyin kürdü* (А.г., 25а) ‘колесо бытия’. Этот же показатель употребляется после долгих гласных: *düügiyin yasun* (Ш.х., 23б) ‘кости брата’. После согласного *n* (как обычного, так и «скрытого») употребляется показатель *-i*, который иногда принимает форму *-ni* и в этом случае пишется отдельно: *küböünj nöködtöi* (А.г., 25б) ‘с друзьями сыновей’; *küböün-nj nöködtöi* (А.г., 23б) ‘с друзьями сыновей’.

Слова в форме родительного падежа могут иметь значения:

(1) принадлежности: *zögiyin köl* (А.г., 5б) ‘лапки пчелы’, *xāni okin* (М.т., 38б) ‘ханская дочь’;

(2) назначения: *carbuini čimeq* (А.г., 43б) ‘украшение для руки’, *ekeyin em üyiledbeči* (М.т., 2б–3а) ‘хотя делал лекарство для матери’;

(3) составных частей определяемого: *tabun zoun čidküriyin ceriq* (М.т., 11а) ‘войско из 500 чертей’;

(4) пояснения: *zobolonggiyin dalai* (А.г., 10а) ‘океан страданий’, *orčilong-giyin kürdü* (А.г., 10а) ‘колесо бытия’;

(5) сравнения: *yasuni buzar boluqsan-yēr* (Ш.х., 15б) ‘из-за того, что стал грязным, как кости’.

Родительным падежом управляют некоторые послелого и локативы (*tula* ‘ради’, *tölö* ‘ради’, *dēre* ‘на’, *doro* ‘под’, *dotoro* ‘внутри’, *ɣadana* ‘снаружи’, *emüne* ‘перед’, *dergede* ‘рядом’, *хоуино* ‘после’ и др.). Например:

nigen kümüni amini tölö dolon kümü alaqsan (Ш.х., 3б) ‘ради жизни одного человека убил семь человек’;

tede mangγus-noγoud... tamuyn dotoro odči (М.т., 32б) ‘те мангусы ... внутри ада пошли’;

öüdeni ɣadana (М.т., 33б) ‘во дворе’ (букв. ‘снаружи дверей’);

ordu xaršiyin dunda... хубилγан... souxui (М.т., 4а) ‘среди дворца... хубилган¹⁰... сидит’;

či xāni dergede yabu (Ш.х., 5б) ‘ты пойд к хану’;

burxani nidüni emüne odči (А.г., 9б) ‘пойду перед глаза будды’.

Форма родительного падежа участвует в конструкции со словом *dēdü* ‘высший’, обозначая круг предметов или лиц, среди которых производится выбор:

¹⁰ Хубилган – перерожденец, перевоплощение какого-либо буддийского святого.

büküni dēdü... burхан-du mürgümüi (А.г., 10а) ‘высшему из всех... Будде поклоняюсь’;

хоуор көлтөни дēдү бурхан (А.г., 8а) ‘высший из двуногих Будда’.

Слово *činēn* ‘величина’, ‘размер’ управляет родительным падежом: *eljigeni činēn üürgü* (Ш.х., 13б) ‘ноша размером с осла’.

В родительном падеже стоит подлежащее придаточного определительного предложения: *xatuni souxi geriyin öüde tayilun* (Ш.х., 20б) ‘открыл дверь комнаты, в которой жила ханша’.

Двойное склонение

Для монгольских языков характерно так называемое двойное склонение: к существительному, уже оформленному суффиксом падежа (чаще всего родительного или совместного), присоединяется показатель другого падежа. В ойратском языке известны случаи двойного склонения только с совместным падежом. Формы совместного падежа, употребляемые как определение, могут субстантивироваться, т.е. употребляться без определяемого или вместо него: *тou abiyās-tai* (М.т., 43б) ‘[те, кто] имеет плохие страсти’, ‘[некто] имеющий плохие страсти’.

Такие субстантивированные формы могут получать показатели множественного числа и некоторых падежей:

töün yeke kücütei-noγoid-tu inu... ketēn (Ш.х., 4а) ‘тем, обладающим великой силой... сказал’;

radman metü suman nidütei-gi čī xamiγā orkibou (А.г., 59а) ‘где ты оставил [того] с удлинёнными глазами, подобными лотосу?’.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

В грамматике монгольских языков различают личное и субъектное притяжание. Первое выражает отношение предмета к участникам коммуникативного акта (говорящему, слушающему и третьему лицу), второе – отношение к лицу, обозначенному подлежащим предложения.

Грамматические показатели личного притяжания в ойратском языке отсутствуют, субъектное притяжание может быть выражено двойко: лексически – при помощи местоимения *öbör* ‘сам’ в форме родительного падежа – *öböriyin* ‘свой’ – и грамматически – с помощью притяжательных суффиксов.

Притяжательные суффиксы присоединяются только к существительному в форме винительного и дательного-местного падежей.

Субъектно-притяжательные суффиксы имеют форму *-uēn* после согласных и *-bēn* после гласных. Иногда суффикс сливается с конечным гласным основы и приобретает вид *-ān/-ēn/-ōn/-ön*, что отражает разговорное произношение: *ekēn* ‘свою мать’, *хоуорön* ‘своих двоих’.

Если слово оканчивается на долгий гласный или дифтонг, между его основой и суффиксом вставляется согласный *-γ/-g-*: *nökörtögēn* 'со своим мужем'.

Чаще всего эти суффиксы присоединяются к слову в функции прямого дополнения (суффикс винительного падежа в таких случаях отсутствует): *sādaq numibēn abun* (Ш.х., 13а) 'свой саадак и лук взял'; *bi ... ekēn erikē irelei* (М.т., 19б) 'я пришел, чтобы найти свою мать'.

Суффиксом субъектного притяжания может быть оформлено подлежащее придаточного временного предложения:

eke küböün-yēn yadaqši oduqsan xoyino ed aγurusun-noγudi ebden... (М.т., 2б) 'мать, после того как ее сын из дома ушел, имущество разбазарила...'

Притяжательный суффикс всегда сливается с показателем дательно-местного падежа и образует сложный суффикс *-dān/-dēn/-dōn/-dōn* (после гласных, дифтонгов и согласных *n, ng, l, m*) и *-tān/-tēn/-tōn/-tōn* (после остальных согласных): *aru-dān* 'на свою спину', *ebčüün-dēn* 'на своей груди', *oron-dōn* 'на своей кровати', *nököd-tōn* 'к своим друзьям'. Значения, которые выражают слова в форме дательно-местного падежа с притяжанием, не отличаются от значений дательно-местного падежа:

yartān šiyidam-tu šakya (А.г., 55б) 'Шакья с дубинкой в руках';

maši uyilan gertēn odōd (А.г., 63б) 'горько плача, в свой дом пошел';

albatu-noγudtān zakīji (Ш.х., 6а) 'своим слугам приказал'.

В единичных случаях суффикс дательно-местного падежа не сливается с притяжательным суффиксом:

tüšimed-tü-bēn... kemēqsen-dü (Ш.х., 19а) 'когда сказал... своим чиновникам';

xān si... xaršidur-yēn zalji (Ш.х., 25а) 'хан... в свой дворец пригласил'.

Употребление субъектно-притяжательных суффиксов не зависит от грамматического лица подлежащего предложения:

(1-е л.) *bi eke-bēn eriküyin tula irebei* (М.т., 30а) 'я ради поисков своей матери пришел';

(2-е л.) *čī ekēn zobolong-ēce tonilxui küsekülē* (М.т., 45а) 'если ты хочешь освободить свою мать от страданий';

(3-е л.) *xatun si... üsübēn sandaroulun* (А.г., 60б) 'ханша же... волосы свои разметав'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Прилагательное указывает на цвет, размер, форму и другие качества предмета. Основными функциями его являются определение и сказуемое. Выполняя их, прилагательные не изменяются: *caγān*

padma (М.т., 8б) 'белый лотос', *urtu arγamalji* (М.т., 9б) 'длинная веревка'; *xurdun kölgö* (А.г., 63а) 'быстрая колесница', *burtaq oron* (М.т., 20а) 'грязное место', *buyan ülü üyiledüqči kümün tede mungxaq mün* (М.т., 15а) 'добродетель не делающие люди – глупые'.

Некоторые прилагательные принимают препозитивные усиленные частицы, которые образуются из первого слога соответствующего прилагательного + согласный *b*: *xab xarangui tamu* (М.т., 25б) 'темный-претемный ад'.

Некоторые прилагательные могут употребляться как обстоятельства образа действия, т.е. обозначать признак действия:

...*medeküi ücüüken cü ülü ködölün* (М.т., 11б) 'знание даже немного не продвигал'.

Прилагательное может субстантивироваться; в этом случае оно изменяется по падежам, может иметь показатель множественного числа, употребляется как подлежащее или дополнение:

bi čimadu nige dēdü-yi ögüye (А.г., 5а) 'я тебе одну милость окажу';

yertüncüyin хатиq mungxaq amurlixu boltuγai (А.г., 7а) 'пусть успокоится вся глупость мира';

mergedi xorosxobāsu erdem γarxi: mungxagi xorosxobāsu bāsun γarxi (О.т., 14б) 'если мудрых оскорблять, мудрость появится, если глупых оскорблять, нечистоты появятся'.

Прилагательное не имеет степеней сравнения. Сравнение выражается сочетанием прилагательного с формой исходного падежа существительного.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Числительные по синтаксическому употреблению близки к прилагательным, но выделяются благодаря специфической и стройной системе словообразования, включающей количественные, разделительные, порядковые, собирательные и кратные формы.

Количественные числительные – непроизводные; остальные формы числительных образуются суффиксально от соответствующих количественных. В составных производных числительных суффикс присоединяется к последнему члену сочетания.

Большинство названий чисел первого десятка, названия десятков, а также собирательные числительные имеют, так же как некоторые существительные, полную (со «скрытым *n*») и усеченную основы. В современных монгольском и калмыцком употреблении той или иной основы числительного зависит от функции, выполняемой им в предложении, например, в функции определения числительное всегда стоит в форме полной основы. Однако в ойратском языке строгие закономерности в употреблении основ не отмечены,

например: *tabin alda* (М.т., 14а) '50 сажень', *tabi čidkür* (М.т., 14а) '50 чертей'.

«Скрытый *n*», а также *-r* в числительном *хоуор* 'два' выпадают при образовании всех числительных, кроме кратных.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В ойратском языке имеются следующие количественные числительные:

<i>nige(n)</i> 'один'	<i>arba(n)</i> 'десять'
<i>хоуор</i> 'два'	<i>xori(n)</i> 'двадцать'
<i>γurba(n)</i> 'три'	<i>γiči(n)</i> 'тридцать'
<i>dörbö(n)</i> 'четыре'	<i>döči(n)</i> 'сорок'
<i>tabu(n)</i> 'пять'	<i>tabi(n)</i> 'пятьдесят'
<i>zurγā(n)</i> 'шесть'	<i>ǰiran</i> 'шестьдесят'
<i>dolō(n)</i> 'семь'	<i>dala(n)</i> 'семьдесят'
<i>naγima(n)</i> 'восемь'	<i>naγa(n)</i> 'восемьдесят'
<i>yesü(n)</i> 'девять'	<i>yere(n)</i> 'девятьносто'
	<i>zuun</i> 'сто'
	<i>mingγan</i> 'тысяча'
	<i>tümen</i> 'десять тысяч'

Для обозначения больших чисел ойраты, так же как и монголы, пользовались словами, заимствованными из тибетского:

gbum 'сто тысяч' < тиб. *'bum*,

saγa 'миллион' < тиб. *sa-ya*,

byeγa 'десять миллионов' < тиб. *bye-ba*,

dungšuur 'сто миллионов' < тиб. *dung-phyur*,

ter gbum 'миллиард' < тиб. *ther-'bum*,

yeke ter gbum 'десять миллиардов' < тиб. *ther-'bum-chen-po*,

kraq kriq 'сто миллиардов' < тиб. *khrag-khrig*,

yeke kraq kriq 'триллион' < тиб. *khrag-khrig-chen-po*.

Составные числительные образуются из простых, причем число единиц разряда указывается до названия разряда, а разряды располагаются в порядке от большего к меньшему: *γurban zoun ǰiran xadāsu* (М.т., 33б) '360 гвоздей'.

В канонических текстах очень часто употребляются сложные составные числительные, которые не следует понимать буквально; они передают различные степени понятия «очень много»:

kraq kriq byeva zoun mingγan tō ügei γalabtu (А.г., 3а) 'в [течение] 100 миллиардов, 10 миллионов, ста тысяч бесчисленных калп'¹¹;

kraq kriq byeva mingγan zoun olon burxad (А.г., 2б) '100 миллиардов, 10 миллионов, тысяча сто много будд'.

Основной функцией количественных числительных является функция определения: *dolōn харсаγа* (Ш.х., 3а) 'семь ястребов'. Числительное в функции определения иногда может стоять после определяемого:

xor ögüqçi olon byeva-noγud (А.г., 2а) 'многие десятки миллионов якшей';

uutu mini zoun mingγani külikü dēsün (Ш.х., 4б) 'веревка, связывающая 100 тысяч моих мешков'.

Количественное числительное может выполнять функцию сказуемого со связкой или без нее, а также субстантивироваться, т.е. употребляться при отсутствующем определяемом, заменяя его. Тогда оно выполняет функции, свойственные существительному, и присоединяет падежные суффиксы:

tere dolō baqšiyin dergede ireji (Ш.х., 3а) 'те семеро придут к учителю';

dörbön-ni tende talbin üyiled (А.г., 31а) 'четырех там поставьте'.

Субстантивированные числительные (в отличие от имен существительных) всегда имеют падежное оформление в позиции определения и прямого дополнения, т.е. такое числительное в форме основы употребляется только в позиции подлежащего.

Числительное присоединяет суффикс субъектного притяжания только в составе сочетания, состоящего из повтора числительного *nigen* 'один' и обозначающего «друг друга» (букв. «один одного»): *nige nigēn xaran* (М.т., 13а) 'глядя друг на друга', *nigen nigen-dēn ögöülekü* (А.г., 37а) 'друг другу скажут'.

Числительные *хоуор* 'два' и *γurba(n)* 'три' (реже – другие) могут употребляться для выражения сочинительной связи между однородными существительными; при этом они формально являются приложением к сочетанию двух или трех существительных:

bi ečige eke хоуори tusalan üyiledsü (М.т., 3а) 'я отцу и матери помогу-ка';

töüni beyedēn ümüsüqsen kümün tenggeri kümün čidkiür γurban ülü üzekü (Ш.х., 9б) 'человека, надевшего ее, не увидят тенгрии, люди и черти'.

¹¹ Калпа (скр. *kalpa*) – время существования мира (от момента возникновения до момента, когда его сменяет другой мир).

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суффикса *-duγār/-dügēr*: *naɣɪma(n)* 'восемь' – *naɣɪmaduγār* 'восьмой'; *yesü(n)* 'девять' – *yesüdügēr* 'девятый'. Порядковые числительные от *γurba(n)* 'три', *dorbo(n)* 'четыре' и *tabu(n)* 'пять' имеют форму *γutaγār* 'третий', *dötögör* 'четвертый' и *dabtaγār* 'пятый' соответственно.

Порядковые числительные выполняют те же функции, что и количественные, чаще всего – функцию определения. Например:

dötögör baq (А.г., 39а) 'четвертая часть';

xoγoduγār inu mör tabun mün dürseni [=ündüsüni] ezen mün: γutaγār inu čidaqči šakyamuni burhan mün (М.т., 27а–27б) 'второй – владыка пяти основ пути, третий – Шакьямуни будда';

dörbön yeke xāni bülüq kemēkü inu doloduγār bui (А.г., 3а) '[это] есть седьмая глава, называемая «Глава четырех великих ханов»'.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Собирательные числительные образуются от количественных с помощью суффикса *-oula(n)/-öüle(n)/-uula(n)*: *xoγor* 'два' – *xoγoula(n)* 'вдвоем', *γurba(n)* 'три' – *γurbuula(n)* 'втроем', *dörbö(n)* 'четыре' – *dörböüle(n)* 'вчетвером'.

Их основной функцией в предложении является функция обстоятельства: *dörböülen yabuji* (Ш.х., 13б) 'вчетвером шли'. Кроме того, собирательные числительные могут быть приложением к существительному или местоимению и изменяться по падежам:

bidan axa düü dolouladu gergei ügei bölügē (Ш.х., 19б) 'у нас, семи братьев, не было жены';

ta γurbuuliyin üyiledüqsen sayin busu bölügē bolbacu (Ш.х., 15б) 'хотя то, что вы трое сделали, не хорошо...'

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Разделительные числительные образуются от количественных с помощью суффиксов *-ād/-ēd/-ōd/-öd*, а также *-ūd/-üd*, если основа числительного оканчивается на *u* или *ü*: *γurba(n)* 'три' – *γurbād* 'по три', *tabu(n)* 'пять' – *tabūd* 'по пять', *dolō(n)* 'семь' – *dolōd* 'по семь'.

Нерегулярно образуются только числительные со значениями «по одному» или «по два»: *nige(n)* 'один' – *nizēd* 'по одному', *xoγor* 'два' – *xošōd* 'по два'.

Разделительные числительные употребляются в функции обстоятельства; они могут стоять либо непосредственно перед глаголом, либо перед дополнением к нему:

zouyād xarcayā talbin (М.т., 11а) 'сотнями ястребов пускал';
tegēd jil büri nizēd ideji (Ш.х., 196) 'затем каждый год по одному съедали'.

КРАТНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Кратные числительные образуются от количественных с помощью суффикса *-ta/-te*, который часто пишется отдельно: *γurba(n)* 'три' – *γurbanta* 'трижды', 'три раза', *nige(n)* 'один' – *nigente* 'однажды', 'один раз'.

Кратное числительное употребляется как обстоятельство: *nere γurban-ta ögöülen* (М.т., 296) 'имя три раза повторил'.

МЕСТОИМЕНИЕ

В соответствии с монгольской лингвистической традицией мы включаем в разряд местоимений (монгольский термин *төлөөний үг* 'замещающие слова') слова, замещающие не только имя существительное, но и прилагательное, числительное, наречие и глагол.

Среди местоимений выделяются вопросительные, которые могут также иметь значение неопределенных и, при определенных условиях, отрицательных и относительных местоимений. Все остальные местоимения, кроме вопросительных, мы будем называть положительными.

Среди положительных местоимений выделяются личные, указательные и производные от них местоимения, а также возвратное и взаимное местоимения и ряд других (со значением «все», «некоторые», «другой», «каждый»). Первые характеризуются категорией лица, вторые – различаются по степени отдаления, остальные не имеют собственных отличительных признаков. В ойратском, как и в большинстве монгольских языков, местоимения 3-го лица отсутствуют, вместо них употребляются указательные местоимения. Личные и указательные местоимения имеют категорию числа.

По признакам соответствия частям речи местоимения можно разделить на пять групп: субстантивные, адъективные, количественные (замещающие числительные), адвербиальные и глагольные. Особую группу составляют слова *bükiin*, *bügüde* 'все' и *buri*, *tusburi* 'каждый', основной функцией которых является постпозитивное определение к существительному. Их трудно соотнести с какой-либо частью речи, так как в ойратском языке нет других слов с такими же синтаксическими свойствами. Мы относим их к адъективным местоимениям, которые также употребляются в функции определения (препозитивного или постпозитивного). Адвербиальные местоимения делятся на местоимения места, времени, образа действия и взаимные.

Личные и возвратное местоимения всегда субстантивные, взаимное – адвербиальное. Остальные местоимения, не вошедшие в таблицу, – субстантивные или адъективные. Многие местоимения употребляются и как субстантивные, и как адъективные, поэтому ниже эти две группы будут рассматриваться вместе. Местоимений, которые имели бы только адъективное значение, немного.

В табл. 5 дана классификация по разрядам местоимений, различающихся по степени отдаления, и соответствующих им вопросительных местоимений.

Таблица 5

Классификация местоимений

Разряд	Положительные		Вопросительные
	ближний план	дальний план	
Субстантивные	<i>ene</i> 'это', 'этот'	<i>tere</i> 'то', 'тот'	<i>ken</i> 'кто'
Адъективные	<i>ede</i> 'эти' <i>eyimi</i> 'этакий'	<i>tede</i> 'те' <i>teyimi</i> 'такой'	<i>you(n)</i> 'что' <i>ali</i> 'какой' <i>yambar</i> 'какой'
Количественные Адвербиальные	<i>ödüi</i> 'столько' <i>ende</i> 'здесь', 'сюда'	<i>tödüi</i> 'столько' <i>tende</i> 'там', 'туда' <i>tezēde</i> 'тогда'	<i>kedüi</i> 'сколько' <i>xamiγā</i> 'где', 'куда' <i>kezē</i> 'когда'
Глагольные	<i>eyin</i> 'так' <i>eyigeji</i> 'так'	<i>teyin</i> 'так' <i>teyigeji</i> 'так'	<i>yamāru</i> 'как' <i>ya γaji</i> 'как'
	<i>eyikü</i> 'делать этак'	<i>teyikü</i> 'делать так'	<i>yaγaxu</i> 'как делать'

СУБСТАНТИВНЫЕ И АДЪЕКТИВНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения

В ойратском языке личные местоимения имеют по две, три или даже четыре основы. Местоимение *bida* 'мы' и *ta* 'вы' имеют соответственно основы *bidan-* и *tan-* для всех косвенных падежей; *či* 'ты' имеет основу *čin-* для родительного падежа и *čiṭa-* для остальных косвенных падежей. Местоимение *bi* 'я' в родительном падеже имеет основу *ṭin-*, в винительном – *ṭama-*, дательном-местном падеж этого местоимения имеет форму *nada*, которая одновременно является основой для образования остальных косвенных падежей. Местоимение «мы» в форме именительного падежа может выступать в двух основах *bida* и *bidan*, в употреблении которых не наблюдается никакой закономерности. Первая ближе к современному монгольскому, вторая – к калмыцкому языку. Ал. Бобровников в своей грамматике для местоимения «мы» приводит основу

bide [6, с. 115], которая встречается в ойратских текстах очень редко. Парадигма склонения личных местоимений показана в табл. 6.

В ойратском языке в косвенных падежах местоимение 1-го лица мн. числа параллельно имеет основы *bidan-* и *man-*. Исторически они восходят соответственно к доклассическим местоимениям – инклюзивному *bida* и эксклюзивному *ba*. Некоторые современные монгольские языки различают инклюзивное и эксклюзивное местоимения (иногда не во всех падежах). В ойратских текстах не наблюдается противопоставления этих форм местоимений. Обе формы могут иметь оба значения. Например:

bida ese medebei (М.т., 15б) ‘мы не знаем’ (черти отвечают Молон тойну);

urida bidan хойор čini düügiyin yasun-du odoya (Ш.х., 23б) ‘теперь мы вдвоем пойдём к костям твоего брата’;

ödügē manai gergē aliba bügüde čini boltuγai (Ш.х., 15б) ‘сейчас пусть наши жены и все что угодно твоими будут’;

mani metü amitan (А.г., 58а) ‘живые существа, подобные нам’ (один брат говорит с двумя другими).

Таблица 6

Личные местоимения

Падеж	Число, лицо				
	ед.		мн.		
	1-е	2-е	1-е		2-е
Им.	<i>bi</i>	<i>či</i>	<i>bida(n)</i>	–	<i>ta</i>
Род.	<i>min-i</i>	<i>čin-i</i>	<i>bidan-i</i>	<i>man-i</i>	<i>tan-i</i>
Вин.	<i>nama-i</i>	<i>čima-i</i>	<i>bidan-i</i>	<i>man-i</i>	<i>tan-i</i>
Дат.-м.	<i>nada</i>	<i>čima-du</i>	<i>bidan-du</i>	<i>man-du</i>	<i>tan-du</i>
Исх.	<i>nada-ēce</i>	<i>čima-ēce</i>	<i>bidan-ēce</i>	<i>man-ēce</i>	<i>tan-ēce</i>
Ор.	<i>nada-bēr</i>	<i>čima-bēr</i>	<i>bidan-yēr</i>	<i>man-yēr</i>	<i>tan-yēr</i>
Соед.	<i>nada-luγā</i>	<i>čima-luγā</i>	<i>bidan-lū γā</i>	<i>man-lu γā</i>	<i>tan-lu γā</i>
Совм.	<i>nada-tai</i>	<i>čima-tai</i>	<i>bidan-tai</i>	<i>man-tai</i>	<i>tan-tai</i>

Одни из падежных форм личных местоимений ойратского литературного языка совпадают с формами старописьменного монгольского языка, другие развились под влиянием разговорной речи. В родительном, винительном и дательном-местном падежах используются формы, близкие к разговорным. Однако в ойратских текстах изредка возможны и письменномонгольские формы: *nadur* ‘мне’ (дат.-м. п.), *čimayūi* ‘тебя’ (вин.п.) и др. Формы остальных косвенных падежей (исходного, орудного, соединительного и совместного) в основном те же, что и в письменномонгольском. Но наряду с ними могут употребляться и разговорные, характеризующиеся некоторым изменением фонетического облика суффикса и его слиянием с

основой, например: *nadalā* 'со мной' (соед. п.), *čimār* 'тобой' (ор. п.), *tanāsa* 'от вас' (исх. п.). Употребление тех или иных форм зависит от времени написания сочинения и его жанра. Ранние, особенно буддийские, трактаты содержат больше письменномонгольских форм, чем поздние, нарративные.

Функции падежных форм личных местоимений в основном те же, что и у существительных. Единственное существенное отличие состоит в том, что местоимение в форме основы может быть только подлежащим (а также именной частью сказуемого). Примеры:

čī usu ögün üyiled (А.г., 51б) 'ты воду дай';

manī gerte odun (А.г., 53а) 'в наш дом пойдя';

ayoul-noγud-ēce namai tonilyōd üyiled (А.г., 9а) 'освободите меня от страхов';

bi čimadu nige dēdū-yi ögüye (А.г., 5а) 'я тебе одну милость дам-ка';

eke inu bidan-ēce cū odxonī asuγun üyiledkü (А.г., 59а) 'мать у нас же спросит о младшем [сыне]'.
.

Возвратное местоимение *öbör* 'сам'

Возвратное местоимение указывает на то же лицо, что и подлежащее предложения. Наряду с формой *öbör* в текстах встречается более разговорная *eber* (ср. совр. калм. *эврә*); часто они оформляются суффиксом субъектного притяжания: *öbörön*, *eber-yēn*, *eberēn*. Парадигма склонения местоимения *öbör* 'сам' не отличается от склонения существительных.

В предложении местоимение *öbör* обычно выполняет функции прямого дополнения или определения, при этом перед притяжательным суффиксом показатель падежа опускается. Например:

öbörü sayitur čimen üyiledkü (А.г., 21б) 'себя хорошо украсит';

öbörüyin ediyin coqco-bēr (А.г., 19б) 'массой своего богатства';

öbörön kereq-yēn orkiji (О.т., 11а) 'свои дела оставив';

bi aršani šüüsün-yēr öbörön ханун üyiledbei (А.г., 15а) 'я соком рашияны себя насытил'.

Местоимение *öbör* 'сам' в форме именительного падежа может стоять после подлежащего или вместо него, если субъект известен из контекста. Например:

či eber-yēn od (Ш.х., 15а) 'ты сам иди';

yertüncü tedküqči öbör... tedeni sakin üyiledkü (А.г., 2а) 'защитник мира сам... их защитит';

[eyimi] zobolong bügüdeki öbörön üyiledkü (О.т., 16а) 'такие все страдания сам делает';

eberēn nüсүгүн хосороји (Ш.х., 17б) 'сам голым остался'.

Будучи повторено дважды, местоимение *öbör* имеет значение «каждый» в форме род. падежа и «друг друга» в форме винительного: *öbör öbörüin balγasun dēreki* (А.г., 23а) 'над каждым городом'.

Указательные местоимения

Указательные местоимения *ene* 'это', *ede* 'эти', *tere* 'тот', *tede* 'те' могут употребляться как субстантивные и адъективные. При субстантивном употреблении местоимения склоняются. Они могут замещать название предмета (лица) или название ситуации. В первом случае они переводятся местоимениями 3-го лица, во втором – указательными:

tere töüni deledügsen-dü šülüq ede γarbai (А.г., 7а) 'когда он (человек) [в] него (барабан) ударил, эти стихи раздались';

töünü... burxad tede meden (А.г., 4а) 'те будды, это (происходящее) зная'.

Указательные местоимения *ene* 'этот' и *tere* 'тот' противопоставляются как местоимения ближнего и дальнего плана, т.е. *ene* указывает на предмет, находящийся в непосредственной близости к говорящему, а *tere* – на предмет более отдаленный. Парадигма склонения указательных местоимений показана в табл. 7.

В единственном числе основы указательных местоимений в форме косвенных падежей отличаются от основ в форме именительного падежа. Форма множественного числа образуется флективно. В грамматиках [6, с. 116; 29, с. 102–104] приводятся также некоторые разговорные формы местоимений, однако из них реально в текстах встречаются только формы орудного падежа *öügēr*, *töügēr*.

Таблица 7

Указательные местоимения

Падеж	Ближний план		Дальний план	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
Им.	<i>ene</i>	<i>ede</i>	<i>tere</i>	<i>tede</i>
Род.	<i>öüni</i>	<i>edeni</i>	<i>töüni</i>	<i>tedeni</i>
Вин.	<i>oüni</i>	<i>edeni</i>	<i>töüni</i>	<i>tedeni</i>
Дат.-м.	<i>öün-dü</i>	<i>eden-dü</i>	<i>töün-dü</i>	<i>teden-dü</i>
Исх.	<i>öün-ēce</i>	<i>eden-ēce</i>	<i>töün-ēce</i>	<i>teden-ēce</i>
Ор.	<i>öün-yēr</i>	<i>eden-yēr</i>	<i>töün-yēr</i>	<i>teden-yēr</i>
Соед.	<i>öün-lügē</i>	<i>eden-lügē</i>	<i>töün-lügē</i>	<i>teden-lügē</i>
Совм.	<i>öün-tei</i>	<i>eden-tei</i>	<i>töün-tei</i>	<i>teden-tei</i>

Функции при субстантивном употреблении местоимений в основном совпадают с функциями падежей существительных. Например:

tere basa eyin kemēn sedkibei (А.г., 26) 'он также так подумал';

edeni xubi sacadxan üyiledči (А.г., 306) 'их (лекарств) части уравнивая';

töüni zarligi aγui yeke sonosun üyiledümüi (А.г., 106) 'его речи внимательно буду слушать';

töündü zalou tenggeri-lügē adali γurban köböün bui (А.г., 57a) 'у него было три сына, подобных молодым тенгриям'.

Указательное местоимение, употребленное адъективно, по нормам монгольских языков должно стоять в препозиции к существительному; однако как в старописьменном монгольском, так и в ойратском языке встречается его постпозитивное положение. В таком случае склоняется не имя, а указательное местоимение, но значение, выражаемое падежным показателем, относится к имени. Число указывается или только у местоимения, или одновременно у местоимения и существительного, например: *širē teden-dü debisüqsen bolboi* (А.г., 3a) 'на те троны постелили'.

Указательные местоимения могут употребляться постпозитивно не только с существительными, но также и с субстантивированными причастиями или причастными оборотами, например: *namančilaxui eden-yēr namančilād* (А.г., 9a) 'покаявшись этими покаяниями'.

В форме дательно-местного и исходного падежей указательные местоимения единственного числа часто имеют значения соответствующих адвербиальных местоимений, т.е. *öün-dü* 'сюда', *töün-dü* 'туда', *öün-ēse* 'отсюда', *töün-ēse* 'оттуда'.

Значительно реже, чем указательные местоимения *ene*, *tere*, *ede* и *tede*, встречаются местоимения *eyimi* 'этакий' и *teyimi* 'такой', которые могут употребляться адъективно и субстантивно, например:

bi teyimi nigen yeke xāni küböün bolügē (Ш.х., 256) 'я был сыном одного такого великого хана';

nigen ödür yabūd eyimi oldoži (Ш.х., 176) 'однажды пойдя, такое найдешь'.

Сочетание *teyimi* с послелогом *tula* имеет значение «поэтому»: *teyimiyin tula bü tatuγā* (Ш.х., 15a) 'поэтому давайте [его] не вытаскивать'.

Прочие положительные и субъективные местоимения

К прочим положительным субстантивным и адъективным местоимениям относятся слова *xatuiq* 'все', *zarim* 'некоторый', *busu* 'другой'. Все они, как и указательные местоимения, могут употребляться субстантивно и адъективно. При субстантивном употреблении они склоняются. Если они являются постпозитивными определениями, к ним присоединяются падежные суффиксы, по

смыслу относящиеся к существительному – определяемому; само же существительное остается в форме основы.

В этой же группе мы рассматриваем местоимения *bügüde*, *bükün* ‘все’ и *büri*, *tusburi* ‘каждый’, которые в функции определения всегда постпозитивны.

xatıq ‘все’, ‘всё’

Слово *xatıq* при адъективном употреблении в большинстве случаев ставится перед определением. При субстантивном употреблении *xatıq* имеет значения «все» и «всё» и склоняется. При адъективном употреблении основное значение его – «все». Примеры:

tegünçilen xatıgı nēqsen-dü (А.г., 56б) ‘когда таким образом все открыл’;

xatıq kilincetei күтүн-ноғуд бүгүде (М.т., 22а) ‘все люди со всеми грехами’.

При адъективном постпозитивном употреблении *xatıq* может иметь значение «весь целиком»:

ayıl хоşō xatıq čimān-ēse ауоити (М.т., 44б) ‘весь аил тебя боится’.

Схожее значение – «все они», «все вместе» – *xatıq* может передавать и при субстантивном употреблении в форме орудного падежа:

teden töün-dü odōd xatıq-yēr bulu čilou ebdeji ese čidan (Ш.х., 6а) ‘они туда отправились, все вместе жернов разбить не могли’.

bügüde, *bükün* ‘все’

Субстантивное употребление для этих местоимений не характерно, но возможно: *büküni oroulun üyiledüqči* (А.г., 24б) ‘все вводящий’.

Как определения они употребляются только постпозитивно, иногда при этом они имеют значение «и..., и...»:

bičiči büküni doudađi (М.т., 25а) ‘всех писцов позвал’;

uridu хойиту bičiq bügüdei üzebei (М.т., 23а) ‘и прежние, и будущие списки посмотрел’.

Кроме того, *bükün* с показателем дательно-местного падежа имеет значение «полностью»:

dayisun-ноғудиин dotoro namai bükün-dü saki (А.г., 32б) ‘среди врагов меня полностью охраня’.

bügüdēr ‘все’

Форма орудного падежа от местоимения *bügüde* – *bügüdēr* употребляется в значении «все» после подлежащего или вместо опущенного подлежащего, когда субъект действия ясен из контекста:

ta bügüdēr tustai bolbo (Ш.х., 7а) ‘вы все оказались полезны’;

bügüdēr tarxabai (Ш.х., 10а) ‘все разошлись’.

Каждое местоимение со значением «все» – *xatuiq, bügüde, бүкүн* – может быть приложением к другому местоимению:

tede xatuiqi zān dēre ačın (А.г., 53а) ‘то все на слонов нагрузив’.

zarim ‘некоторые’, ‘некто’

Следующие примеры показывают субстантивное и адъективное употребление местоимения *zarim*:

zarim inu bi xāni okin mün... ketēn ogüülemüi (М.т., 38б) ‘некоторые «я ханская дочь» говорили’;

kerbe zarim oqtorγui-du nige zarim züyil-yēr caqlaxui duralabacu (А.г., 4б) ‘если некто хочет измерить в небе одной некоторой вещью’.

В форме дательного-местного падежа с притяжательным суффиксом *zarim* может иметь значение «иногда»:

zarimdān gerel imaqta üzeqden zarimdān tenggeri-noγoud üzeqdekü boluyi (А.г., 44б) ‘иногда свет долго виднелся, иногда тенгрии виднелись’.

Местоимение *zarim* при субстантивном употреблении может иметь форму множественного числа *zarimuud* ‘некоторые’.

busu ‘другой’

Местоимение *busu* может употребляться как адъективно, так и субстантивно. В функции определения оно всегда препозитивно: *busu oron-du odōd* (Ш.х., 5а) ‘в другую страну пошли’.

Будучи употреблено субстантивно, оно имеет значение «другое», «другой» и может иметь форму множественного числа *busud* ‘другие’ (о живых существах):

busuyin tula (М.т., 29б) ‘ради другого’;

busud-tu tusalaxui-du kicēqči (А.г., 58а) ‘стремящийся помочь другим’.

После имени в исходном падеже *busu* имеет значение «всё кроме» или «никакого кроме»:

nidün-ēce busu beyēn öböson bulād (Ш.х., 18а) ‘кроме глаз, всё свое тело в траву закопал’.

öbörö ‘другой’

Местоимение *öbörö* имеет то же значение, что и *busu*, но, однако, встречается значительно реже. Оно также употребляется субстантивно и адъективно:

nige öbörö saqtu (А.г., 51б) ‘в некоторое другое время’;

eke köböün xoyoriyin üyile tere öbörö mün (М.т., 35б) ‘случай матери с сыном – это другое’.

Местоимение *öbörö* также может участвовать в конструкции со словом в форме исходного падежа с тем же значением:

nada zobolong öün-ēce öbörö ülü bolxu (А.г., 60а–60б) ‘мне, кроме этих страданий, никаких не будет’.

Удвоенное слово *öbörö* передает значение «каждый в отдельности»:

kilince tede bügüdei öbörö öbörö namančilamui (А.г., 96) 'те все грехи каждый в отдельности замолю'.

То же значение может быть выражено наречием *anggida* 'каждый в отдельности':

kilince tede бүкүн-уєн anggida namančilan üyiledümüi (А.г., 96) 'все те свои грехи каждый в отдельности замолю'.

büri(n), tusburi 'каждый'

Слова *büri(n)* и *tusburi* могут употребляться как постпозитивные определения, а также субстантивно:

yeke xān büri (А.г., 30а) 'каждый великий хан';

tamiyin zobolong-gi бүрин ayiladxaqsan-du (М.т., 366) 'каждый рассказал о страданиях ада';

bayidal tusburi üzüülküyin tula (А.г., 416) 'чтобы показать каждое состояние';

bičiči tusburiyin nere bičiküi cu (М.т., 126) 'писарь записывал имя каждого'.

Вопросительные местоимения

В этом разделе мы рассмотрим только субстантивные и адъективные вопросительные местоимения; остальные будут описаны ниже вместе с соответствующими им положительными местоимениями. Все вопросительные местоимения могут без изменения формы употребляться и как неопределенные. Кроме того, в некоторых особых условиях они могут иметь значение отрицательных и относительных местоимений (см. ниже).

Вопросительными субстантивными местоимениями в ойратском языке являются *ken* 'кто' и *you(n)* 'что'; первое относится к лицам, второе – к неодушевленным предметам и животным. Будучи субстантивными, оба эти местоимения могут изменяться по падежам и в предложении выполнять функции, свойственные существительному. Местоимение *you(n)* может быть неоформленным прямым дополнением. Примеры:

či ken bui (Ш.х., 13а) 'ты кто?';

keni yarγan üyiledküyin tula ende ödö bolbo (М.т., 206) '[ты] пришел сюда, чтобы кого вытащить?'

ende meüγal ketēküi naujinar bi bui you üyiledki ketēbei (М.т., 326 – 33а) '«Здесь женщина по имени Меугал – это я, что [надо] делать?» – сказала'.

Местоимение *ken* 'кто' теоретически имеет форму множественного числа *ked*, однако практически, когда множественность лиц ясна из контекста, употребляется форма *ken*:

yurban kümün kemēkü tede ken bui (М.т., 27а) ‘три человека те кто?’.

Вопросительное местоимение *you(n)* имеет две основы. В позиции прямого дополнения оно выступает в форме усеченной основы *you*, в остальных случаях – в форме полной основы *youn*. Например:

či you medekü bui (Ш.х., 18а) ‘ты что знаешь?’;

čini üküqsen šiltān youn bui (Ш.х., 6б) ‘что есть причина твоей смерти?’;

youni belge bui medebüü (А.г., 55а) ‘чего это знак – знаешь?’.

Некоторые падежные формы от местоимения *you(n)* приобрели дополнительные значения. Например, форма дательно-местного падежа *youn-du* (разг. *younda*) имеет значение «почему»:

youn-du buyan ese üyiledülei (М.т., 14а) ‘почему добродетель не делали?’.

В орудном падеже местоимение теряет свое вопросительное значение и означает «поэтому», «этим»:

bi... yeke amitan bolun youn-yēr ölöqčün bars amıyulıng bolıboı (А.г., 63б) ‘я был Великим живым существом, поэтому я тигрицу успокоил’.

Вопросительными адъективными местоимениями являются *yambar* и *ali* ‘какой’. Они обладают синтаксическими свойствами прилагательных и могут быть определениями и именной частью сказуемого. Например:

xibilji yambar amitan boluyā (Ш.х., 2б) ‘превратившись, каким животным стану?’;

xāni čilēn yambar bolbo (Ш.х., 20б) ‘состояние хана каково?’;

ali ündüsün-yēr xāni tengeriyn köböün ketēn ögöülen üyiledkü (А.г., 39б) ‘по какой причине хана называют сыном тенгрия?’.

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Местоимения места

Значение местоимений *ende – tende* соответствует русск. «здесь» – «там» или «сюда» – «туда» в зависимости от значения глагола. Например:

ende bidani arātan alaxı bolouzai (А.г., 57б) ‘как бы нас здесь дикие звери не убили’;

bi tende odun üyiledümüi (А.г., 31б) ‘я туда пойду’.

Существуют также специальные местоимения со значением направления: *inaqši* ‘сюда’ и *činaqši* ‘туда’, – но они крайне редко употребляются самостоятельно:

töüni dotoro-ēce siddhi-tü činaqši dūtāji tende amara modondu ɣarun odxu bölügē (Ш.х., 4а) 'из них волшебный туда убежит, там на дерево амра влезет'.

Обычно эти слова образуют сочетание *inaqši činaqši*, употребляющееся как взаимное местоимение (см. ниже).

Вопросительным адвербиальным местоимением со значением места является местоимение *xamiɣā(n)* 'где', 'куда'. Это местоимение имеет полную и усеченную основы, употребление которых в ойратском языке произвольно: *küböün xamiɣān bui* (Ш.х., 25а) 'мальчик где?'.

Возможно употребление *xamiɣā* в значение «где уж», «как же» в риторическом вопросе:

mingɣan törölkitön cü... ülü čidaxu bögösü bi urusxan xamiɣā čidaxu ketēn sedkiĵi (А.г., 52а–52б) '«если тысяча рожденных не может, я один где уж смогу», так подумал'.

К местоимениям *ende*, *tende* и *xamiɣā* может присоединяться показатель исходного падежа:

ende-ēce nige bere odbōsu... (Ш.х., 4а) 'если отсюда одну милю пройдешь...';

ene tosu xamiɣā-ēce olbo (Ш.х., 17а) 'это масло откуда нашел?'.

Других падежных форм они не имеют.

В канонических текстах местоимение *tende* 'там' употребляется наряду с *tegēd* 'затем' при переводе тибетского *de-nas* 'затем':

tende ilaɣun tögüsün üleqsen zalou manĵušri-du zarliq bolboi (Ц.у., 2а) 'затем Победоносный молодому Манджушри сказал'.

Местоимения *ende*, *tende*, *ende-ēce* и *tende-ēce* преимущественно в канонических текстах могут стоять после существительного, выражая указательное значение и одновременно заменяя показатель дательно-местного или исходного падежа:

čini oron ende... *küböün irekü* (А.г., 62б) 'в эту твою страну... сын придет';

nököd tende Lizavi köüken tere... *töröĵi* (А.г., 5а) 'среди тех друзей... родился молодой человек Лизави';

xān köböün... *oyin šaĵiq tende-ēce xarin xariĵi* (А.г., 58б) 'царевич из того леса... вышел'.

Местоимения образа действия

Местоимения *eyin* 'так (как этот)' и *teyin* 'так (как тот)' являются адвербиальными со значением образа действия:

kücütei ekirči uyilan eyin gemšibei (М.т., 13а) 'громко стеная, плача, так раскаялись'.

Часто они употребляются со словом *ketēn* 'сказав' в сочетаниях типа «так сказал» или «так подумал». Если оно открывает прямую речь, то употребляется *eyin*, если завершает, то *teyin*:

teyin kemēn ayiladxaqsan-du (А.г., 21б) ‘когда так (букв. так сказав) сказал’;

tere basa eyin kemēn sedkibei (А.г., 2б) ‘он (бодисатва) еще так (букв. так сказав) подумал’.

Менее употребительны адвербиальные местоимения *tögünčilen* ‘таким образом’ и *yambarčilan* ‘каким образом’, а также местоимения *eyigeji* и *teyigeji* ‘таким образом’, ‘так’:

tögünčilen xatugi nēqsen-dü (А.г., 5бб) ‘когда все таким образом (как было сказано) открыл’;

či youn-du eyigeji kebtene (Ш.х., 17а) ‘ты почему так лежишь?’.

Местоимение *tögünčilen* входит в состав перевода слова «татхагата» – *tögünčilen boluqsan* букв. ‘таким образом ставший’.

Местоимение *yambarčilan* по форме составляет пару к *tögünčilen* ‘таким образом’, однако по употреблению от него отличается:

ene beye xösun baljad [ger] yambarčilan erketen-noyud ceriq dērmelügē adali (А.г., 14а) ‘подобно тому как тело является пустым городом, чувства подобны войску и разбойникам’. (Слово *yambarčilan* ‘как’, ‘каким образом’ употреблено как сказуемое придаточного предложения и имеет относительное значение.)

Местоимения *eyin/teyin* и *eyigeji/teyigeji* представляют собой соответственно формы слитного и соединительного деепричастий от глагольных местоимений *eyikü* ‘делать этак’ и *teyikü* ‘делать так’.

Вопросительным местоимением образа действия является *yamāru* ‘как’:

ene yarudi yamāru bütebei (Ш.х., 7а) ‘[ты] эту гаруду как создал?’.

Местоимение *yamāru* изредка употребляется как адъективное: *yeke yamāru jir jalang edlekü saqtu* (М.т., 34а) ‘во время какого-нибудь великого счастья’.

Местоимения времени

Наиболее употребительным временным местоимением является вопросительное местоимение *kezē* ‘когда’:

tālaqčın kezē zobolong-ēse tonilon getülkü (М.т., 40а) ‘когда любимая от страданий освободится?’.

Оно может иметь и неопределенное значение:

küsel-dü sedkil ödügē cü ese tebčikülē: kezē [öndör] izourtan-du törökü (М.т., 43б) ‘если сейчас не подвержен мыслям о желании, когда-нибудь родишься среди высокорожденных’.

Соответствующим положительным местоимением является малоупотребительное *tezēde* ‘тогда’.

Взаимное местоимение

Взаимное местоимение *inaqši činaqši* может иметь значение «друг друга»:

inaqši činaqši teyin ülü medekü (А.г., 14а) ‘друг друга совершенно не знают’.

Второе его значение – «туда-сюда», «повсюду», «во все стороны». В последнем значении у него есть синоним *inadu činadu*:

ceceq küseji inaqši činaqši yabuji (А.г., 57б) ‘цветов желая, во все стороны ходили’;

tede činaqši odun inaqši urulduji ireküyin zuira (Ш.х., 9б) ‘те туда ходили, сюда соревнуясь бежали...’;

daxoulun-noγudi ci xān köböün küji inadu činadu odun (А.г., 57б) ‘царевичи, прогнав слуг, туда-сюда ходили’.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Местоимения *ödüi* и *tödüi* означают «столько». В предложении они находятся перед глаголом или существительным и служат для передачи величины, размера, количества. Одновременно они могут иметь перед собой зависимое слово; обычно это – существительное в форме родительного падежа, которое обозначает сравнение или меру:

sümer oulayin tödui kilinceyin coqco (Ц.у., 11а–11б) ‘масса грехов величиной с гору Сумер’;

nigen okin tenggeri modun-ēce beyeyin dunduuriyin tödүйү yaruqsan-ni üzebei (А.г., 51б) ‘увидел, что богиня из дерева на половину туловища высунулась’.

Часто они употребляются в сочетании со словом *činēn* ‘величина’: *ödüi činēn, tödүйү činēn* ‘такой величины’, ‘такого размера’, ‘такого количества’:

ödүйү činēn alta xamiγa-ēce olbo (Ш.х., 12а) ‘такое количество золота где найдено?’.

Если местоимения *ödүйү/tödүйү* служат для передачи времени или расстояния, то к ним может присоединяться показатель дательного падежа:

xorutxan tödүйү-dүйү beye-dүйү taxan ügei bolγoji (А.г., 63а) ‘в мгновение на теле мяса не оставила’;

kümüni xān tere bereyin tödүйү-dүйү nom ögöüleqčii uqtun üyiledkü (А.г., 22а) ‘тот хан людей встретит говорящего дхарму на [расстоянии] 12 миль’.

Перед местоимением *tödүйү* может стоять причастный оборот с причастием в родительном падеже, и тогда оно значит «до того что»:

tende moloni toyin sedkil tasuraxuyin tödүйү yasalang törön (М.т., 18а) ‘затем Молон тойн опечалился до того, что душа разрывалась’.

Вопросительным количественным местоимением является *kedüi* 'сколько':

zaγasun ede kedüi bui (А.г., 52а) 'этих рыб сколько есть?'

Так же как и местоимения *ödüi* и *tödüi*, вопросительное местоимение *kedüi* может употребляться со словом *činēn* 'величина' для передачи значения «какого размера», «какой величины», «какое количество»:

či erligiyin öüde sakiži kedüi činēn bolbo (М.т., 19а) '[пока] ты охраняешь врата Эрлика, сколько времени прошло?'

ГЛАГОЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Монгольским языкам свойственны глагольные местоимения, т.е. слова, замещающие глаголы и имеющие значение «делать так», «делать этак», «как делать?». Они спрягаются и образуют причастные и деепричастные формы, как обыкновенные глаголы, но формы, от них образованные, немногочисленны, и некоторые из них имеют самостоятельные значения.

В ойратском языке имеются положительные глаголы *eyikü* 'делать этак', *teyikü* 'делать так' и вопросительный *yaγaxu* 'как делать'. Последний действительно употребляется в различных формах, тогда как у первых двух сохранились только формы слитного деепричастия, которые можно рассматривать в качестве адвербиальных местоимений; у *teyikü* сохранилась также форма условного деепричастия *teyikünē* (или *teyikülē*). Например:

odā yaγayā (Ш.х., 20б) 'теперь что будем делать?';

zokistoi ene metü küböüni yaγaži orkin čidaхu buyu ā (Ш.х., 24б) 'такого хорошего мальчика как могут бросить?';

teyikünē zarliq-yēr boluya (Ш.х., 24б) 'если так, сделаем по приказу'.

Особое употребление вопросительных местоимений

Вопросительные местоимения могут употребляться в значении неопределенных и имеют значения: *ken* 'кто-то', *you(n)* 'что-то', *yamāri* 'какой-нибудь', *xamiγa* 'где-нибудь' и т.п. Например: *ken zambudib öüni amurliulan...* (А.г., 29а) 'кто-нибудь эту Джамбудвипу успокоит...'; *yeke yamāri jirγalang edlekü saqtu* (М.т., 34а) 'во время какого-нибудь великого счастья'.

Ali перед причастием, которое является определением к существительному, имеет значение «какой бы ни», «любой»:

öuni ümüsüqsen kümün ali sanasaqsan γazartu kürkü (Ш.х., 9б) 'человек, который ее (шапку) наденет, достигнет любой земли, о которой подумает'.

Кроме того, вопросительные местоимения выступают в различных сочетаниях, с усилительными частицами и в составе сложных предложений, где они имеют значение неопределенных, обобщительных, отрицательных или относительных местоимений. Вопросительные местоимения могут иметь в препозиции слово *ali* 'какой' или удваиваться. В обоих случаях они образуют сочетания с обобщительными или неопределенными значениями: *ali ken* 'кто бы ни', 'кто-нибудь', *ali you(n)* 'что бы ни', 'что-нибудь', *ali ali* 'какой бы ни', 'любой', 'какой-нибудь', *xamiγā xamiγā* 'где бы ни', 'где-нибудь'. Сюда же можно отнести и *ali zarim* 'кто-нибудь'. Например:

ali ken zambudib... zoun mingγan xōr-yēr kōnōn üyiledkü-dü (А.г., 16б) 'когда кто-нибудь Джамбудвипу... ста тысячами зол насытит';

ali ali oron-du buyidu... altan gerel öüni sayitur üzüülün üyiledün (А.г., 16б) 'в каких бы странах ни находился, эту [Сутру] золотого блеска как следует объясняет';

erketü xamiγā xamiγā orošin üyiledüqsen (А.г., 14б) 'где-либо находящиеся чувства';

idē nayirouluqsan ali youn bui xamugi nigen-dü xurāji (А.г., 53а) 'какая ни есть готовая еда, всю воедино собрав';

ali zarim... šastir öün-yēr xān bolun (А.г., 18а) 'кто-нибудь благодаря этой... шастре ханом став...'

Такое же значение имеет сочетание местоимения *ali* 'какой' с частицей *ba*:

aliba öbörön zang ayiliyigi ariun tengse (О.т., 9б) 'каким бы [он] ни был, сделай свой характер чистым'.

Вопросительные местоимения в сочетании с частицей *bese* в утвердительных предложениях имеют значение неопределенных:

bayišing dēre γarči you bese γaruji yabu (Ш.х., 17а) 'выйдя на [крышу] дома, пойдя [посмотри], не появится ли что-нибудь';

üzüq ali bese bolxu nigen oγōto buuran üyiledkü buyu martaxulā (А.г., 30а) 'если какую-нибудь букву полностью перепутает или забудет'.

В отрицательных значениях вопросительные местоимения употребляются с усилительными частицами (*cu/cü* или реже *bese*) в отрицательных предложениях:

ken cü urbuulun ülü čidamui (М.т., 42б) 'никто не может повернуть (прежние дела)';

biši youn cu tusa ülü bolxu (М.т., 12а) 'другое ничто не поможет';

bodhi sadv-du bars you bese ese üyiledbei (А.г., 58б) 'бодисатве тигрица ничего не сделала';

ali bese zobolong-giyin mederel xor bü boltuγai (А.г., 15а) 'пусть не будет ощущения никаких страданий';

yertüncü xamiγā cu zobolong-giyin doun ülü bolun (А.г., 11а) ‘нигде в мире не будет голоса страдания’;

mese eriγsen-dü xamiγā-ēce cü mese ese olun (А.г., 58б) ‘когда искал меч, нигде (букв. ниоткуда) меч не нашел’;

tere... kezē cü ülü törön (Ц.у., 9а) ‘он... никогда не родится’.

Неопределенное значение может быть выражено словом *youma(n)* ‘нечто’, ‘что-нибудь’ < *you(n)* ‘что’. Если предложение содержит отрицание, *youma(n)* выступает в качестве отрицательного местоимения. Например:

xadayin zabsartu idekü uuxu youman bui bolbuu (Ш.х., 15а) ‘разве есть в расщелине скалы что-нибудь из еды и питья’;

youma ese ögöülebei (А.г., 60а) ‘ничего не сказал’.

Вопросительные местоимения могут также употребляться в придаточных предложениях в значении относительных. Например:

ken... bičüülküle: tere xatuqtayin töröldü kezē cü ülü törökü boluyu (Ц.у., 14б) ‘если кто... заставит написать, тот никогда не родится женщиной’;

tedeni şedkil kigēd iröl aļi bui: ...tedeni tede бүкүн бүтүкү болтуγай (А.г., 7б) ‘какие у них есть мысли и желания, такие все пусть свершатся’.

ГЛАГОЛ

Форма глагола в монгольских языках состоит из следующих частей: 1) первичной основы, 2) показателя залога, 3) показателя наклонения, времени, причастия или деепричастия. Показатель времени одновременно является показателем одного из наклонений, причастия или деепричастия [38, с.10]. Отсутствие показателя залога свидетельствует о том, что глагол употреблен в форме действительного залога. Отсутствие показателя третьей группы означает форму глагола 2-го лица повелительного наклонения.

Все формы глагола в монгольских языках делятся на финитные и нефинитные, первые могут выполнять в предложении одну функцию – конечного сказуемого, вторые либо могут выполнять помимо названной еще и другие функции (причастие), либо вообще не могут быть конечным сказуемым (деепричастия). Финитные, в свою очередь, представлены формами изъявительного и косвенных наклонений. Глагол в изъявительном наклонении имеет категорию времени.

Категория залога присуща всем формам глагола, финитным и нефинитным. Однако есть некоторые основания рассматривать залоговые суффиксы как словообразовательные, а не словоизменительные [39, с. 76; 46, с. 60–62]. В особенности это относится к суффиксам совместного и взаимного залогов ввиду того, что они возможны лишь при сравнительно немногих глаголах. Кроме того, залоговые

суффиксы могут комбинироваться; возможны сочетания суффиксов различных залогов и сочетания двух суффиксов одного залога (побудительного).

ЗАЛОГ

В ойратском языке выделяют пять залогов: действительный, страдательный, побудительный, совместный и взаимный. Действительный залог выражается формой глагола без залоговых показателей. Остальные залоговые формы образуются от нее присоединением различных суффиксов.

Страдательный залог образуется с помощью суффикса *-qdal -qde* после гласных, *-dal/-del/-dol/-dö* после согласного *l* и *-tal/-tel/-tol/-tö* после остальных согласных, например: *üzekiü* 'видеть' – *üzeqdekü* 'быть видимым', *sonosxi* 'слушать' – *sonostoxi* 'быть слышимым', *olxi* 'искать' – *oldoxi* 'быть найденным'.

Глагол в форме страдательного залога указывает, что лицо или предмет, обозначаемый подлежащим, подвергается действию, а не производит его. Название субъекта при страдательном залоге оформляется дательным падежом, а объект является подлежащим в форме именительного падежа: *arši ʎašoudan zobolong-du daruqdan* (Ш.х., 24а) 'отшельник был подавлен печалью и страданием'.

Глагол в форме страдательного залога может также выражать самопроизвольное действие, т.е. называть изменение состояния предмета без участия какого-нибудь действующего лица: *bar ʎiltei küböün baraqdād* (Ш.х., 23б) 'мальчики, [рожденные в] год тигра, кончились' (мальчиков, [рожденных в] год тигра, больше не осталось).

Совместный залог образуется с помощью суффикса *-lcal/-lce*: *bayasxi* 'радоваться' – *bayasulcaxi* 'радоваться всем вместе'. Совместный залог предполагает наличие двух или многих лиц, одновременно участвующих в действии: *xatuiq bayusulcabai* (Ш.х., 18б) 'все обрадовались'.

Взаимный залог образуется с помощью суффикса *-ld* или реже *-ldal/-ldel/-ldol/-ldö*: *teberikü* 'обнимать' – *teberildükü* 'обнимать друг друга', *sokixi* 'ударять' – *sokildoхи* 'ударять друг друга', *bulāxi* 'грабить' – *bulāldaхи* 'отнимать друг у друга'.

Глагол в форме взаимного залога указывает, что субъект, совершая действие, одновременно является объектом (прямым или косвенным) такого же действия, производимого другим лицом или группой лиц:

ödügē bida cokildoyo (Ш.х., 14б) 'теперь давай будем бить друг друга';

ene ücüüken ʎodsu bulāldabai (Ш.х., 9б) 'эти маленькие сапоги отнимали друг у друга';

nigen nigen-yēn tebirildēd (Ш.х., 11а) 'друг друга обняли';

ödür büri ayoultu yeke šumnus-luḡā temceldüdeḡ bölögē (Ш.х., 16а) ‘каждый день сражаемся со страшным большим шимнусом’.

Однако формы взаимного и совместного залогов могут употребляться одна вместо другой:

tangḡus-noḡoud ayoun... kemeldübei (М.т., 31а) ‘мангусы, испугавшись, переговаривались’;

küke šara melekē kelelceküi (Ш.х., 8б) ‘синяя и желтая лягушки переговаривались’.

Побудительный залог образуется при помощи следующих суффиксов, выбор между которыми зависит от конечного звука основы.

(1) *-lḡa/-lḡel/-lḡol/-lḡö* – после основ, оканчивающихся на долгий гласный или дифтонг: *souxi* ‘сидеть’ – *soulḡaxu* ‘посадить’, *ulayixu* ‘калиться’, ‘краснеть’ – *ulayilḡaxu* ‘раскалить’, *serēküi* ‘просыпаться’ – *serēlḡeküi* ‘будить’.

(2) *-ḡa/-ḡel/-ḡol/-ḡö* – после основ, оканчивающихся на согласный, кроме *-s*, *-d*, *-b*, после которых употребляется *-xal/-kel/-xol/-kö*: *ḡarxi* ‘выходить’ – *ḡarḡaxu* ‘выводить’, *kürküi* ‘достигать’ – *kürḡeküi* ‘доставить’, *bosxi* ‘встать’ – *bosxoxu* ‘поднять’.

(3) *-oull/-öül* (иногда *-iull/-iүүл*) – после основ, оканчивающихся на краткий гласный, который при присоединении суффикса выпадает. Если конечный гласный основы *i*, то он сливается с суффиксом, и последний имеет вид *-iull/-iүүл*: *oroxi* ‘входить’ – *oroullxu* ‘вводить’, *üzeküi* ‘видеть’ – *üzüülleküi* ‘показывать’, *örgöjiki* ‘расшириться’ – *örgöjiүүлküi* ‘расширить’.

(4) В некоторых случаях побудительный залог образуется путем удлинения конечного гласного корня *a*, *e*, *o*, *ö*: *xataxi* ‘сохнуть’ – *xatāxi* ‘сушить’, *xiraxu* ‘собираться’ – *xirāxi* ‘собирать’, *zoḡsoxi* ‘стоять’ – *zoḡsōxi* ‘останавливать’.

Побудительный залог может образовываться от переходных и непереходных глаголов. От непереходных глаголов, не обозначающих сознательное действие субъекта, суффикс побудительного залога образует переходные глаголы, дополнение к которым по смыслу соответствует подлежащему предложения с исходным глаголом, например:

tende kümün buri nizēd amin modu urḡuulji (Ш.х., 5а) ‘там каждый по одному дереву жизни посадил’ (ср. *urḡaxu* ‘расти’);

xān ildü ḡarḡan (Ш.х., 11б) ‘хан выхватил меч’ (ср. *ḡarxi* ‘выходить’).

Побудительный залог от остальных непереходных и от всех переходных глаголов означает побуждение или дозволение совершить действие, при наличии отрицания – препятствование или запрещение совершить его. В предложении с глаголом в форме побудительного залога подлежащее называет не действующее лицо, а

возбудителя действия, т.е. того, от кого зависит, будет ли действие совершено (того, кто побуждает другое лицо совершить действие и т.д.). Если в предложении назван субъект (реальный исполнитель действия), то он выражается дополнением; если форма побудительного залога образована от непереходного глагола, название исполнителя имеет форму винительного падежа, если от переходного – дательного-местного. Например:

ta youni tula zam xāji ese yabuulbai (М.т., 31а) ‘вы почему дорогу преграждаете, не даете пройти?’;

xatuni olon kümün uyiluulun kötölji ireqsen-dü (Ш.х., 21а) ‘когда много людей ханшу, заставляя плакать, привели’;

ali ene sudur sonosuqsan kigēd ali busud-tu sonosxon üyiledüqči (А.г., 2а) ‘те, которые эту сутру слушали, и те, которые другим давали возможность слушать’;

öröskü dayisun-du cusu-bēn bü üzüül (О.т., 9б) ‘яростному врагу кровь свою не показывай’ (‘не давай увидеть’).

В ойратском языке, так же как и в других монгольских, возможны сочетания залоговых суффиксов, как разных залогов, так и двух суффиксов одного, побудительного, залога.

beyei ülü üzeqdüülün üyiledči (А.г., 19а) ‘тела сделав невидимыми’.

Форма *üzeqdüülkü* образована от глагола *üzekü* ‘видеть’: (*ülü*) *üzeqdekü* ‘быть, (не)видимым’, (*ülü*) *üzeqdüülkü* ‘сделать (не)видимым’, ‘заставить быть (не)видимым’.

ödügē tamiyin oro barildoulun (М.т., 40а) ‘сейчас (ее) адская страна держит’.

Форма взаимного залога употреблена здесь в значении совместного, т.е. указывает на множественность деятелей. Побудительный залог *barildoulxu* (букв. ‘заставляет совместно держать’) указывает на то, что действие «держать» выполняется конкретными неназванными лицами, а адская страна рассматривается как возбудитель действия.

ödügē emēl ab ketēn emēl abxiulbai (Ш.х., 21а) ‘«теперь седло снимите», – приказал снять седло’.

В этом примере к глаголу присоединены одновременно два показателя побудительного залога, которые, по-видимому, дублируют друг друга.

НАКЛОНЕНИЕ

Изъявительное и косвенные наклонения

В монгольских языках различаются изъявительное и косвенные наклонения. Изъявительное наклонение не имеет показателя, но все формы, имеющие суффикс времени, относятся к изъявительному на-

клонению. Формы, выражающие пожелание, намерение, приказание и предостережение, относятся к различным косвенным наклонениям и принимают одно и то же отрицание, свойственное только им, — *-bii* (почему, в частности, они иногда объединяются в одно повелительно-желательное наклонение), в отличие от *ülü* и *ese* в изъявительном наклонении. Однако сейчас в монголистике чаще различают несколько косвенных наклонений (см. [5, с. 25]).

Повелительное наклонение

Форма 2-го лица ед. и мн. числа повелительного наклонения выражается основой глагола; она обозначает повеление совершить действие, обращенное к одному или нескольким лицам:

či selme-bēr cabčiji ala (Ш.х., 11а) ‘ты, мечом разрубив, убей’;

ta... saba-du amtatayin šüüsü talbin üyiled (А.г., 31а) ‘вы... в сосуд вкусный сок налейте’.

Приказание, обращенное не ко второму лицу (обычно к третьему лицу или лицам), выражается формой с суффиксом *-tuγai/-tügei*. В большинстве случаев суффикс *-tuγai* присоединяется к основе вспомогательного глагола *bolxu* ‘становиться’, образуя форму *boltuγai*, которая сочетается с причастием будущего времени смыслового глагола:

kilincetü üyile-noγoudi teyin tebčikü boltuγai; üyile buyan-noγoudi edlekü boltuγai (А.г., 7б) ‘пусть полностью воздерживаются от греховных дел, пусть совершают добродетельные дела’.

Во многих случаях форма с *boltuγai* выражает не приказание, а пожелание:

tani kilince baraqdan bayani cuulγan tögüskü boltuγai (М.т., 14б) ‘пусть ваш грех исчерпается, собрание богатств будет полным’.

Та же конструкция, состоящая из причастия смыслового глагола и служебного глагола *boltuγai* в значении косвенного приказания, может употребляться и с 1-м лицом в ситуациях, когда исполнение действия зависит не от говорящего, а от предполагаемой высшей силы:

bi teyin ilaxu boltuγai (А.г., 32а) ‘пусть я полностью одержу победу’;

xān oro bulāldaxu-yi γazar-tu kürkü boltuγai (Ш.х., 10а) ‘пусть мы достигнем земли, где спорят о ханском престоле’.

Форма *boltuγai* может употребляться и самостоятельно, как связка, в значении «пусть станет»:

tere metü bögösü mini okin čini xatun boltuγai (Ш.х., 25б) ‘если так, пусть моя дочь станет твоей женой’.

К повелительному наклонению относится также вежливая форма, образуемая суффиксом *-qtan/-qten/-qton/-qtön* (или *-qtun/-qtün*). Она употребляется преимущественно во 2-м лице мн. числа:

odā bidan xoyori nökiür gergē boluqton (Ш.х., 7а) ‘теперь нас двоих сделайте мужем и женой’;

γazā mör inu bügüdēr üzüqtün (Ш.х., 14а) ‘снаружи следы все посмотрите’.

Волитативное наклонение

Суффикс волитатива имеет варианты *-ya/-yel/-yol/-yö* (иногда гласный может быть долгим: *-yā/-yē/-yō/-yö*).

Эта форма выражает намерение говорящего совершить действие, при этом он как бы ищет у собеседников или у самого себя подтверждения или согласия на него. Форма на *-ya* в основном употребляется с 1-м лицом ед. и иногда мн. числа:

bi küqšin kümün bölögē bi oduyā (Ш.х., 8а) ‘я старый человек, я пойду’;

bi zuzān oyidu oroyu (А.г., 58б) ‘войду-ка я в густой лес’;

ödügē bidan xoyor nāduyā (Ш.х., 14б) ‘теперь вдвоем поиграем-ка’.

Пропозитивное наклонение

Форма пропозитивного наклонения образуется с помощью суффикса *-su/-sü*.

Она употребляется с 1-м лицом ед. числа и выражает решимость, обещание или согласие говорящего совершить действие:

modu bu unuγa bi öbörön buusu (Ш.х., 4б) ‘дерево не руби, я сам спущусь’;

melekeyin idešidü bi odsu (Ш.х., 8а–8б) ‘я отправляюсь на съедение лягушке’.

Предостерегательное наклонение

Форма предостерегательного наклонения образуется с помощью суффикса *-ouzai/-öüzei*, она выражает опасение, как бы действие не совершилось:

ende bidani arātan alaxu bolouzai (А.г., 57б) ‘как бы нас здесь дикие звери не убили’.

· ВРЕМЯ

Формы времени делятся на две группы – формы настоящего-будущего и прошедшего времени (по Ал. Бобровникову – описательные и повествовательные). Первые сочетаются с отрицанием *ülü*, вторые с *-ese*.

Все формы настоящего-будущего времени могут обозначать и настоящее, и будущее время. Они различаются частотностью употребления в каждом значении и типом текстов, в которых они встречаются.

Между формами прошедшего времени существуют различия, не связанные с временной или видовой характеристикой действия.

Настояще-будущее время

Форма на -*tui/-müi*

Форма на *-tui* обычно передает настоящее время. Глагол в этой форме может обозначать действие, регулярно повторяющееся или совершающееся в данный момент времени: *xatuiq burxan kigēd bodhi sadv-nartu mürgümüi* (Ц.у., 16) 'всем буддам и бодисатвам поклоняюсь';

üküqsen xoyino ed aγurasui busud edlemüi (М.т., 15a) 'после смерти имуществом другие владеют'.

Форма на -*nai/-nei* (иногда -*nā/-nē*)

Суффикс *-nai* свойствен преимущественно разговорному стилю. В канонических сочинениях он встречается наряду с *-tui*, но только в главах повествовательного характера. В нарративных, особенно поздних, текстах он становится преобладающим:

ene xatun younda odonai (Ш.х., 106) 'эта ханша зачем [туда] ходит?';

töün-dü nige bar jiltei küböün bayinai (Ш.х., 236) 'у него есть один мальчик, [родившийся в] год тигра'.

Форма на -*nam/-nem*

Форма на *-nam*, так же как и *-nai*, характерна для разговорного стиля; она встречается не во всех текстах. По мнению Ал. Бобровникова, эта форма более свойственна старописьменному монгольскому языку, чем ойратскому. Она передает как настоящее, так и будущее время:

töüni dergede ülü odnam (Ш.х., 206) 'к нему не пойду';

čimadu bar jiltē küböün bui genem (Ш.х., 24a) 'говорят, у тебя есть мальчик, [родившийся в] год тигра'.

Форма на -*ui*

Форма на *-ui* образуется только от служебного глагола *boluxi* 'становиться' и встречается преимущественно в канонических текстах. Форма *boluui* употребляется после причастия будущего времени (см. ниже).

Прошедшее время

В ойратском языке существуют три формы прошедшего времени.

Форма на -bai/-bei/-boi/-böi (иногда вместо -boi пишется -bui, а вместо -bei – -bē). В конце прямой речи суффикс может принимать вид -ba/-be/-bo/-bö: *γarbai* ‘появились’, *üzebei* ‘увидел’, *orošiboi* ‘жил’, *öqböi* ‘отдал’, *bolbui* ‘стал’, *güübē* ‘побежал’, *mini eke xamiya odbo ketēn asaγuγan-du* (М.т., 8б) ‘«моя мать куда-то ушла», – спросивши...’.

Форма на -lai/-lei (иногда -lā/-lē): *abalai* ‘взял’, *irelei* ‘пришел’, *ololā* ‘нашел’, *edegēlē* ‘вылечил’.

Форма на -ji (после гласных и согласного -l) и -čī (после остальных согласных): *töröji* ‘родился’, *γarčī* ‘вышел’.

Различия в употреблении форм прошедшего времени подробно рассмотрены для монгольского и ойратского языков Ал. Бобровниковым. По его мнению, первая – повествовательная – служит для бесстрастного пересказа совершившихся действий; вторая – описывает действие, уже известное слушателю, о котором ему только напоминают; третья – передает внезапно произошедшее действие, которое может быть неожиданным либо для говорящего, либо для слушателей [6, с. 346–347].

Н. Поппе определяет значение соответствующих форм старописьменного монгольского языка следующим образом: первая выражает простую констатацию того, что действие закончилось в прошлом; вторая обозначает действие, которое несомненно произошло (либо оно всем известно, либо говорящий сам его наблюдал); третья называет совершившееся, но не ожидавшееся действие (действие, которое произошло задолго до других действий, о которых говорится в контексте, и говорящий несколько удивлен, обнаружив это) [45, с. 164–166].

Значения форм прошедшего времени в текстах, на основе которых написан настоящий очерк, в основном соответствуют описаниям Ал. Бобровникова и Н. Поппе.

Первая форма встречается гораздо чаще, чем две другие. Она обозначает совершившееся действие (без дополнительных оттенков):

bi xolo-ēse irebei (М.т., 24б) ‘я пришел издалека’;

sesegiγuγin xorasu qoroboi (А.г., 3б) ‘выпал дождь из цветов’.

Вторая форма в исследуемых текстах далеко не всегда означает напоминание; по-видимому, во многих случаях говорящий употребляет ее, чтобы подчеркнуть свою уверенность в достоверности сообщаемого:

bi adousu xariulji yabūd üzelei (Ш.х., 236) 'я, когда скот пасла, видела';

edegēkii em öqči edegēlē (Ш.х., 76) '[я] дал [тебе] исцеляющее лекарство и вылечил'.

Третья форма обозначает нечто неожиданное:

xān köböün yaqsa yasun ülji (А.г., 63а) 'от ханского сына только кости остались';

šiltān töügēr bida tenggeri-noγoudiyin dotoro ende töröji (А.г., 54а) 'благодаря этому мы здесь, среди тенгриев, переродились'.

Но иногда разница в употреблении форм прошедшего времени незаметна; ср.:

bi xolo-ēse irebei (М.т., 246) 'я пришел издалека' и *bi... ekēn erikē irelei* (М.т., 196) 'я... пришел, чтобы найти свою мать'.

Причастия

Причастиями считаются глагольные формы, которые употребляются в качестве определений к существительным. Помимо этого они могут субстантивироваться, а также выполнять функцию сказуемого, как и финитные формы глагола.

В монгольских языках причастия противопоставляются по времени, но не по залогу. Они образуются от глаголов в форме любого залога, например: *üzekiü* 'смотрящий' (действ. залог), *üzüülküü* 'показывающий' (побуд. залог), *üzeqdeküü* 'видимый' (страд. залог). Все три формы являются причастиями будущего времени и образованы с помощью одного и того же суффикса *-xü/-küü* от трех залоговых форм глагола *üze-* 'смотреть', 'видеть'. Показатель залога предшествует суффиксу причастия.

В ойратском языке имеются следующие причастия.

Причастие будущего времени с суффиксами *-xü/-küü* (преимущественно в функции сказуемого) или *-xüi/-küüi* (преимущественно в функции определения):

üzekiü 'смотрят', *xü-bilγaxu* 'перерождается', *üyiledküü* 'делающий', *utixüi* 'дымящий'.

Причастие прошедшего времени с суффиксом *-qsan/-qsen/-qson/-qsön*:

orkiqsan 'брошенная', *ümüsüqsen* 'надевший', *zolγoqson* 'встретившийся', *töröqsön* 'родивший'.

Причастие многократное с суффиксом *-daq/-deq/-doq/-döq*:

zoudaq 'кусачая', *iredaq* 'приходит', *orkidoq* 'бросали', *öqdöq* 'давали'.

Причастие однократное, или причастие деятеля с суффиксом *-qči*:

üyiledüqčĭ ‘делающий’, *yabuqčĭ* ‘идуший’, *takiqčĭ* ‘почитающий’.

В ойратском языке встречается сочетание причастия будущего времени на *-xu/-kü* с показателем дательного-местного падежа *-a/-e*, существовавшим в основном в доклассическом монгольском языке. Сочетание *-хуа/-кюе* Ал. Бобровников рассматривает как показатель супина (т.е. целевого деепричастия) и считает обычный ойратский суффикс *-xā/-kē* его сокращенной формой [6, с. 392].

Можно упомянуть еще три причастия, которые встречаются в текстах крайне редко.

(1) Причастие настоящего времени на *-ā/-ē* реально встречается только в сочетании *irē ödüi* ‘будущий’, букв. ‘еще не пришедший’, где *irē* – форма причастия настоящего времени от глагола *irekü* ‘приходить’.

(2) Причастие на *-i* упоминает Н. Поппе [45, с. 93–94] как причастие настоящего времени, редкое уже в классическом монгольском: *bosoi kümüni činēn dorma* (Ш.х., 20а) ‘дорма¹² размером стоящего человека’.

(3) Причастие на *-ma/-me* (существуют и другие варианты) упоминается только у Ал. Бобровникова. По его словам, оно употребляется «при описании величины и расстояния предметов» [6, с. 139]. Наш пример полностью соответствует этому объяснению:

öbödqti kürmü kökötöi... ete yakxa (Ш.х., 21а) ‘женщина-якша... с грудью, достигающей колен’.

Причастия на *-a/-e*, *-i* и *-ma/-me* ниже не рассматриваются.

Значения причастий

Причастия в ойратском языке могут иметь несколько значений, основные из которых следующие :

1) действие, представленное как признак совершающего его лица или предмета, например:

maxa ideqčĭ noxoi (А.г., 51б) ‘мясом питающаяся собака’;

üküqsün kümüni edegēküi em (Ш.х., 7б) ‘лекарство, вылечивающее умершего человека’;

2) действие, субъект которого очевиден – обозначен словом, подчиненным причастием, или становится известен из контекста (но не совпадает с определяемым):

xortu klusun xād orošiqsan dalayidu (Ш.х., 25а) ‘в водоеме, где жили злые ханы драконов’;

3) отвлеченное название действия, при котором субъект неизвестен или во всяком случае не указан:

¹² Дорма (тиб. *gtor-ma*) – ритуальное изделие из теста, подносимое в качестве жертвоприношения.

ene küb usun-du melkēn ideši ökü kereq ügei bolxu (Ш.х., 9а) ‘не надо будет давать еду лягушкам, [находящимся] в воде пруда’;

müšeqsen gerel (М.т., 46а) ‘свет улыбки’.

Только первое значение близко к значению причастия в европейских языках; мы будем называть его собственно причастным значением. Два других не всегда можно ясно различить: условно назовем их герундиальными. Причастия с этими значениями могут переводиться отглагольными существительными, инфинитивом или личной формой глагола – сказуемым придаточного предложения. Однократное причастие употребляется только в первом, собственно причастном значении. Многократное причастие чаще всего бывает сказуемым предложения; его значение можно считать собственно причастным. Причастия будущего и прошедшего времени имеют оба значения.

Причастие в собственно причастном значении соотносится с финитным глаголом-сказуемым, при котором определяемому причастия соответствует подлежащее: *souqsan X – X soubai*. Ср.:

müreni ekin-dü souqsan kümün-noγud (М.т., 136) ‘люди, находившиеся (букв. сидевшие) у истока реки’;

ilaγun tögüsün üleqsen... soubai (Ц.у., 1а–2а) ‘Победоносный... сидел’.

Причастие в герундиальном значении часто соотносится с законченным предложением, в котором имеется свое подлежащее: *X oduqsan Y – X odbo*. Ср.:

mini eke xamiγā oduqsan oroni ese olboi (М.т., 246) ‘[я] не нашел страну, куда ушла моя мать’;

mini eke xamiγā odbo (М.т., 86) ‘моя мать куда ушла?’.

Собственно причастное значение чаще всего имеет причастие, выполняющее функцию определения; при этом определяемое называет субъект действия, обозначенного причастием. Например:

γal metü badaraxui nige ildü (М.т., 24а) ‘один меч, горящий подобно огню’;

küb xara usun-du qrošiqson klušiyin xād (Ш.х., 236) ‘ханы драконов, жившие в очень черной воде’;

buyan ülü üviledüqçi kümün (М.т., 15а) ‘люди, добродетель не делающие’.

В позиции определения причастие будущего времени обозначает действие, совершаемое в определенный момент или постоянно присущее определяемому:

kündülen üviledküi amitan-noγud (А.г., 45а) ‘живые существа, оказывающие уважение [сутре]’;

müreni γatulxui kümün (М.т., 126) ‘люди, переправляющиеся через реку’.

Причастие прошедшего времени в функции определения обозначает совершившееся действие или состояние, наступившее в результате действия:

mini töröqsön ečige (М.т., 21а) 'мой [меня] родивший отец';

xayiluqsan tömör (М.т., 37б) 'расплавленное (букв. растаявшее) железо'.

Однократное и многократное причастия в позиции определения характеризуют субъект по признаку постоянно совершаемого действия:

arki xudaldaqči eke okin хойориин балγасун (Ш.х., 9а) 'дом матери и дочери, торгующих водкой';

ölöqčün tere zoudaq doqšini tula (М.т., 44а) 'так как та сука была кусачей злокой'.

Причастие в собственно причастном значении (часто с зависимыми словами) может субстантивироваться и употребляться без определяемого или при опущенном определяемом. Субстантивированное причастие обозначает лицо или предмет по признаку совершаемого ими действия, например, форма *ireküi* 'пришедший' получает значение «пришедший [человек]», «[некто] пришедший». Оно приобретает некоторые признаки существительного, т.е. может изменяться в числе и падеже и выполнять функции, свойственные существительному (подлежащее и дополнение). Чаще других без определяемого употребляется однократное причастие. Например:

surγali sonosxu γaqca сохой-gi küseqči üsün ügei-ēce γaxai-du adali (О.т., 15а) 'слушающий поучения, [но] желающий только насытиться, схож со свиньей, за исключением того, что [у него] нет щетины'.

От субстантивированных причастий прошедшего времени и однократного причастия могут образовываться формы множественного числа с помощью суффиксов *-d* и *-noγud*:

ölösküi undasxui-bēr önidö γajiraqsad (М.т., 39) 'от голода и жажды вечно мучающиеся';

takin üyiledüqči-noγud (А.г., 2а) 'выражающие почтение'.

После субстантивированного причастия может иногда стоять указательное местоимение или одно из слов со значением «всё»:

tende öüde sakiqči tere eyin kemēn ögöülebei (М.т., 19а) 'тогда тот, охраняющий дверь, так сказал';

ögligö ögüqsen tere... öndör izourtan-du töröböi (М.т., 9а) 'тот, дававший подаяние, родился среди высокорожденных';

γazar-ēce иγуqсан хатуги utulun kerčiji (А.г., 15б) 'все, выросшее из земли, разрезал'.

В функции подлежащего субстантивированное причастие, как правило, имеет показатель подлежащего (*inu*) или суффикс множественного числа:

kilince üyiledüqsen inu... kemētüi (М.т., 21а–21б) ‘грехи делавшие... говорят’;

önidö yañıraqsad... öndör izourtan-du töröböi (М.т., 39б) ‘вечно мучающиеся... среди высокорожденных родились’.

Наиболее широко распространенной функцией субстантивированного причастия является прямое дополнение; в этой функции оно принимает суффикс винительного падежа:

kima yān-tai yabuqsani xayirlabāsu (О.т., 11б) ‘если любишь поступающих прилежно’;

mekelen üyiledüqçi-yi zasaq-yēr ese zasaqlaxulā (А.г., 41б) ‘если делающих хитрости наказанием не наказывать’;

onon čidaxui-gi bida ken cü ese üzebei (М.т., 29б) ‘мы не увидели никого, могущего понять [долговечность Шакьямуни]’.

Но причастие может принимать показатель и любых других падежей: *nige mangγus γadana γarči üreküi-lügē zolγon* ‘один мангус вышел, с пришедшим встретился’.

Кроме того, каждое причастие может употребляться как сказуемое со связкой или без нее. Многократное причастие употребляется преимущественно в этом значении:

not-noγud bügüdei meden ülü čidaxu (А.г., 14а) ‘все учения узнать не сможет’;

mini nökiir xatuiq yutayigi yoqto-bēr ögüüledeq (Ш.х., 21б) ‘мой муж обо всех вещах говорит иносказаниями’;

či tenggeri selte amitani maγad ibēqči (А.г., 6ба) ‘Ты вместе с божествами – надежно заботящийся о живых существах’.

Причастие с герундиальным значением может иметь не только зависимые слова, но и название субъекта действия, которое имеет форму именительного, винительного или родительного падежей. Вопрос о том, рассматривать ли подобное сочетание причастия с названием субъекта как причастный оборот или как придаточное предложение, остается спорным и подробнее будет рассмотрен в разделе «Синтаксис».

Причастие, не являющееся определением и не имеющее при себе указания на субъект, приближается по значению к имени:

burxan-luγā nököcöküi olun üyiledütüi (А.г., 10б) ‘с буддами дружбу обретут’;

xotolo tögüsüqsen-tei (А.г., 22б) ‘с полным совершенством’.

Причастие с герундиальным значением может выполнять в предложении функции подлежащего, прямого дополнения, определения.

В функции подлежащего причастие, как правило, имеет при себе показатель подлежащего *inu* или усилительную частицу *си*. Сказуемым к такому причастию обычно бывает прилагательное с оценочным значением (*sayin* ‘хорошо’, *suxaq* ‘редко’):

aya öböriyin beye oγoto öküi inu üyiledkü berke (А.г., 58а) ‘о, свое тело полностью отдать – это сделать трудно’;

ene metü ekeyin nere asaqxui си maši suxaq (М.т., 25а) ‘чтобы так спрашивали об имени матери, [бывает] очень редко’;

či ende ireqsen maši sayin bölügē (Ш.х., 5а) ‘очень хорошо, что ты сюда пришел’.

В функции прямого дополнения причастие с герундиальным значением может быть не оформленным, но может иметь и форму винительного падежа или притяжательный суффикс *-yēn*. Причастие в функции прямого дополнения часто употребляется при таких глаголах, как *medekü* ‘знать’, *sonosxi* ‘слышать’, *üzekü* ‘видеть’, *ayiladxaxu* ‘спрашивать’, *ögöülekü* ‘говорить’. Например:

gegēn nasuni kemzē nomloxui ögöülemeqce (А.г., 4а) ‘как только произнес поучение [о] мере светлейшей жизни’;

či ečiǵe eke xoyori üzeküi duralaxulā toyin bol (М.т., 5а) ‘если ты хочешь увидеть отца и мать, стань монахом’;

bi... eldeb köq dou üyiledküi üzen (М.т., 6б) ‘я... увижу возникновение различных звуков’;

alaxu zabdaqsan-du (Ш.х., 13а) ‘когда решил убить’;

nökür gergē bolxui tangγariqlabai (Ш.х., 24б) ‘покаялись стать мужем и женой’;

kilence you üyiledüqsen-yēn ögöülen üyiled (М.т., 18а) ‘говори, что сделал греховного’;

[xatıγai] odxui-bēn ülü meden (Ш.х., 17б) ‘не зная, куда поехать...’;

oqtorγui-ēce maši γö üzeskü lengtei šoboun ireqseni xatun üzēd saca (Ш.х., 10б) ‘как только ханша увидела, что с неба прилетела прекрасная птица...’;

xoyino nige saq-tu ebečin-yēr ebedči kebtöküi-gi köböün üzebei (М.т., 2б) ‘сын увидел, как потом однажды [мать], болезнью заболев, слегла’.

В позиции определения причастие с герундиальным значением может принимать суффикс родительного падежа:

ilaγun tögüsüqseni müšēn üyiledüqseni učir udxa nomlon soyorxo (М.т., 4бб) ‘соизволь объяснить причину улыбки Победоносного’;

töündü odxuyin jisān xān-du tusuqsan-du (Ш.х., 8а) ‘когда выпала хану очередь туда идти’.

Но оно может и не иметь показателя родительного падежа:

eljiḡe zuruḡsan ebkimel cāsu (Ш.х., 12а) ‘сложенная бумага, на которой был нарисован осел’;

bayaṣing barixu šorō čilou (Ш.х., 12а) ‘земля и камни для постройки дома’;

ene xatuni abxu arḡa (Ш.х., 7а) ‘способ забрать эту ханшу’;

mini eke ende zoboxui üge sonosōd (М.т., 26б) ‘услышал слова о том, что моя мать здесь страдает’.

Когда причастие, образованное от переходного глагола, является определением, дополнение при нем часто отсутствует и объект действия совпадает с лицом или предметом, обозначенным определяемым:

dalayidu orkiḡsan kümün (Ш.х., 25а) ‘человек, брошенный в водоем’;

ekedēn öküi idē (М.т., 40а) ‘еда, даваемая матери’;

ḡar-tu bariḡsan tömör širē [serē] (М.т., 30б) ‘железная острога, которую держал в руках’.

Причастие в герундиальном значении в форме дательного падежа выражает временные отношения, в орудном – причинные. Например:

ödügē bi sayitur ḡarun üyiledküi-dü töḡünčilen boluḡsan-ni gegēn-dü odči (М.т., 3а–3б) ‘сейчас, когда я принял духовное звание, отправлюсь к Татхагате’;

šinḡileḡsen-dü... eke tou zayātani oron-du unuḡsani üzēd (М.т., 6б) ‘когда исследовал... то увидел, что мать попала в страну имеющих плохую судьбу’;

züdürüḡsen-ḡēr ḡaxayin toloḡögi xayinugiyin öböri-yin xör dumdu aldaji (Ш.х., 20б) ‘из-за того, что устал, голову свиньи уронил между рогами яка’.

Деепричастия

Деепричастия в монгольских языках, как и причастия, являются нефинитными формами глагола. Деепричастиями называются глагольные формы, которые не могут быть ни конечным сказуемым, ни определением; их основная функция – неконечное сказуемое.

Все деепричастные формы делятся на сопутствующие и обстоятельственные; первые могут выражать сочинительную связь между двумя равноправными действиями, вторые образуют конструкции, по значению близкие к придаточным предложениям. Различия в значении между деепричастиями внутри группы сопутствующих невелики, тогда как каждое деепричастие из группы обстоятельственных имеет свое определенное значение. В ойратском языке имеются следующие деепричастия.

Сопутствующие деепричастия

Соединительное с суффиксами *-ji* (после гласных и согласного *-l*) и *-či* (после остальных согласных): *töröji* 'родив', *olji* 'найдя', *γarči* 'выйдя'.

Слитное с суффиксом *-n*: *soun* 'сев', *barin* 'держа', *ükün* 'умерев'.

Разделительное с суффиксами *-ād/-ēd/-ōd/-öd* (иногда *-īd* и *-ūd*): *sanād* 'подумав', *sonosōd* 'услышав', *sedkīd* 'подумав', *yabūd* 'пойдя'.

Обстоятельственные деепричастия

Продолжительное с суффиксом *-qsār/-qsēr*: *sanaqsār* 'думая', *medeqsēr* 'зная'. Эта форма считается книжной и встречается только в канонических текстах [6, с. 144–145].

Предварительное с суффиксом *-taqca/-teqce*: *abutaqca* 'как только взяла', *ögöületeqce* 'как только сказали'.

Уступительное с суффиксами *-bacu/-becü/-bocu/-böcü*: *abubacu* 'хотя взял', *eribecü* 'хотя искал', *olbocu* 'хотя нашел', *öqböcü* 'хотя даешь'. Этот суффикс встречается также в отдельном написании *-ba-cu* и с долготой первого гласного *-bācu*; он имеет разговорный вариант *-bači/-beči*.

Условное с суффиксом *-xulā/-külē*: *yabuxulā* 'если уйдешь', *küsekülē* 'если хочешь'. У этого суффикса имеется вариант *-xunā/-künē*, который встречается в текстах, написанных стилем, близким к разговорному: *gekünē* 'если говорите', *harixunā* 'если вернемся'. В этом же значении употребляется суффикс *-bāsu/-bēsü/-bösu/-bösi*, который более свойствен старописьменному монгольскому языку: *odbōsu* 'если уйдешь', *üzüülbēsü* 'если покажешь', *töröbösi* 'если рождается'.

Предельное деепричастие с суффиксом *-tala/-tele/-tolo/-tölö*: *tasurtala* 'пока [не] порвал', *bolto* 'пока [не] стало'.

Целевое деепричастие с суффиксами *-xai/-kei* или *-xā/-kē*: *surxā* 'чтобы научиться', *erikei* 'чтобы найти'.

Все деепричастия из группы сопутствующих могут соединять сочинительной связью два независимых действия. При этом грамматические значения времени и наклонения выражаются только в конечной глагольной форме и переносятся на все предшествующие деепричастия. Например:

xatun xālγa tayilun šatu talbīd xotoyin dēde gerte odun öndör širē yasun eldeb idē undān beldēd: xatun xubcad-yēn araljin sayin xubcad ümüsün küji kigēd agar tülün soubai: (Ш.х., 106) 'ханша дверь открыла, лестницу поставила, вошла в верхнюю комнату дома, высокий стол поставила, различные кушанья и напитки приготовила; ханша свои одеж-

ды поменяла, красивые одежды надела, благовония и курения зажгла, села’;

...*üzeji nada ötör xariu öq* (М.т., 25а) ‘посмотрите и мне быстро ответьте’.

Последний из глаголов, обозначающих действия, связанные сочинительной связью, может иметь не финитную форму, а причастную или обстоятельственную деепричастную:

či namai ücüüken-ēse xayirlaŋ tezēqsen mün bilē (Ш.х., 8б) ‘ты меня ведь с детства любил и кормил’;

kezē... xān... bariqčini... kündülen üyiledün dēdü-dü üyiledün tusalan üyiledün takixulā (А.г., 17а) ‘когда хан... держащих [сутру] уважает, возвышает, помогает, поклоняется...’.

Иногда основной глагол и деепричастие, связанные сочинительной связью, являются синонимами: *nada inaqlaŋ tacāqsan ene yō okin* (Ш.х., 14б) ‘меня любящая, обожающая эта прекрасная девушка’.

Основной функцией слитного и соединительного деепричастий в отличие от разделительного является обозначение действия, поясняющего или характеризующего главное. Действия, обозначаемые деепричастием в этом значении и главным глаголом, не являются равноправными и независимыми одно от другого.

Деепричастие может конкретизировать действие, обозначенное главным глаголом, т.е. давать его более подробное описание:

manaγar xān xatun xoγor zergelen souxi saqtu (Ш.х., 11а) ‘на следующий день, когда хан и ханша сидели рядком...’;

sumi-bēr ekeni coloji ala (Ш.х., 16б) ‘убей, проткнув мозг стрелой’.

Иногда деепричастие обозначает действие, сопутствующее главному:

tayaq-tu šütün čicereji (А.г., 49б) ‘дрожал, опираясь на посох’.

...*oula хоşoundā abči yabuxulā* (А.г., 6а) ‘если улетит, держа в своем клюве гору’.

Сочетание слитного или соединительного деепричастия с главным глаголом может обозначать как последовательные, так и одновременные действия в зависимости от значений глаголов:

bodhi sadv cuulun... ger tende odboi (А.г., 4а) ‘бодисатвы собрались и в тот дом пошли’;

nige erliq γartān nige seleme barin öüde sakin bosči bayibai (М.т., 19а) ‘один черт стоял, держа в руках один меч и охраняя дверь’;

bi ebdeji abulā (Ш.х., 7б) ‘я разрушил [камень] и взял [ханшу]’;

uyilaji xaribai (Ш.х., 9б) ‘плача вернулись’.

Основная функция разделительного деепричастия – обозначение действия, предшествующего главному:

tende moloni toyin... tedeni üzēd eyin kemēn asaqbai (М.т., 126) 'затем Молон тойн... тех увидя, так спросил';

ene cāsun dēre kölböröd olbo (Ш.х., 12а) 'когда на этой бумаге перевернулся, [золото] нашел'.

Изредка разделительное деепричастие может обозначать действие, одновременное главному:

bi adousu xariulji yabūd üzelei (Ш.х., 236) 'я когда пас скот, видел'.

Между случаями, когда деепричастие выражает сочинительную связь, и случаями, когда оно служит для пояснения главного действия, нет четкой границы. Есть много примеров, в которых деепричастие из группы сопутствующих можно свободно перевести и личной формой глагола, и деепричастием:

alixa xabsurun sögödči (А.г., 36) 'сложив ладони, встал на колени' и 'сложил ладони и встал на колени'.

Действие, выраженное одним из сопутствующих деепричастий, может иметь субъект, отличный от субъекта главного действия; но значительно чаще субъект обоих действий один. Например:

beye-ēce kölösü usun metü ciburiñ xubcasun cü norboi (М.т., 18а) 'по телу пот подобно воде струился, одежда промокла';

tā tere taldu oduñ inaqši uruldaji ire (Ш.х., 96) 'вы туда идите, [потом] сюда наперегонки прибегайте';

bi ene öüde sakiñ döçin çalab bolboi (М.т., 19а) '[пока] я эту дверь охраняю, 40 калп прошло';

moloni toyin... idē töüni abči... oron-du ireñ... eke-dēn örgübei (М.т., 416) 'Молон тойн... еду ту взяв... в страну пришел... матери поднес';

zambudib-tu ör sayiçad tende... xān... tüšimel-noçoud-tu ögöülebei (А.г., 52а) 'в Джамбудвипе рассвет забрезжил, тогда хан... чиновникам сказал';

tere ügei xān sonosōd dotoro çalabai (М.т., 20а) 'хан, эти слова услышав, внутрь пригласил'.

Слитное и соединительное деепричастия могут сочетаться с некоторыми вспомогательными и модальными глаголами:

zulji çaruñ ese čidaxuyin tula (Ш.х., 26) 'так как не мог выбежать';

mini züreken ene хаçaruñ aldan (А.г., 60а) 'мое сердце чуть не разорвалось';

čilou ebdeñ ese čidan (Ш.х., 6а) 'камень не могли разбить'.

Обстоятельственные деепричастия выражают временные, условные, целевые и другие отношения между действиями. Как и в случае с сопутствующими деепричастиями, действия, обозначенные обстоятельственным деепричастием и главным глаголом, могут принадлежать либо одному субъекту, либо двум разным.

Продолжительное деепричастие обозначает длительное действие или состояние, которое продолжается в момент совершения главного действия. Эта форма встречается очень редко, например:

xān... ʧasalang-du daruqdan uyilaqsār... ʧarbai (А.г., 62б) 'хан... печалью подавленный, плача... вышел'.

Предварительное деепричастие имеет значение «как только». Действие главного глагола происходит сразу же после действия, выраженного глаголом в форме предварительного деепричастия:

...Bodhi satv serimeqce üzüülüqsen şülüq tedeni daxan sanabai (А.г., 7а) 'Бодисатва... как только проснулся, поучительные стихи эти снова обдумал';

...ayiladxamaqca: ʧadanaki dolon kümün irēd (Ш.х., 3а) 'как только сказал, снаружи семь человек пришли'.

Предельное деепричастие может обозначать предел, до которого осуществляется главное действие, или результат действия, подчеркивающий его силу или интенсивность:

ʧasun-yēn sayitala soun (М.т., 6а) 'сидел [до тех пор], пока кости не побелели';

biriü... emeyin toloṵ türüü ügei cusun cuiburitele deldeqsand-dü (Ш.х., 14б–15а) 'когда бычок без нужды ударил старуху по голове так, что полилась кровь... '.

Эта форма может иметь и уступительное значение:

...üzēd bayitala... abun ese čidabai (Ш.х., 18а) 'хотя видел... взять не мог'.

Уступительное деепричастие имеет значение «хотя» или «даже если»:

axa inu dolon ʧil yelbi surbači ese medebei (Ш.х., 2а) 'хотя старший брат семь лет учился волшебству, не узнал';

dörbön züqtü odbocu usu ese olji (А.г., 52б) 'хотя в четыре стороны ходил... воду не нашел';

ideküi idē olon idebecü xanun üyiledkü ügei (А.г., 41а) 'даже если будут много есть, не насытятся'.

Условное деепричастие выражает условие совершения главного действия:

biriügi ʧarʧaxulā: ed tavar-noṵudi aldamui (Ш.х., 15а) 'если вытащим бычка, имущество потеряем';

či ekēn zobolong-ēce tonilxui küsekülē: ʧaruqsadi zalaʧi (М.т., 45а) 'если ты хочешь освободить свою мать от страданий, монахов пригласи';

xibcasutai bolxunā xāni dergede irekü bölögē (Ш.х., 18б) 'если бы была одежда, к хану бы пошел'.

У этой формы возможно и временное значение: *arban tabuni sara ɣarxulā axa düüi xoyor xarši-ēse ɣarun* (Ш.х., 23а) ‘когда наступило полнолуние, братья из дворца вышли’.

Условное деепричастие с суффиксом *-bāsu* также имеет условное и временное значения:

altani tülebēsü önggö ɣarxu: nöürsü tülebēsü ulam xarлахu: (О.т., 146) ‘если золото жечь, цвет появится, если уголь жечь, еще почернеет’;

...xarabāsu nigen ünügün yabuxui (Ш.х., 176) ‘когда посмотрел... то увидел, что бежит одна лиса’;

okin cu xāni xaršidu kürbēsü xān nökiid selte bügüdēr ɣayixaɣi (Ш.х., 25а) ‘когда девушка прибыла в ханский дворец, хан с друзьями удивился’.

Целевое деепричастие выражает цель совершения главного действия:

eɣige eke xoyori erikei irebei (М.т., 7а–7б) ‘пришел, чтобы найти отца и мать’;

biɣu alxai odlai (Ш.х., 156) ‘ушли, чтобы оленя убить’.

Глаголы с недостаточной парадигмой

В ойратском языке существуют два глагола с недостаточной парадигмой. Это *ахи* ‘быть’ и *bökü* ‘быть’. Эти глаголы утратили большинство своих форм, сохранив лишь некоторые; часть из них перешла в другие части речи. В старописьменном монгольском языке они также образуют не все формы, однако их парадигма представлена полнее. Для ойратского языка исследователи называют неодинаковые списки форм этих глаголов. Перечислим реально встретившиеся в текстах.

Глагол ахи

Форма настоящего-будущего времени *ати́и*;

формы прошедшего времени *абай* и *а́йи* (разг. *а́йи*);

форма будущего причастия *ахи*;

форма прошедшего причастия *ақсан*;

форма предельного деепричастия *атала*.

Финитные и причастные формы этого глагола в основном употребляются в значении «иметься», а деепричастная превратилась в союз с временным значением.

Глагол bökü

Форма прошедшего времени *bölügē* (разг. *билē*);

форма условного деепричастия *bögösü*;

форма предельного деепричастия *bögötölö*.

Форма прошедшего времени от этого глагола употребляется в основном в качестве связки прошедшего времени в составе именного

сказуемого, деепричастные формы – в функции подчинительных союзов с условным и уступительным значением.

Употребление форм этих глаголов рассматривается в разделах, посвященных союзам и именному сказуемому.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ЛОКАТИВЫ И ПОСЛЕЛОГИ

Локативами называются слова с пространственным или временным значением, которые употребляются либо самостоятельно, либо в сочетании с предшествующим существительным. Во втором случае они выражают отношения между существительным и глаголом. Почти все локативы имеют отдельные падежные формы, поэтому Ш. Лувсанвандан выделяет локативы в особый класс имен – имена места-времени [42].

К локативам близки послелоги – служебные слова, которые не могут употребляться самостоятельно и служат только для выражения отношений между словами. Послелоги в отличие от локативов могут также связывать части сложного предложения.

Наиболее распространенными локативами являются *dēre* ‘наверху’, ‘на’, *doro* ‘внизу’, ‘под’, *dotoro* ‘внутри’, *γadana* ‘снаружи’, *emüne* ‘вперед’, ‘перед’, *dergede* ‘рядом’, *хоуино* ‘после’ и др. Локативы могут называть как место, так и направление действия в зависимости от значения следующего глагола, например *dēre* и ‘наверху’ и ‘наверх’.

В функции обстоятельства локативы обычно не оформлены показателем падежа:

yeke tüšimel-noγoud ta dotoro odči (М.т., 32б) ‘великие чиновники, вы внутри идите’;

γadana nige dgeslong ireji (М.т., 33а) ‘снаружи пришел один гелонг’¹³;

хоуино... bodhi-yi olun üyiledümüi (А.г., 13б) ‘затем... обрету бодхи’.

В функции определения локативы либо имеют форму родительного падежа, либо принимают частицу *-ki* со значением «находящийся там-то»:

γadni dotoriyin bodo-noγoud (А.г., 3а) ‘внешние и внутренние предметы’;

balγasun dēreki oqtorγui-du (А.г., 23а) ‘в небе над городом’;

¹³ Гелонг (тиб. *dgeslong*) – нищенствующий монах.

usun dotoroki kümün-noγoud (М.т., 13б) ‘люди, находящиеся в воде’.

Употребляясь самостоятельно, локативы могут принимать суффикс субъектного притяжания:

šastir bügüdei onon dotorōn orouluqsan (А.г., 49а) ‘все шастры¹⁴ поняв, усвоил’ (букв. ‘внутри себя ввел’);

manaγār emüne-bēn yeke γal tülübēsü (Ш.х., 11а) ‘если завтра разожжешь огонь перед собой’.

Когда локативы осуществляют связь между глаголом и существительным, они выражают пространственные и временные отношения. Существительное при этом стоит в форме родительного или именительного падежа. Такое употребление локативов близко по функции послелогам.

dēre ‘на’

mingγan talatai padma dēre... xubilγan... souxui (М.т., 4а) ‘на лотосе с тысячью лепестков... хубилган... сидит’;

xatun xarši dēre γarči eldeb idē öq (Ш.х., 6б) ‘ханша, выйди на крышу дворца (букв. на дворец) и дай различную еду’.

doro ‘под’

töüni doro ere eme tabi üdüren souxui (М.т., 14а) ‘под ним (деревом) пятьдесят чертей и чертовок сидят’;

ečige eke xoyori be γazar doro bulabai (М.т., 4б) ‘отца и мать я в землю закопал’.

γadana ‘снаружи’, ‘кроме’ (изредка встречается форма *γadiur* в том же значении)

öüdeni γadana (М.т., 33б) ‘во дворе (букв. ‘снаружи дверей’);

tani γadana youn bui (М.т., 30б) ‘кроме вас что есть?’;

balγasuni γadiur mörölöji (Ш.х., 14а) ‘снаружи дома следы проложил’.

dotoro ‘внутри’, ‘внутри’, ‘в’

töüni dotoro orkid (Ш.х., 6а) ‘внутри ее (ямы) бросили’;

xab xarangγui tamu dotoro bayinai (М.т., 25б) ‘внутри темного ада находится’;

dunda ‘среди’

nököd dunda (А.г., 7а) ‘среди друзей’;

¹⁴ Шастры (скр. *śāstra*) – как жанр – научные трактаты, священные книги, посвященные философии, в отличие от канонических книг (*sūtra*) и монашеского устава (*vinaya*).

ordu xaršiyin dunda... xubilγan... souxui (М.т., 4а) ‘посреди дворца... хубилган сидит’.

dergede ‘рядом’

töüni dergede kürbei (М.т., 17б) ‘к нему подошел’;

moduni xāni dergede souji (А.г., 25а) ‘сев рядом с ханом дерева’.

emüne ‘перед’

tögünčilen boluqsani nidüni emüne odči (М.т., 3б–4а) ‘пойду пред глаза Татхагаты’.

Некоторые локативы управляют другими падежами, например, *šidar* ‘рядом’ – соединительным, а *хоуино* ‘затем’, ‘после’ – родительным или исходным падежом:

tere oron-luγā šidar (Ш.х., 1а) ‘рядом с той страной...’;

töüni хоуино хатuni γarγaqsan-du (Ш.х., 7а) ‘когда после этого ханшу вывел’;

töün-ēce хоуино nöküd-noγoud züq züq-ēce харији (Ш.х., 6а) ‘после этого друзья со всех сторон вернулись’.

Как при самостоятельном употреблении, так и при управлении существительным локативы могут принимать показатель исходного падежа и обозначать место, откуда исходит действие. Это доказывает, в частности, что локатив, управляющий существительным, не становится послелогом. Например:

doro-ēce deldebesü (Ш.х., 6б) ‘если снизу ударить’;

tamiyin dotoro-ēce γarγaji (М.т., 33б) ‘из ада вывели’;

usun töüni zān dēre-ēce boulyaji (А.г., 52б) ‘ту воду со слона сгрузив’;

emüne-ēce хараји (А.г., 6б) ‘лицом вперед’ (букв. ‘с переда глядя’);

xāni хоуино-ēce бүкүн-дү дахабай (А.г., 62б) ‘за ханом полностью последовали’;

bi ečiγe ekeyin dergede-ēce ende dutāji (Ш.х., 5б) ‘я от родителей сюда убежал’.

В функции, обычно не свойственной локативам, – для связи частей сложного предложения, употребляется только *хоуино*; при этом он имеет значение «после того как»:

eke ögöüleqsen хоуино... mangγus... ögöüleqsen-dü (М.т., 35а) ‘после того как сказала мать... мангусы... сказали’.

От локативов с помощью суффикса *-qši* образуются наречия со значением направления движения:

ene хоуор dēqši oqtorγui-du yabuxi tün (А.г., 14б) ‘эти двое идут наверх, в небо’;

γidaqši odči (М.т., 2а) ‘наружу отправился’.

Перед такими наречиями может иногда стоять существительное в форме исходного падежа:

sangsariyin üzüür-ēce dorogši usun-yēr douruqsan (А.г., 13а) ‘вниз от вершины сансары¹⁵ водой наполнился’.

Послелого могут соединять как слова внутри предложения, так и предложения в составе сложного. Во втором случае сказуемое зависимой части предложения имеет форму причастия; именное сказуемое употребляется без связки или имеет связки *tün* и *ügei*; при этом последнее слово зависимого предложения, т.е. сказуемое или связка, принимает показатель родительного падежа.

Послелог *tula* ‘ради’, ‘из-за’ управляет родительным падежом:

yeke xān-noγud bidani tula... ordu xarši töüni... arčin üyiledkü (А.г., 23а) ‘ради нас, великих ханов, очистит... дворец’.

Изредка *tula* встречается в форме *tulada*, более свойственной старописьменному монгольскому языку:

xamiq tenggerineriyin tulada (А.г., 23а) ‘ради всех тенгриев’.

Употребляясь для связи предложений в составе сложного, послелог *tula* имеет причинное значение:

delger taraq taxan ügeyin tula emēji (Ш.х., 13б) ‘Дельгер испугался, так как не было тарака¹⁶ и мяса’;

tere eme šumnus müni tula bida oroji ülü čidamui (Ш.х., 15а) ‘так как та старуха – шимнус, мы войти не можем’;

ölöqčin tere zoudaq doqšini tula balγadiyin ulus bügüde tende ese yabubai (М.т., 44а) ‘так как та сука была кусачей злюкой, весь городской народ туда не ходил’;

beye cü tülüqseni tula čini dergede ireji ese bolboi (Ш.х., 8а) ‘так как тело сгорело, к тебе приходить больше не могу’;

...usu ülü öqdögiyin tula jil büri... kümü melekēn idešidü öqdöq bui (Ш.х., 8а) ‘так как [лягушки] воду не давали, каждый год... человека лягушкам на съедение давали’.

После причастия будущего времени послелог *tula* обычно имеет значение «чтобы»:

dolon xarсаγа natai alaxuyin tula köji irebē (Ш.х., 3а) ‘чтобы меня убить, семь ястребов прилетели в погоню’.

Послелог *tula* входит в состав сочетаний: *youni tula* ‘почему?’, ‘зачем?’, *töüni tula* ‘поэтому’, *tere metüyin tula* ‘поэтому’, *teyimiyin tula* ‘поэтому’.

Послелог *tölö* (*tölöi*), управляющий родительным падежом, также имеет значение «ради»: *nigen kümüni amini tölö dolōn kümü alaqsan* (Ш.х., 3б) ‘ради жизни одного человека убил семь человек’. Другое

¹⁵ Сансара (скр. *samsara*) – реальный мир как круг непрерывных перерождений.

¹⁶ Тарак – вид простокваши.

ödügē xatuni bi abxui bui (Ш.х., 76) ‘теперь ханшу я заберу’;

urida xāni xarši-du bayan nige beriyin ezen bui (М.т., 1–2а) ‘прежде в ханском дворце был один богатый хозяин дома’;

...*nasuda tere öüde sakiqsan bui* (М.т., 176) ‘вечно эту дверь охраняют’;

či ekēn imaqta uduridun ülü čidaxu (М.т., 36а) ‘ты не сможешь вечно мать вести’;

tende moloni toyin duldui xangkinoulun daruyida tamuyin öüden-dü kürüqsen-dü (М.т., 30а) ‘затем Молон тойн посохом позвенел и тут же достиг дверей ада’;

önidö kücütei orkiraži uyilan (М.т., 13а) ‘долго [и] сильно рыдая, плакали’.

К наречиям образа действия относятся следующие: *oḡto* ‘полностью’, ‘совсем’, *sayitur* ‘хорошо’, ‘как следует’, *genete* ‘вдруг’, *demi* ‘попусту’, *niqta* ‘внимательно’. Примеры:

okin xayiritan-yēn oḡto ögün (А.г., 476) ‘любимых дочерей своих совсем отдал’;

xālḡayin zabsar-yēr sayitur üzeži (Ш.х., 1а) ‘через дверную щель хорошо увидел’;

tegēd tüšimel... gente boqširḡoyin söül-ēce abči (Ш.х., 116) ‘затем чиновник... вдруг схватил пташку за крыло’;

demi yabun bögötölö (Ш.х., 176) ‘ехал попусту’;

ende bičči tede cü niqta üzēd (М.т., 25а) ‘тут писцы те внимательно посмотрели’.

В группу наречий степени и усиления входят: *yeke*, *yekede*, *maši*, *neng* ‘очень’. Примеры:

nidü nilbusu yeke ciburiulun (М.т., 34а) ‘глаза слезы очень пролили’;

xōsun nom-noḡudi maši delgerenggüi nomloboi (А.г., 14а) ‘учения о пустоте [они] очень пространно разъясняли’.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОВА

В эту группу входят слова *bui* ‘есть’, *ügei* ‘нет’ и *tün* ‘есть’. Считается, что *bui* имеет глагольное происхождение, это омертвевшая форма причастия настоящего времени на *-i* от глагола *bu-* ← **bī-* [39, с. 86–87].

Слово *tün* имеет неглагольное происхождение; по-видимому, оно происходит от прилагательного *tün* ‘действительный’, ‘истинный’, ‘тот самый’, сохранившегося в ойратском языке (ср. [29, с. 185–186]):

mün nigen aqšin zuura eljigen bolōd (Ш.х., 12а) ‘в то же мгновение ослом стал’.

Слова *bui* ‘есть’ и *ügei* ‘нет’ употребляются либо в качестве сказуемого в значении «иметься», либо как связки при именном сказуемом; *mün* может быть только связкой. Примеры:

mini eke meüyal ketēkü ende bui (М.т., 33а) ‘моя мать по имени Меугал – здесь’;

meüyal ketēkü nayijinar bi bui (М.т., 32б–33а) ‘я – женщина по имени Меугал’;

bi tögüncilen boluqsani šabi mün (М.т., 26а) ‘я – ученик Татхагаты’.

Кроме того, слово *ügei* употребляется после двух антонимов для выражения обобщения:

ödör söni cü ügei amtatai araki uun (М.т., 11б) ‘днем ли, ночью ли (все время) вкусную водку пил’.

Слова этой группы могут принимать показатели винительного и родительного падежей, иногда с послелогом, когда они являются связкой или сказуемым в придаточном предложении: *eke münj medeji* (М.т., 44а) ‘узнал, [что это] действительно [его] мать’; *usun ügeiyin tula* (Ш.х., 23а) ‘так как не было воды’.

СОЮЗЫ

В ойратском языке сочинительные союзы, которых очень немного, соединяют только имена. Наиболее распространенным союзом является *kigēd* ‘и’:

ed kigēd tarān yoboun kigēd altan mani kigēd subud bendurya kigēd dung mal šil kigēd šuru mönggön kigēd salebram (А.г., 47б) ‘имущество и зерно, раковины и золото, мани и жемчуг, лазурит и раковины, кристаллы и кораллы, серебро и золотой песок’.

По происхождению он представляет собой разделительное деепричастие от глагола *kikü* ‘делать’.

Союз *buu* имеет значение «или»; по происхождению это вопросительная частица: *zurγān хоноq буу dolon хоноq bolji* (А.г., 57б) ‘шесть суток или семь суток прошло’.

Подчинительные союзы в отличие от сочинительных могут соединять части сложных предложений, но не слова в простом предложении. В качестве подчинительных союзов употребляются некоторые деепричастные формы вспомогательного глагола *bolxi* ‘становиться’ и глаголов с неполной парадигмой (*bökü* ‘быть’ и *axi* ‘быть’). Они используются в основном в тех случаях, когда сказуемое придаточного предложения является именным, выраженным именем или причастием со связкой или без нее. В придаточном предложении, которое стоит перед союзом, сказуемое либо именное, либо имеет форму причастия.

Союз *bögötölö* считается формой предельного деепричастия от глагола *bökü* 'быть'. Он употребляется после слитного деепричастия и причастия на *-daq* и в обоих случаях имеет уступительное значение «хотя»:

xāni čilen-dü tödüi tusalan bögötölö üküriyin dörö abxu busu sanji ketēn (Ш.х., 21б) 'сказала: «хотя в такой степени помог при недомогании хана, не придумал ничего другого, как взять коровьи копыта»';

ödür büri idekü küniusü abadaq bögötölö abči ese čidād (Ш.х., 23а) 'хотя обычно каждый день еду и питье брали, [на этот раз] взять не смогли'.

Союз *bögösü* (иногда *bögüsü*) представляет собой застывшую форму условного деепричастия от глагола *bökü* 'быть'. Употребляется *bögösü* в качестве союза со значением «если» после неизменяемых предикативных слов *mün* и *bui*, а также после сказуемых, выраженных именем в форме совместного падежа или с отрицанием:

ken tusatai bögösü yadar geji bü ilyan (О.т., 9б) 'если кто полезный, не отдаляй далеко';

čimadu köböün ügei bögösü bidan kereq ügei zoboji bayinat (Ш.х., 24б) 'если у тебя сына нет, мы без толку страдаем';

ende ali... cusun bui bögösü tere inu bars kigēd... arslan-no yudiyin idēn mün (А.г., 7б) 'если здесь какая-нибудь... кровь есть, она – еда тигров... и львов'.

Союз *bögösü* в том же значении «если», а также «когда» может употребляться в составе сложных предложений, если сказуемое придаточного имеет форму причастия на *-хи*. Примеры:

orkixu bögösü nadalai xamtu orki (Ш.х., 24а) 'если будете бросать, вместе со мной бросайте';

odo maγad či ükükü bögösü narani gereli zandalčiyin γartu öqsü (Ш.х., 22б) 'теперь, если ты наверняка умираешь, [я] отдам Свет солнца в руки палача'.

Союз *bögösü* с отрицанием *ese* образует парный сочинительный союз: *ese bögösü... ese bögösü...* 'или... или...';

ese bögösü či kele: ese bögüsü bi touli kelesü (Ш.х., 4б) 'или ты говори, или я сказку расскажу'.

Союзы *bolbocu* и *bolxulā* представляют собой соответственно формы уступительного и условного деепричастий от глагола *bolxi* 'становиться'. Первый имеет значение «хотя», а второй «если»:

čimadu šüteji xatuni abuqsan bolbocu ödügē xatuni bi abxui bui (Ш.х., 7б) букв. 'хотя, на тебя опираясь, добыли ханшу, я теперь ханшу заберу';

mini ükürtü tuγul ügei bolxulā ayıraq tosun хойор ügei bolxu (Ш.х., 13а) ‘если у моей коровы не будет теленка, [у меня] не будет айрана и масла’.

Союз *atala* представляет собой застывшую форму предельного деепричастия от глагола *ахи*. Он употребляется после слитного деепричастия, передает временные отношения, имеет значения «когда», «в то время как»:

...olon ödür utu zam xālγār yabun atala: asuru siddhi-tü küür eyin kemēn ögöülebei (Ш.х., 4б) ‘...в то время как [царевич] много дней шел длинной дорогой, волшебный мертвец так сказал’;

ene ödür ene metü zobolong üzen atala: ...kemēn sedkin (М.т., 45а) ‘когда [Молон тойн] в этот день эти страдания видел, [он] подумал’.

УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

Усилительные частицы – это служебные слова, которые употребляются для эмоциональной характеристики отдельного союза или предложения.

В ойратском языке наиболее распространенной является частица *си/сü*, которая может иметь и слитное написание с предшествующим словом, и раздельное. Частица *си* обычно присоединяется к именам и причастиям. Если она относится к слову, имеющему падежное оформление, то ставится после падежного суффикса:

sür zali-bēr cü čimekü boluyu (А.г., 22б) ‘блеском же украсится’;

činadu esergüceqči-ničü xariulan üyiledkü (А.г., 44б) ‘чужестранных захватчиков же назад возвратит’.

Частица *си* может также стоять после разделительного деепричастия:

ilerkei sayitur sacādçu debisker-noγud-ēce bosči (А.г., 30а) ‘когда же у всех на глазах красиво [цветы] разбросали, с ковров встали’.

Еще одна выделительная частица, *kü*, характерная для старописьменного монгольского языка, в ойратском языке употребляется очень редко:

züq kigēd züq zübki-noγudtu хоšōdkü maxamudiyin тоγоi tede bügüde ebderekü boluyu (А.г., 14б) ‘[сочетаясь] же попарно, в странах света и промежуточных направлениях, те все змеи элементов разрушаются’.

К выделительным частицам можно отнести также *ину*, которая чаще всего употребляется при подлежащем (см. ниже).

Частица *zā* (*za*) выражает неуверенность или предположение. Она употребляется после формы настоящего времени на *-тuи* или неизменяемого слова *bui*, с которым часто пишется слитно:

ödügē öündü em öqbösü tusa ülü bolutui zā (Ш.х., 19б) ‘если ему сейчас дадим лекарство, пользы, пожалуй, не будет’;

namai tanixi buyizā (Ш.х., 206) ‘меня, по-видимому, узнал’.

Частица *ā* употребляется в вопросительных предложениях после союза *biyu* и выражает риторический вопрос:

čīta metü zoli ugei bača sedkiltei kümün bayidaq biyu ā (Ш.х., 216) ‘подобные тебе дураки с малым умом есть ли?!’

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометие *aya* (*ayā, aya aya, ai aya*) выражает различные чувства: восхищение, сожаление, отчаяние. Примеры:

aya aya burхан sür zali kizār ügei (А.г., 656) ‘о, блеск Будды безграничен’;

ai aya ʔajiraqsan eme (А.г., 576) ‘о несчастная мать’;

ayā čī ese irekiülē (Ш.х., 116) ‘о если ты не придешь...’.

Междометие *aya* может также употребляться перед обращением: *aya izourtani okin tenggeri* (А.г., 49а) ‘о высокородная богиня’.

Чувство печали передает междометие *xoxoi* ‘увы’:

xoxoi bi xayiratai küböün-ēse xačacaqsani üzebei (А.г., 596) ‘увы, я увидел, что разлучен с любимым сыном’.

В грамматиках приводятся и некоторые другие междометия [6, с.186; 29, с. 204], но в текстах они встречаются редко.

СИНТАКСИС

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В ойратском предложении выделяются подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство. Главными членами предложения являются подлежащее и сказуемое. В полном предложении они обязательны, однако, если субъект действия ясен из контекста, подлежащее часто опускается. Дополнение обязательно при переходном глаголе, но, как и подлежащее, в связном тексте оно может отсутствовать. Определения и обстоятельства факультативны.

Подлежащим и дополнением чаще всего бывают существительные, сказуемым – финитные формы глагола.

Определением бывают прилагательные, причастия, числительные, существительные с показателями родительного и совместного падежей, а также в форме основы; обстоятельством – наречия, деепричастия, некоторые формы числительных, а также существительные в косвенных падежах или с послелогоми, локативы и сочетания с локативами.

Субстантивные, адъективные и адвербиальные местоимения употребляются соответственно в тех же функциях, что и существительные, прилагательные, наречия.

Почти все слова, которые выступают в качестве определений, могут субстантивироваться; в этом случае они обозначают лицо или предмет по его признаку и употребляются в тех же функциях, что и существительные.

Существительные, а также другие слова, употребляющиеся как определения, могут быть также именными сказуемыми со связкой или без нее.

В ойратском литературном языке порядок слов в предложении соответствует общемонгольскому: зависимое слово всегда предшествует главному, в частности определение – определяемому. Последнее место в предложении занимает сказуемое. Остальные члены предложения располагаются перед сказуемым в достаточно свободном порядке.

Подлежащее тяготеет к началу предложения, но, если в предложении есть обстоятельство времени, оно, как правило, находится перед подлежащим:

ödügē bi xatuni nöködiyin cuulγan xatugi yeke sakousun-yēr sakin üyiledkü (А.г., 22б) ‘сейчас я все собрание друзей ханши большой охраной буду охранять’.

В некоторых текстах под влиянием разговорной речи подлежащее, выраженное личным местоимением, может занимать позицию после сказуемого в конце предложения:

tā хойор урида нада сай кеqсен-дү асї хариулхуйин тула иребē бї (Ш.х., 12а) ‘я пришел, чтобы воздать благодеяние за то, что вы двое прежде мне добро сделали’;

ere töröji bayınam čї (Ш.х., 21б) ‘мужчиной ты родился’.

Как результат этого явления в современном калмыцком языке у глаголов имеются специальные личные окончания в отличие от современного монгольского, где глагол не спрягается.

Под влиянием переводов с тибетского в ойратском языке определение может иногда стоять после определяемого; это в особенности касается указательных местоимений (подробнее см. ниже).

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Подлежащее всегда стоит в форме именительного падежа. Имена, имеющие две основы (см. выше), в позиции подлежащего стоят в форме полной основы. Примеры:

nigen хālγаčї kümün... cāsu delgeji (Ш.х., 12а) ‘один привратник,... бумагу расправил’.

ene хойор busu züq-ēce ireqsen (Ш.х., 10а) ‘эти двое пришли из другой стороны’;

бї ene öüde sakiji (М.т., 19а) ‘я эту дверь охраняю’;

ene харši дотор кен буй (Ш.х., 10б) ‘внутри этого дворца кто есть?’;

üküqsen хойино ed аγourасui busud edlemüi (М.т., 15а) ‘после смерти имуществом другие владеют’;

zат хāqсан бурuu болji (М.т., 31а) ‘[то, что мы] дорогу закрыли, было неправильно’;

tālaqčın kezē zobolong-ēce tonilon getülkü (М.т., 40а) ‘когда любимая от страданий освободится’.

В качестве подлежащего может выступать причастие с герундиальным значением:

ene metü ekeyin nere аsaqxui си таši сихаq (М.т., 25а) ‘чтобы так спрашивали об имени матери, [бывает] очень редко’.

Показатель подлежащего

В ойратском языке имеется частица *ини*, которая, в частности, может выступать как показатель подлежащего. Она присоединяется

к словам любой части речи, выступающим в функции подлежащего, особенно часто к субстантивированным:

tegēd xān küböün inu xān oro baribai (Ш.х., 10а–10б) ‘затем ханский сын взял ханскую власть’;

ene inu... tarniyin üge (А.г., 34а) ‘это... слова дхарани’¹⁸;

erdeni xurāqči inu nigen köndöi dotoro orošin (А.г., 42б) ‘Собравший драгоценности находился внутри другой пещеры’.

Однако частица *inu* может также стоять после прямого дополнения (в форме винительного падежа или без оформления) и после косвенного дополнения, называющего адресат действия и стоящего в форме дательного-местного падежа:

nige xubi-yi inu olon ügei yadou-noγoudtu zorin (М.т., 2б) ‘одну часть – многим бедным предназначил’;

tere ücüüken küür-noγoudtu inu: ...ketēn γulir saca (Ш.х., 4а) ‘тем маленьким мертвецам скажи... и разбросай муку’.

Частица *-bēr*, совпадающая по форме с суффиксом орудного падежа, в ойратском языке употребляется редко: *modočiγin küböün-bēr... modun γarudi kebei* (Ш.х., 6б) ‘сын плотника... сделал деревянную гаруду’.

Она значительно чаще встречается в старописьменном монгольском и особенно характерна для текстов религиозного содержания.

Употребление частицы *-bēr* является калькой с тибетского, в котором частица орудного падежа оформляет субъект в эргативной конструкции.

СКАЗУЕМОЕ

Простое сказуемое

Сказуемое в ойратском языке может быть простым и сложным. Простое сказуемое состоит или из одного знаменательного слова, или из слова и факультативной связки. Сложное сказуемое всегда состоит из двух знаменательных слов или двух знаменательных слов и факультативной связки.

Простое сказуемое бывает глагольным и именным. Первое выражается финитной формой глагола:

usun dotoro zaγasun-du xubilbai (Ш.х., 2б) ‘под водой в рыбу превратился’;

odā bi čini erkeni toγoi-du xubilsu (Ш.х., 3а) ‘сейчас я тебя превращу в кончик большого пальца’;

nada ötör xariu öq ketēn zakibai (М.т., 25а) ‘«мне быстро ответ дайте», – приказал’.

¹⁸ Дхарани (скр. *dhāranī*) – мистические молитвы или заклинания.

Второе состоит из именной части и связки, которая может быть опущена. В качестве именной части могут выступать имя существительное, прилагательное, количественное и порядковое числительное, местоимение, употребленные в своих основных формах (без падежного показателя):

caγān buxi-noγoud tenggeriyin xubilγān bui (Ш.х., 16а) 'белые быки – перерождение тенгриев';

zam maši xolo bui (М.т., 17а) 'дорога очень дальняя';

či ken bui (Ш.х., 13а) 'ты кто?';

dörbön yeke xāni bülüq kemēkü inu doloduγār bui (А.г., 3а) 'называемая «Глава четырех великих ханов» седьмая есть'.

Кроме того, в качестве именной части сказуемого может выступать существительное или субстантивное местоимение в форме родительного или совместного падежа:

ene ed mal mini bui (Ш.х., 14б) 'эти имущество и скот – мои';

čini nökiür veke zayātai (Ш.х., 11б) 'твой муж обладает великой судьбой'.

Часто именным сказуемым может быть причастие.

В монгольских языках некоторые причастия в функции сказуемого постепенно приобретают значение финитных форм. Например, в современном монгольском языке причастие на *-сан* стало общепотребительной финитной формой, не потеряв при этом способности быть определением. Процесс сближения некоторых причастных форм с финитными в ойратском языке выражается в том, что причастия будущего и прошедшего времени часто могут выступать в роли сказуемого без связки, тогда как в старописьменном монгольском языке связка при них была обязательна.

Причастия будущего и прошедшего времени и многократное в составе именного сказуемого без связок и со связками в ойратском языке передают видо-временные оттенки действия, во многих случаях отличающиеся от выражаемых финитными глагольными формами. Однократное причастие по значению приближается к существительному.

Причастие будущего времени в функции сказуемого без связки в большинстве случаев выражает будущее время:

xatuni bi abxi (Ш.х., 7б) 'я ханшу возьму'.

Кроме того, оно может употребляться для выражения повторяющегося действия или действия, постоянно присущего предмету и обозначающего его свойства:

altani tülebēsü önggö γarxu: nöürsü tülebēsü ulam γarłaxu: (О.т., 14б) 'если золото жечь, цвет появится, если уголь жечь, еще почернеет'.

Многократное причастие на *-daq* выражает повторяющееся действие:

mini nökür xatıq yımayıgı yoqto-bēr ögüüledeq (Ш.х., 216) 'мой муж обо всех вещах говорит иносказаниями';

xatun ödür büri üdüdü tere xarşı dotoro odudaq bölügē (Ш.х., 106) 'ханша каждый день в полдень ходила внутрь того дворца'.

Причастие прошедшего времени на *-qsan* в функции сказуемого употребляется довольно редко. Оно выражает значение прошедшего времени, как и финитная форма прошедшего времени на *-bai*, например:

auya kücün-luḡa tögösüqsen nıgen xān bayıqsan (Ш.х., 236) 'был один хан, преисполненный великой силой';

tere caqtu ilayın tögüsüqsen maḡad oron-du souqsan (М.т., 36а) 'в то время Победоносный находился в стране Магадхе'.

Только причастие деятеля с суффиксом *-qçı* в функции сказуемого по смыслу скорее обозначает постоянный признак предмета: *čı tenggeri selte amitani maḡad ibēqçı* (А.г., 66а) 'ты вместе с тенгриями надежный защитник живых существ'.

В качестве связки в ойратском языке употребляются, во-первых, некоторые глаголы, имеющие все свойственные глаголу формы (финитные, причастные и деепричастные); во-вторых, глаголы недостаточной парадигмы и, в-третьих, неизменяемые слова, которые существуют в одной-единственной форме. К первой группе можно отнести глаголы *bayıxu* 'быть' и *bolxu* 'становиться'; ко второй – глаголы *axı* 'быть' и *bökü* 'быть'; к третьей – неизменяемые слова *bui* 'есть', *ügei* 'нет' и *mün* 'есть'.

Основными значениями слов, употребляемых в качестве связки, по большей части являются «иметься» или «находиться», за исключением слова *mün*. Слово *mün* употребляется при именах, а также причастиях, не внося во многих случаях дополнительного значения:

nıge inı erlıq xān mün (М.т., 27а) 'один – Эрлик хан';

čı tenggeriyın erketü erke örgöjıqsön mün (А.г., 396) 'ты расширил могущество владык тенгриев';

ene xoyor dēqşı oqtorḡıı-du yabıxu mün (А.г., 146) 'эти двое идут вверх в небо'.

Но довольно часто связка *mün* привносит дополнительное значение «именно», «действительно»:

bı čını tere küböün mün (Ш.х., 246) 'я и есть тот твой сын';

tede... burxan-noḡııdı takıqsan mün (А.г., 45а) 'те... действительно поклонялись буддам';

ekeyın nere meıḡal ketēkü mün bolxılā (М.т., 30) 'если имя матери действительно Меугал'.

В составе именного сказуемого связка *bui* имеет значение настоящего времени:

ene küböün cü düü mini bui (Ш.х., 25б) 'этот мальчик – мой младший брат';

či ken bui (Ш.х., 13а) 'ты кто?'

Связка *bölügē* в составе именного сказуемого, а также после слов *mün* и *bui* в основном передает значение прошедшего времени:

bi teyimi nigen yeke xāni küböün bölügē (Ш.х., 25б) 'я был сыном одного великого хана';

čini zöb bölügē (Ш.х., 15б) 'ты был прав';

bida zambutibiysin kümün mün bölügē (М.т., 14б) 'мы были людьми из Джамбудвипы'.

В качестве связки может употребляться глагол *bayixu*, основным значением которого является «быть», «иметься», «находиться». В ойратском языке этот глагол встречается редко, преимущественно в текстах более разговорного характера, в канонических он практически отсутствует.

Выполняя роль связки, глагол *bayixu* в форме настоящего времени не вносит дополнительного значения, а в форме прошедшего имеет значения «стал» или «был»:

či küčitei bayinam (Ш.х., 14б) 'ты – сильный';

čini gergē ixātai kümün bayinai (Ш.х., 22а) 'твоя супруга – умная женщина';

xatun cu... üküdüqsün-du adali bayibai (Ш.х., 11б) 'ханша... стала подобно умершей'.

Глагол *bolxu* 'стать', 'становиться', употребляясь в качестве связки, может принимать показатель любой финитной, а также причастной и деепричастной формы:

čimadu you üyiledüqsen nada bolxu (Ш.х., 20б) 'то, что тебе сделали, мне будет';

xaуiniq... ere yakxa bolboi (Ш.х., 21а) 'буйвол... стал мужчиной-якшей'.

С причастиями употребляются те же связки, что и с именами. Но некоторые связки могут придавать им дополнительное видо-временное значение.

Употребляясь с причастиями, связка *bui* ничего не добавляет к значению причастия:

basa yeke tüšimed... nasuda tere öüde sakiqsan bui (М.т., 17б) 'также великие чиновники... вечно ту дверь охраняли';

žil büri... nizēd kümü melekēn idešidü öqdöq bui (Ш.х., 8а) 'каждый год людей по одному на съедение лягушкам давали';

či em medekü buyu ketēn asaуiqsan-du bi em medekü bui ketēbei (Ш.х., 16б) 'когда [она] спросила: «Ты лекарство знаешь?», [он] ответил: «Я лекарство знаю»'.

tere manaγār... nigen boqširyō-du xubilji irekü bui (Ш.х., 11а) 'он завтра прилетит, превратившись в одну пташку...'

Отрицание *ügei* 'нет', антонимичное слову *bui*, употребляется как отрицательная связка после причастий будущего и прошедшего времен в функции сказуемого:

ödügē bidan-du nebtēreqsen ügei (М.т., 15б) 'сейчас нам не понятно';

ken bayixui medekü ügei (Ш.х., 10а) 'не знаю, кто [там] сидит'.

Сочетание причастия будущего времени со связкой *bölügē* может обозначать действие, которое либо совершится, либо могло совершиться при каких-то условиях:

хоуор күбөүни нигени зүреке дилийн тосун-ду činaji idebēsü edegekü bölügē (Ш.х., 22б) 'если, сварив в кунжутном масле сердце одного из двух сыновей, съела бы [его], то поправились бы';

basa yeke tüšimed tede cu bida medekü bögösü ilgekü bölügē kemēlei (М.т., 26а) 'сказал: еще те великие чиновники, если бы меня узнали, послали бы'.

Сочетание причастия прошедшего времени со связкой *bölügē* выражает либо значение давнопрошедшего действия, происходившего в уже закончившийся период времени, который обычно назван, либо значение перфекта:

erte nigen caqtu abxu yeke balγad-tu: nigen xān bayiqsan bölügē (Ш.х., 8а) 'в древнее время в городе жил один хан';

ödügē bi yabixui-du kürüqsen bölügē (Ш.х., 23а) 'теперь настало время мне идти'.

Причастие на *-daq*, употребленное со связкой *bölügē*, получает значение действия, повторявшегося в прошлом:

xatun ödür büri üdüdü tere xarši dotoro odudaq bölügē (Ш.х., 10б) 'ханша каждый день в полдень ходила внутрь этого дворца'.

Глагол *bayixi* в форме настоящего времени (*bayinai*), употребляясь с причастиями прошедшего и будущего времени в качестве связки, не добавляет ничего к их значению:

bayani küböü alaji γuo dotoro bulu čilou-bēr daruqsan bayinai (Ш.х., 6а) 'сын богача убит, в яме камнем придавлен';

mini uršiqtu ükükü bayinai (Ш.х., 24б) 'по моей вине умрет'.

В сочетаниях причастия и глагола *bolxi* 'становиться' форма причастия будущего времени главного глагола означает действие, которое предстоит совершить, а форма причастия прошедшего времени результат уже совершившегося действия; связка *bolxi* обозначает время действия по отношению к моменту речи.

Сочетание причастия на *-xi* с глаголом *bolxi* в будущем времени (*bolixui*) обозначает действие, которое предстоит совершить в неопределенном будущем:

mingyan burxan töün-dü yar sungyuxu boluyu (Ц.у., 126) 'тысяча будд ему руку протянут';

töröl-yēn sanaxu boluyu (А.г., 12а) 'буду думать о рождениях'.

То же причастие в сочетании с формой прошедшего времени или причастием прошедшего времени глагола *bolxu* обозначает действие, которое субъект собирался или начал совершать:

xoyitu eke mini namai alaxu boluqsan-du: aršiyin dergede dutāji ireqsen bölügē (Ш.х., 256) 'когда моя мачеха меня убить собралась, [я] к отшельнику убежал';

...usun tasural ügei urusxu bolbo (Ш.х., 25а) 'вода непрерывно стала течь'.

Сочетание причастия прошедшего времени на *-qsan* с глаголом *bolxu* в зависимости от формы последнего обозначает результат действия в прошлом или будущем:

...tögünčilen boluqsan-yēr önggö urbuuluqsan bolboi (А.г., 3а) 'благодаря Татхагатам цвет [дома] переменился' (букв. 'стал переменившимся');

ali zarim nomiyin züyil öündü takil üyiledüqči: tere xatıuq dēdü nom takiqsan bolxu (Ц.у., 156) 'кто этому виду дхармы почтение окажет, тот станет почтившим все высшие дхармы'.

Особым типом именного сказуемого можно считать сказуемое, выраженное неизменяемыми словами *bui* 'есть', 'имеется', 'находится' и *ügei* 'нет', 'не имеется'. Это сказуемое обозначает обладание или наличие (местонахождение). В предложениях с таким сказуемым всегда либо присутствует, либо подразумевается обстоятельство места (существительное или местоимение в форме дательно-местного падежа). Если обстоятельство выражено одушевленным существительным, конструкция означает обладание, если неодушевленным – наличие или местонахождение. В последнем случае перевод «имеется» или «находится» зависит от порядка слов:

töün-dü axa xoyor bui (А.г., 61а) 'у него есть два брата';

nada küböün ügei (Ш.х., 4а) 'у меня мальчика нет';

tere yoliyin eken-dü ene bilsüq zöüqsen nigen gergē bui bayınai (Ш.х., 56) 'в начале той реки есть женщина, носившая это кольцо';

küböün xatıyān bui (Ш.х., 25а) 'мальчик где находится'?

Если необходимо отнести значение «иметься» (или «не иметься») к прошедшему времени, после слов *bui* или *ügei* употребляется связка *bölügē*:

enedkegiyin oron-du dolön yelbiči bui bölügē (Ш.х., 1а) 'в индийской стране было семь волшебников';

töün-dü nigen üker-ēce busu ed barān ügei bölügē (Ш.х., 126) 'у него, кроме одной коровы, никакого другого имущества не было'.

Эти же значения – «иметься» и «не иметься» – могут быть выражены также с помощью глаголов *axi* 'быть' и *bayixi* 'быть':

ene xaršiyin dotoro... küböün amui (Ш.х., 11а) 'внутри этого дворца... есть молодой человек';

čini eke yertüncü-dü axui saq-tu (М.т., 9а) 'когда твоя мать пребывала в мире...';

eke xamiγān axui oron-du ireji (М.т., 41б) '[Молон тойн] пришел в ту страну, где находится мать';

γoliyin eken-dü aqsan bayani küböün (Ш.х., 5б) 'сын богача, жившего у истока реки';

töün-dü nige bar jiltei küböün bayinai (Ш.х., 23б) 'у него есть один мальчик, [родившийся в] год тигра';

moloni toyin... γadana bayiqsan-du (М.т., 29б) 'когда Молон тойн снаружи стоял'.

Сложное сказуемое

Сложное сказуемое состоит из глагола (в форме причастия или деепричастия из группы сопутствующих), обозначающего основное действие, и другого слова (глагола или прилагательного), придающего основному глаголу какое-либо дополнительное значение, чаще всего модальности или способа действия. Модальность выражается с помощью модальных глаголов и прилагательных. Модальные глаголы в отличие от прилагательных спрягаются; прилагательные неизменяемы (большинство из них представляет собой застывшую форму совместного падежа существительных). В предложении модальные прилагательные выполняют только функцию сказуемого с факультативной связкой.

Другие характеристики придают действию глаголы, которые в составе сложного сказуемого остаются знаменательными словами, но не называют самостоятельное действие.

Два слова, составляющие сложное сказуемое, представляют собой один член предложения; ни одно из них не является факультативным, т.е. опущение одной из составных частей сложного сказуемого делает предложение грамматически неправильным или изменяет его смысл.

Форма основного глагола в составе сложного сказуемого определяется грамматическими свойствами второго слова.

Сказуемое, выраженное деепричастием и модальным или другим глаголом

Глагол *čidaхи* 'мочь' употребляется при основном глаголе в форме слитного или иногда соединительного деепричастия:

burхан tere öüdeyigi nēn čidaхи (М.т., 27б) 'Будда ту дверь открыть может';

bida oroĵi ülü čidamui (Ш.х., 15а) ‘мы не можем влезть’.

Антонимом к глаголу *čidaxu* ‘мочь’ является *yadaxu* ‘не мочь’, который употребляется очень редко; значительно чаще значение «не мочь» передается глаголом *čidaxu* с отрицанием:

čilouni doro-ēce abun yadaxuyidu (Ш.х., 7б) ‘когда не мог вытащить [ханшу] из-под камня’;

busu ken cü tusalaŋ ülü čidaxu (М.т., 37а) ‘другой никто помочь не может’.

Глагол *bolxu* ‘становиться’ с отрицанием после соединительного деепричастия имеет значение «нельзя»:

...dutāĵi ülü bolxuyin tula ... (Ш.х., 16б) ‘так как убежать будет нельзя...’

Некоторые глаголы указывают направление действия, обозначенного предшествующим глаголом.

Глагол *odxu* ‘идти’ часто употребляется с глаголами движения, означая направление действия от говорящего. С другими глаголами может передавать начало действия. Сочетается с формой слитного или соединительного деепричастия. Примеры:

nisiün odboi (Ш.х., 11б) ‘улетел’;

xān kigēd xatun balaraĵi odboi (А.г., 60а) ‘у хана и ханши мысли помутились’.

Глагол *irekü* ‘приходить’ употребляется с глаголами движения, передавая значение направления к говорящему; сочетается с формой соединительного деепричастия. Примеры:

šobouni ger dotoro-ēce tenggeriyin küböün... ĵārči iren (Ш.х., 10б) ‘изнутри птицы вышел сын тенгрия’.

Глаголы *abaхи* ‘брать’ и *ögökü* ‘давать’ передают направленность действия соответственно в пользу себя и в пользу другого:

ta ĵurbiula... ed barāgi dēqši deselĵi öq bi tataĵi abuyā (Ш.х., 15а) ‘вы втроем... имущество навверх по веревке подавайте, я буду вытаскивать’.

Глагол *aldaхи* ‘терять’ в сочетании со слитным деепричастием передает значение «едва не», «почти»:

tere eme oqtorĵui-du kürün aldaqsan beyetei bolun (Ш.х., 14а) ‘та старуха приобрела тело, почти достигающее неба’ (букв. ‘стала ростом такая, что почти...’).

Глагол *orošixu* ‘жить’, ‘находиться’ в сочетании со слитным деепричастием придает действию значение длительности:

töüni sedkin orošibui (А.г., 4а) ‘об этом долго думал’.

Сочетание глагола *soyogxoxu* ‘соизволить’ со слитным деепричастием другого глагола тоже можно рассматривать как сложное сказуемое:

bidani sejiq tasulun soyorxo (А.г., 39б) 'соизволь разрушить нашу неуверенность'.

Одной из характерных особенностей ойратского литературного языка является широкое употребление сложного сказуемого, второй частью которого является глагол *üyiledkü* 'делать'.

В своем основном значении этот глагол употребляется довольно редко, как правило в составе устойчивых словосочетаний: *düri üyiledkü* 'делать вид', *arγa üyiledkü* 'придумать (букв. сделать) способ', *takil üyiledkü* 'почитать' (букв. 'почитание сделать').

Частое употребление глагола *üyiledkü* в составе сложного сказуемого вызвано влиянием тибетского языка. В тибетском имеются глаголы *byed* 'делать', *bgyur* 'делать' и *'gyur* 'изменяться', которые, сочетаясь с герундиально-причастной формой смыслового глагола, служат основой для присоединения временных и прочих показателей. Кроме того, при сочетании с непереходным смысловым глаголом они передают каузативное значение, придавая глаголу переходность.

В ойратском языке глагол *üyiledkü* сочетается как с переходными, так и с непереходными глаголами в форме слитного деепричастия, а также с глаголами в форме побудительного залога. Добавочного значения он в основном не привносит. Например:

ödügē tou zayatan-du zobun üyiledümüi (М.т., 9а–9б) 'сейчас среди имеющих плохую судьбу страдает' (*zoboxu* 'страдать');

bi... nasuda ariuna yabun üyiledbei (М.т., 8б–9а) 'я... всегда в чистоте находился' (*yabixu* 'идти');

eke... nüültü üyile-noγoudi barin üyiledbei (М.т., 2б) 'мать... греховных дел придерживалась' (*barixu* 'держаться');

dörbön yeke xān töüni... niun üyiledkü (Ц.у., 13а) 'четыре великих хана его... будут прятать' (*niixu* 'прятать').

narani gerel... γašou zobolonggi sergēn üyiledbei (Ш.х., 25а) 'Свет солнца... печали и страдания успокоил' (*sergēkü* 'утешать', 'веселить' от *sergekü* 'веселиться');

burxani oron-du yabiulun üyiledbei (М.т., 32б) 'в страну будд переместят' (*yabiulxu* 'переводить' от *yabixu* 'идти').

Иногда глагол *üyiledkü* употребляется после формы причастия будущего времени (с суффиксом *-xui*) и выражает каузативное значение:

tede bügüide... inaqši činaqši gerel γarxui üyiledkü boltuγai (А.г., 11а) 'пусть они все во все стороны... свет испускают'.

В отдельных случаях он имеет каузативное значение и в сочетании с деепричастием:

nige üge busu amitan-du sonoson üyiledkü (А.г., 37а) 'одно слово другим живым существам дали услышать'.

В качестве второй части сложного сказуемого после деепричастия могут выступать и связки, в особенности *axu* 'быть' и *bayixu* 'быть', которые придают действию, обозначенному деепричастием, значение перфекта или действия, совершающегося в определенный момент:

mini eke tere nige ölöqčün noxoyin beye abun amui (М.т., 45а) 'моя мать обрела тело одной суки' (и сейчас в нем пребывает);

yesün sübe-ēce cusu ciburin amui (М.т., 34а) 'из девяти отверстий кровь сочится';

dolon toxoi beyetei nige erliq: ...öüde sakin bosči bayibai (М.т., 9а) 'один черт с телом в семь локтей... дверь охраняя, стоял';

ere töröji bayinam či (Ш.х., 21б) 'мужчиной ты родился'.

Сказуемое, выраженное причастием с модальными и некоторыми другими глаголами

Глаголы *durašixu* 'хотеть' и более редкий *küsekü* 'хотеть', а также *zabdaхu* 'собираться' присоединяются к причастию будущего времени:

takil üyiledküi durašin (А.г., 44а) 'хочет совершить почитание';

bodhi olxu-yi küsemüi (А.г., 58б) 'хочу обрести бодхи';

tenggeriyin čindamani abun yabuxui zabdaqsan-du (Ш.х., 16а) 'когда собирался идти, взяв чинтамани¹⁹ тенгриев'.

Глагол *kicēkü* 'стараться' управляет формой причастия будущего времени в дательном-местном падеже:

xamiq amitan-du amuyulang-gi sayitur bütēküi-dü kicēqči mün (А.г., 17б) 'старается полностью создать все счастье для всех живых существ'.

Глагол *maγadхu* 'быть очевидным', 'быть определенным' управляет формой причастия прошедшего времени в дательном-местном падеже:

tümen zaγasun tede üküküi caq boluqsan-du maγadbai (А.г., 55а) '[для] той тысячи рыб определенно настало время умереть'.

Сказуемое, выраженное причастием и прилагательным

В качестве второй части сложного сказуемого после причастия настоящего-будущего времени употребляются прилагательные с модальным значением: *bolultai* 'возможно', 'вероятно', *kereqtei* 'нужно', 'надо', *duratai* 'хотеть', *zokistoi* 'подобающий', 'соответствующий', *maγad* 'несомненно', например:

¹⁹ Чинтамани (скр. *cintāmanī*) – волшебная драгоценность, исполняющая желания.

bida ene ödör ende üküü bolultai (М.т., 13а) ‘мы здесь сегодня, вероятно, умрем’;

nada-ēse idē ireküi maγad amui (А.г., 53а) ‘от меня еда несомненно поступит’;

bi ečigeyin ači xariulxuyin tula odxu kereqtei (А.г., 16а) ‘мне надо идти, чтобы воздать отцу’;

gelong-noγud ta... bodhi sadv-yin yasu üzeki duratai buyu (А.г., 56б) ‘не хотите ли вы, гелонги, посмотреть на кости... бодисатвы?’.

Эти прилагательные могут употребляться с отрицанием *ügei*: *kereq ügei* ‘не нужно’, *maγad ügei* ‘может быть’, например:

töüni ese surbasu medeki maγad ügei (Ш.х., 2а) ‘хотя тебя не научили, может быть, знаешь’;

ideši ökü kereq ügei bolxu (Ш.х., 9а) ‘не надо будет давать еду’;

öüni bulāldaхu kereq ügei (Ш.х., 9б) ‘ее делить не нужно’.

Прилагательные *kereqtei* ‘нужный’ и *duratai* ‘любимый’ могут употребляться и после имени:

nökürtü ünügün malxai kereqtei bui (Ш.х., 17б) ‘другу нужна лисья шапка’;

nada dörē kereqtei (Ш.х., 21б) ‘мне копыта нужны’;

bayani küböün-dü durtai bölügē (Ш.х., 6а) ‘любила сына богача’.

Аналогичную конструкцию образует слово *zokistoi* ‘достойный’:

tere γazar cu... mürgün üyiledküye cü zokistoi bolxu (Ц.у., 14а) ‘та страна станет достойной почитания’.

Некоторые модальные прилагательные могут употребляться в качестве определений к глаголу:

mini eke хатиγā oduqsani nada maγad ögöülen soyorxo (М.т., 24б) ‘соизволь мне точно сказать, куда ушла моя мать’;

čimadu küböün ügei bögösü bidan kereq ügei zoboji bayinat (Ш.х., 24б) ‘если у тебя сына нет, мы без толку страдаем’.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Функция определения является основной для прилагательных, адъективных местоимений, количественных и порядковых числительных и причастий:

aqlaq oron-du (М.т., 6а) ‘в пустынном месте’,

yeke oula (М.т., 8а) ‘большая гора’,

bi ene öüde sakiji (М.т., 19а) ‘я эту дверь охраняю’,

хатиγa get-ēse хаγасап (А.г., 60б) ‘от всего вреда отделившись’,

busu sudur-noγudtu (А.г., 14а) ‘в других сутрах’,

üküqsen күтүни edegēküi em (Ш.х., 7б) ‘лекарство, вылечивающее умершего человека’,

zurγān jil (Ш.х., 5а) ‘шесть лет’,

γutaγār baq (А.г., 24б) ‘третья часть’.

Причастия с герундиальным значением в функции определения либо не имеют специального оформления, либо стоят в форме родительного падежа:

ödügē bi ene beye oγōto öküi caq bolji (А.г., 58а) ‘теперь настало время мне полностью тело отдать’;

töündü odxyiγin jisān xān-du tusuqsan-du (Ш.х., 8а) ‘когда хану подошла очередь идти туда’;

amin modu urγuuluqsan γazartu irebēsü (Ш.х., 6а) ‘когда пришли на место, где посадили деревья жизни’;

ilaγun tögüsüqseni müšēn üyiledüqseni učir (М.т., 46б) ‘причина улыбки Победоносного’.

Существительные могут употребляться в функции определения без падежного оформления, а также в форме родительного и совместного падежей:

nigen kümüni šürbüsün dēsen tömör örölbi (Ш.х., 14б) ‘одна веревка из жил человека [и] железные щипцы’;

xāni okin (М.т., 38б) ‘ханская дочь’;

zāni kebteši (А.г., 52б) ‘загон для слонов’;

tömör ginjitei noxoi (Ш.х., 19а) ‘собака на железной цепи’;

urtu soyōtoi ulān nidütē... ete yakxa (Ш.х., 21а) ‘с длинными клыками, с красными глазами женщина-якша’.

Определение, выраженное существительным в форме совместного падежа, обозначает предмет обладания; отсутствие такового передается существительным с отрицанием *ügei*:

xubcasu ügei nigen tölgöči bayinai (Ш.х., 18а–18б) ‘есть один гадатель без одежды’.

В отличие от существительных субстантивные местоимения в функции определения обязательно должны быть оформлены показателем родительного падежа:

čini nökiür üzeküiγin tula (Ш.х., 11а) ‘чтобы увидеть твоего мужа’;

keγi amin modun xabxārхulā (Ш.х., 5а) ‘если что-то дерево жизни засохнет...’;

γouγni belge bui medebüü (А.г., 55а) ‘чего это знак – знаешь?’

В функции определения также могут употребляться некоторые субстантивированные слова в форме родительного падежа:

γučin γurban-ni ezeni olon üyiledküi (А.г., 5а) ‘обретут хозяина тридцати трех [тенгриев]’;

busudiyin amitani tula (А.г., 58а) ‘ради жизни других’;

tusbiryiγin nere (М.т., 12б) ‘имя каждого’.

Определениями со значением местонахождения могут быть локативы с частицей *ki* и существительные с суффиксом *-da* (показатель дательного-местного в доклассическом монгольском) + частица *ki*. Например:

usun dotoroki kümün-noγoud (М.т., 13б) 'люди, находящиеся в воде';

öüden daki tere dolō (Ш.х., 3а) 'те семеро, находящиеся у двери';

kürēdaki mini mori (Ш.х., 17б) 'мой конь, находящийся в конюшне'.

Если при одном определяемом имеется несколько (обычно не больше трех) определений, то, как правило, самую левую позицию (первое место в группе) занимают местоимения и причастия (или причастные обороты):

čini nige köböün (А.г., 62б) 'твой один сын';

gemtei üyiledüqsen γurban züül (А.г., 8б) 'вредно сделанные три вещи'.

Непосредственно перед существительным стоит либо прилагательное, либо существительное без падежного суффикса, реже – в форме одного из косвенных падежей:

casun dung metü maši caγān šüdüün (А.г., 12б) 'снегу [и] раковине подобные, очень белые зубы';

bükün-dü gegerekü altan kenggerge (А.г., 6б) 'повсюду освещающий золотой барабан';

xatuiq aldas ebden üyiledüqči xāni šastir (А.г., 39б) 'все ошибки разрушающая ханская шастра'.

Если существительное имеет перед собой одновременно прилагательное и существительное в форме косвенного падежа, то прилагательное всегда находится ближе к определяемому:

orčilong-giyin¹ yeke² müren³ (А.г., 10а) 'великая² река³ бытия¹;

ebečitei¹olon²amitan³ (А.г., 41а) 'многие² больные¹ живые³ с ущества³'.

Числительное обычно ставится после определений, которые занимают в основном левую позицию, и перед определениями, обычно стоящими непосредственно перед определяемыми:

ceriq¹ kigēd² bol³ selte⁴ dörbön⁵ yeke⁶ xān⁷ (А.г., 16а) 'четыре⁵ великих⁶ хана⁷ вместе с⁴ войском¹ и² рабами³;

γurban tümen хоуор mingγan tenggeriyin¹ köböün² (А.г., 6а) 'тридцать две тысячи сыновей² тенгриев¹;

Однако при числительном возможен и другой порядок определений:

tere ücüüken хоуор xān köböün (А.г., 59а–59б) 'те маленькие два ханских сына';

tivayin¹ γurban² zulzaγa³ (А.г., 60б) 'три² голубиных¹ птенца³'.

его значение – «вместо»: *čini tölöi bi odoya* (Ш.х., 8б) ‘вместо тебя я пойду’.

Послелого *xamtu* и *selte* имеют значение «вместе» и управляют обычно соединительным падежом; *selte* может управлять также именительным, а *xamtu* – совместным падежом:

xān nökiüd selte üzeji γayixaldād (Ш.х., 6б) ‘хан вместе с друзьями увидел и удивился’;

maxa tosu-luγā selteyigi ögün (Ш.х., 21б) ‘дал мясо вместе с маслом’;

ilaγun tögüsün üleqsen... maši olon... mahā sadv-nar-luγā xamtu soubai (Ц.у., 1б–2а) ‘Победоносный... сидел вместе с очень многими... махасатвами’¹⁷;

moloni toyin bosod: ānandatai xamtu... gegēn-dü irebei (М.т., 36б) ‘Молон тойн встал и вместе с Анандой пришел к святейшему’.

Послелог *xamtu* может употребляться как наречие:

bi öüni nökiür bolun xamtu sousu (Ш.х., 5б) ‘я ее мужем стану, вместе будем жить’.

Послелог *metü* имеет значение «подобный», «подобно» и управляет именительным падежом: *nidiün-ēce nilbusu xura metü asaraxiulbai* (М.т., 9б) ‘из глаз слезы подобно дождю пролил’. Послелог *metü* также может иметь значение «по», «в соответствии»: *bičičin tede xāni zarliq metü yaran güüji* (М.т., 21б) ‘те писари по ханскому приказу быстро побежали’.

Иногда *metü* присоединяется к причастию прошедшего времени и связывает два предложения:

nara sara nöqčīd xarin nara sara urγuqsan metü ečige küböün хоуор bayasbai (М.т., 8б) ‘отец и сын обрадовались подобно тому, как солнце и луна, исчезнув, вновь появляются’.

НАРЕЧИЕ

Наречия – неизменяемые слова, употребляющиеся только как обстоятельства. По значению они делятся на три основные группы: 1) времени и длительности; 2) образа действия, 3) степени и усиления. Некоторые наречия времени могут употребляться как при глагольном, так и при именном сказуемом, другие – только при глаголах. Наречия образа действия сочетаются только с глаголами; наречия степени и усиления – преимущественно с прилагательными.

Наиболее употребительными наречиями времени и длительности являются: *ödügē* ‘сейчас’, ‘теперь’, *nasuda* ‘вечно’, *imaqta* ‘вечно’, *urida* ‘прежде’, *daruyida* ‘тотчас’, *önidö* ‘долго’ и др. Примеры:

¹⁷ Махасатва (скр. *mahāsattva*) – совершенный бодисатва.

Нормальный для монгольских языков порядок слов – определения находятся перед определяемым – в ойратском довольно часто нарушается. Только определения, выраженные неоформленным существительным или существительным в форме родительного падежа, всегда стоят в препозиции:

subud ebcöübči (А.г., 54а) ‘жемчужный нагрудник’;

casuni önggö (А.г., 65а) ‘цвет снега’.

Все остальные возможные определения могут стоять как до, так и после определяемого:

bodhi-yin¹ erdem² aγui³ yeke³ ихан⁴ üyiled⁴ (А.г., 15а) ‘пойми⁴ великие³ добродетели² бодхи¹’;

kluyin¹ erketü² yeke³ kücütü⁴-noγoud² (А.г., 2а) ‘владыки² драконов¹, обладающие⁴ великой³ силой⁴’;

amitan¹ nisvanišiyin² [γal]-yēr³ enelüqseni⁴ amurliulun⁵ (А.г., 15б) ‘успокоил⁵ живые¹ существа¹, мучимые⁴ огнем³ греха²’;

dörbön¹ yeke² хān³ bida⁴ ēmnetei⁵ ulus-luγā⁶ selte⁷-noγoud³ cu⁸ (А.г., 27а) ‘мы⁴ же⁸ четыре¹ великих² хана³, вместе с⁷ армией⁵ [и] народом⁶’.

При этом словоизменяемые морфемы (падежные суффиксы и показатель множественного числа) ставятся после определения, т.е. в конце группы существительного:

burхан naran gešöün kir ügei altan metü-bēr түгемел (А.г., 9б) ‘Будда-солнце частями тела, грязи не имеющими, золоту подобными обладает’;

üzüülüqsen šülüq ene¹ metü²-noγoud (А.г., 7а) ‘поучительные стихи, подобные² этому¹’.

Если существительное имеет несколько определений, они в основном как бы распределяются поровну – одни (обычно не больше двух) ставятся перед существительным, другие – после него:

tenggeriyin nidün maši arilun күтүн-ēce nōqčiqsön-yēr zambudib¹ хатиқи² үзен³ üyiledümü⁴ (А.г., 16б) ‘божественными глазами, очень чистыми, людей превосходящими, всю² Джамбудвипу¹ будем⁴ осматривать³’.

Среди определений, не имеющих фиксированного места по отношению к определяемому, в препозиции чаще находятся существительные в форме совместного падежа и прилагательные:

ebečitei¹ olon² amitan³ (А.г., 41а) ‘многие¹ больные² живые³ существа³’.

Постпозиционно чаще остальных употребляются указательные местоимения, которые в канонических текстах обычно помещаются перед определяемым только при отсутствии других определений: *tenggeriyin¹ beye² edeni³ (coq zali)⁴* (А.г., 26) ‘(блеск)⁴ этих³ тел² тенгриев¹’, но *tere caqtu* (А.г., 59б) ‘в то время’.

Постпозитивные определения в ойратском языке появились под влиянием тибетского, в котором препозитивно употребляется только определение, выраженное существительным в форме родительного падежа, а все остальные располагаются после определяемого; показатели множественного числа и падежные частицы замыкают конструкцию справа.

ДОПОЛНЕНИЕ

Дополнение занимает в предложении позицию перед глаголом, который им управляет.

Дополнение может быть прямым и косвенным. Прямое дополнение обязательно при переходных глаголах. Оно имеет показатель винительного падежа или может быть неоформленным. Косвенное дополнение имеет форму любого косвенного падежа, иногда с послелогом.

Существительное в функции прямого дополнения может иметь форму винительного падежа или присоединять суффикс субъектного притяжания, или же оставаться неоформленным, например:

tarγan xoni alaǰi (М.т., 11а) ‘жирных овец убивал’;

xatuni bi abxu (Ш.х., 7б) ‘ханшу я возьму’;

debel-yēn nige mürindü ümüsči (А.г., 16а) ‘надев свое дэли²⁰ на одно плечо’;

sādaq numu aqsan noxoi kötölön mori unād (Ш.х., 17б) ‘саадак и лук привесил, собаку ведя, на лошадь сел...’;

abur γus öüde sakin (М.т., 17а–17б) ‘ракшасы²¹ дверь охраняют’.

Местоимения в функции дополнения всегда имеют форму винительного падежа, за исключением местоимения *you(n)* ‘что’, которое в этой функции представлено неполной основой (*you*) без падежного суффикса:

namai sangnan üyiled (А.г., 32а) ‘пусть меня слушают’;

čimai üzeküyin tula (Ш.х., 11а) ‘чтобы тебя увидеть’;

you üyiledkü (М.т., 33а) ‘что будем делать?’.

Субстантивированное причастие или причастие с герундиальным значением, употребленное как дополнение, обычно получает показатель винительного падежа или суффикс субъектного притяжания, но может быть и неоформленным, например:

yadou zobolong-du daruqdaqsani asaran üyiledüqsen tere (М.т., 22а) ‘те, кто спасают подавленных бедностью и страданиями’;

²⁰ Дэли – национальная монгольская одежда типа халата.

²¹ Ракшас (скр. *rāksas*) – демон, пожирающий людей.

gyü oluqsani šang soyirxoxui-bēn xān ayilad (Ш.х., 19а) 'пусть хан решит, что [он] соизволит [дать] в награду за находку нефрита';

tende moloni toyin ölösün undāsxui-bēr yaŋiraqsan abči (М.т., 40а) 'затем Молон тойн взял страдающую от голода и жажды';

tede yeke kenggerge dourisxaxui sonosxu boltuŋai (А.г., 7б) 'те пусть слушают звучание барабана'.

Другие части речи, употребленные просубстантивно, в функции дополнения требуют винительного падежа:

dörbön ni tende talbin üyiled (А.г., 6а) 'там поставьте четверых';

bi öüni sonosun medēd (А.г., 6а) 'я, это услышав, узнал';

xamugi tōlon čidaxu bolxu (А.г., 15б) 'все сосчитать можно'.

busudi tusalan üyiledküyin tula (А.г., 56а) 'ради помощи другим'.

В функции косвенного дополнения употребляются существительные и личные местоимения, а также слова других частей речи, употребленные просубстантивно, в форме одного из косвенных падежей: дательного, исходного, орудного, совместного и соединительного, иногда с послелогом. Слово в форме родительного падежа может быть косвенным дополнением только в сочетании с послелогом.

Основные значения косвенного дополнения следующие.

(1) Адресат действия:

xuvaraŋ-tu sayin kündülei üyiledün (М.т., 9а) 'духовенству высокое почтение оказывал';

öün-dü em ögbösü (Ш.х., 19б) 'если лекарство ему дадим';

busudtu tusalaxui-du kiceēqči (А.г., 58а) 'стремящийся помогать другим'.

(2) Лицо, от которого что-то получают:

küböün-ēce idē abči xubān (А.г., 53а) 'у сына еду взял и разделил';

eke inu bidan-ēce cü odxonī asuŋin üyiledkü (А.г., 59а) 'мать у нас спросит о младшем'.

(3) Орудие действия:

soulŋayin irōl šöböŋö-bēr cōloŋi (Ш.х., 14а) 'дно ведра проткнул шилом';

töün-ŋēr... mör ŋarŋād (Ш.х., 13б) 'ими... след пометил'.

(4) Лицо, участвующее в действии вместе с субъектом:

kilincetü nököŋ-lügē uŋiraqsan ayoul (А.г., 9б) 'опасность встретиться с греховными друзьями';

küböütei xamtu usun-du orki (Ш.х., 24б) 'вместе с мальчиком в воду бросьте'.

Кроме того, встречаются и более редкие значения косвенных дополнений, например: состояние, в которое что-то переходит в результате действия, часть предмета, через которую он подвергается

действию, материал, из которого делается объект, и другие (см. раздел «Падеж»). Примеры:

usun dotoro zayasan-du xubilbai (Ш.х., 2б) ‘под водой в рыбу превратился’;

küzöün-ēce urtu arɣamalji uyaǰi (М.т., 9б) ‘к шее... длинную веревку привязав’;

zögöyün köl ɣar-yēr dēdü bürgüül sayitur üyiledün (А.г., 5б) ‘из лапок пчелы сделают высокий дом’.

Косвенное дополнение в форме исходного падежа при сказуемом-прилагательном образует конструкцию, соответствующую предложению с прилагательным в сравнительной степени в европейских языках. В ней подлежащее предложения обозначает сравниваемый предмет, дополнение – предмет, с которым сравнивают:

ene okin tenggeriyin okin-ēce maši yeke ɣayixamšiqtai bayinat (Ш.х., 5б) ‘эта девушка гораздо красивее богинь.’

Значение превосходной степени выражается с помощью той же конструкции, но слово в исходном падеже имеет при себе местоимение *xatıq* ‘или *bügüde* ‘все’:

küböün xatıq zāni dotoro-ēce xurdun dēdüi unıǰi (А.г., 53а) ‘сын, садись на самого быстрого из всех слонов’.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Обстоятельство не имеет постоянного места в предложении. Оно помещается перед глаголом, но может быть отделено от него другими членами предложения, в том числе подлежащим.

Различаются обстоятельства места, времени, образа действия, степени и причины.

Обстоятельство места

Обстоятельствами места могут быть существительные или местоимения в форме дательного-местного, исходного, орудного падежей или в сочетании с локативами, а также локативы и адвербиальные местоимения:

arban yertüncü-dü souqçı (А.г., 10а) ‘находящийся в десяти мирах’;

öün-ēce xarin zambudib-tu ödö bolun (М.т., 16б) ‘отсюда возвращайся, в Джамбудвипу шествуй’;

biçiɣ dotoro üze (М.т., 21б) ‘посмотри в списке’;

tani dotoro meüɣal ketēkü nauǰinar bui buyu (М.т., 12б) ‘среди вас есть женщина по имени Меугал?’;

tere okin ɣadana irebei (Ш.х., 5б) ‘дочь вышла’ (букв. ‘наружу пришла’);

eǰige eke xoyoron xamiyā oduqsani ayiladxasu (М.т., 3б) ‘спрошу, куда ушли отец и мать’.

В зависимости от формы падежа и значения глагола обстоятельство места обозначает место, где происходит действие, направление (к предмету или от него), путь передвижения и место проникновения:

erdeni moduni dergede... burqan-noγoud soum (А.г., 7а) ‘рядом с драгоценным деревом... будды сидели’;

ger dotoro... güübe (Ш.х., 12а) ‘побежал... внутри дома’;

xarcaγa öür-ēse γaruqsan metü (М.т., 6а–6б) ‘подобно тому как ястреб из гнезда вылетел’;

zam-yēr ireküi üzebei (А.г., 63б) ‘увидел, как [сыновья] по дороге пришли’;

xālγayin zabsar-yēr sayitur üzeji (Ш.х., 1а) ‘через дверную щель хорошо увидел’.

Обстоятельство времени

В качестве обстоятельства времени употребляются существительные в форме дательного-местного или исходного падежа, наречия, локатив *xoyino* ‘после’:

...nasuda tere öüde sakiqsan bui (М.т., 17б) ‘вечно эту дверь охраняют’;

irē odüi caqtu tere metü bolxu boltuγai (А.г., 14а) ‘в будущем времени пусть станет подобно этому’;

ücüüken-ēse... eǰige eke xoyor-ēse önidö xaγasabai (М.т., 7а) ‘с детства от родителей отделился’;

töün-ēse xoyino nöküd-noγoud züq züq-ēse xariji (Ш.х., 6а) ‘после этого друга со всех сторон вернулись’.

Обстоятельство образа действия

Обстоятельством образа действия могут быть наречия, прилагательные, некоторые формы числительных, адвербиальные местоимения, а также существительные с послелогом *metü* ‘подобно’ и абстрактные существительные в форме совместного падежа:

okin xayiritan-yēn oγōto ögün (А.г., 47б) ‘любимых дочерей своих совсем отдал’;

ende bičiči tede cü niqta üzēd (М.т., 25а) ‘тут писцы те внимательно посмотрели’;

γurbuula nököcön yabun atala (Ш.х., 13б) ‘в то время как втроем дружно шли’;

tegēd jil büri nizēd ideji (Ш.х., 19б) ‘затем каждый год по одному съедали’;

ilaγun tögüsüqseni yurban-ta ergin üyiledēd (А.г., 67a) 'Победоносного три раза обошел';

kerbe eyin örgöbēsü (О.т., 156) 'если так возвысишься';

nidün-ēce nilbusu xura metü asxaruulbai (М.т., 96) 'из глаз слезы подобно дождю пролил';

kücütei köqsön tösun (М.т., 18a) 'сильно поднятая пыль'.

Обстоятельство степени

Эти обстоятельства выражаются наречиями степени и усиления, а также предельным деепричастием:

xosun nom-noγudi maši delgerenggüi nomloboi (А.г., 14a) 'учениями о пустоте очень пространно поучали';

tegēd ama caγan biriü teyiriqsen-dü tasurtala teyirbei (Ш.х., 146) 'затем беломордый бычок начал лягаться и лягался так, что сорвался [с привязи]'.

Обстоятельство причины

Обстоятельством причины могут быть существительные или местоимения в форме орудного падежа и с послелогоми *tula* или *metü* (в одном из значений). Это обстоятельство может обозначать как собственно причину, так и основание для совершения действия:

tere buyani ciuγan-yēr ölöqčini zobolong-ēce tonilxu boluyu (М.т., 456) 'благодаря этому собранию добродетелей освободишь суку от страданий';

ačitayin tula xān ci olör uqtun xaršidur-yēn zalji (Ш.х., 25a) 'ради [их] благодеей хан [их] встретил, в свой дворец пригласил';

či zurxā-bēr olbocu (Ш.х., 76) 'хотя ты, следуя рисунку, нашел';

moloni toyin burxani zarliq metü šobouni köl ouladu odči (М.т., 6a) 'Молон тойн по указанию Будды отправился на гору «Птичьих ног»'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Вопросительные предложения по порядку слов не отличаются от повествовательных. В конце предложения, выражающего общий вопрос, либо ставится вопросительная частица *buyu*, либо к основе глагола-сказуемого присоединяется вопросительный суффикс *-buu/ -büü*. Например:

či xāni xatun bolxu buyu: či bida xoyor ünep sedkil-yēr nököcökü buyu (Ш.х., 7a) 'ты женой хана станешь или мы с тобой по настоящему чувству поженимся?';

baras jiltei küböün ükübüü (Ш.х., 25а) ‘мальчик, [родившийся в] год тигра, умер?’;

ta üzebüü (М.т., 15б) ‘вы видели?’.

Для выражения частного вопроса служит только вопросительное слово:

xutuqti youni tula ende ödö bolboi (М.т., 7а) ‘святой, зачем сюда пожаловал?’.

Если в предложении имеется одновременно вопросительное слово и частица, то первое относится к придаточному, а частица – к главному предложению: *youni belge bui medebüü* (А.г., 55а) ‘чего это знак, знаешь?’.

ОТРИЦАНИЕ

В ойратском языке имеются следующие отрицательные частицы: *bü, ülü, ese, ügei, busu, biši* (первые три употребляются препозитивно).

Отрицание *bü* употребляется с глаголом в форме повелительного наклонения:

ečiǵe ekeyin surǵāli bü marta (О.т., 13а) ‘не забывай поучения родителей’;

xor bü boltuǵai (А.г., 11а) ‘пусть вреда не будет’.

Отрицание *ülü* употребляется с финитными формами глагола в настояще-будущем времени, со всеми причастными формами, кроме причастия прошедшего времени, и с некоторыми деепричастиями (слитным, условным):

kilince töüni nuun ülü üyiledümüi (А.г., 9а) ‘те грехи не буду скрывать’;

sayın kümün ügebēn ülü urbuxu (О.т., 20а) ‘хороший человек свое слово не меняет’;

buyan ülü üyiledüqči (М.т., 15а) ‘добродетель не делающий’;

idē ülü iden... (М.т., 3б) ‘еду не евши...’.

Отрицательная частица *ese* употребляется с финитными формами глагола в прошедшем времени, с причастием прошедшего времени, с некоторыми деепричастиями (слитным, соединительным и условным):

mini eke ǵaqcār ene zam-du ese irebei (М.т., 22а) ‘только моя мать по этой дороге не прошла’;

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В ойратском языке для соединения нескольких предложений в одно широко используются формы причастий (часто в сочетании с падежными суффиксами и послелогоми) и деепричастий (сопутствующих и обстоятельственных); союзы же, как и во всех монгольских языках, развиты слабо.

Среди монголистов существуют разногласия относительно того, считать ли конструкцию, в которой действие обозначено причастием или деепричастием, а субъект его – именем в форме именительного или реже винительного или родительного падежа, оборотом или придаточным предложением.

Сторонники первого мнения [37] указывают на отсутствие в составе этой конструкции финитной формы, а в ряде случаев и слова в именительном падеже, которые считаются обязательными компонентами придаточного предложения. Приверженцы теории придаточного предложения [13] считают, что главное в таких конструкциях – наличие предикативной связи, т.е. собственного подлежащего и сказуемого. Такая конструкция, будучи выделена в самостоятельную единицу, свободно может быть трансформирована в независимое предложение. Мы будем придерживаться теории придаточного предложения, т.е. считать, что сказуемое зависимого предложения может быть выражено причастием или деепричастием.

Сложные предложения различаются по способу связи их частей. При их классификации учитывается состав главной и зависимой частей (является ли зависимая часть одним из членов главной части или нет), оформление подлежащего и сказуемого зависимой части и наличие служебных слов (союзов, относительных местоимений).

Части сложного предложения могут быть соединены тремя способами.

(1) Сказуемое первой части предложения оформляется как деепричастие или причастие с показателем одного из косвенных падежей (дательного-местного или орудного) или с послелогом. Подлежащее может иметь форму именительного, родительного или винительного падежа. Если сказуемое первой части предложения именное, для подчинительной связи употребляются союзы, происходящие от деепричастных форм связки.

(2) Первая часть предложения содержит вопросительное слово, употребленное в значении относительного, которому во второй части соответствует положительное местоимение. Сказуемое первой части обычно имеет форму причастия (без падежных суффиксов) или условного деепричастия.

(3) Зависимая часть предложения становится одним из членов главного предложения (подлежащим, дополнением или определением) и занимает место, обычно свойственное этому члену предло-

жения (в начале или середине главной части). Сказуемое зависимой части оформляется как причастие, к которому присоединяются суффиксы соответствующих падежей (винительного или родительного) – показатели дополнения и определения, или падежный суффикс отсутствует в случае предложения-подлежащего. Подлежащее зависимой части оформляется так же, как при первом способе соединения.

Второй способ соединения частей сложного предложения отличается от первого не только наличием пары соотносительных местоимений, но отчасти также оформлением главных членов первой части предложения; третий способ отличается от первых двух характером расположения зависимой части по отношению к главной, а от первого – также тем, как оформлено сказуемое зависимой части.

Части сложного предложения могут быть соединены в первом случае сочинительной или подчинительной связью в зависимости от характера глагольной формы в первой части. В двух других случаях связь всегда подчинительная.

Ниже сложносочиненные предложения будут рассмотрены отдельно, сложноподчиненные – разделены на три группы по формальным способам соединения их частей.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В случае сочинительной связи между частями сложного предложения грамматическое значение конечного сказуемого, например значение времени, распространяется на все предшествующие, выраженные сопутствующими деепричастиями или причастиями. Если последнее сказуемое состоит из причастия и служебного глагола, то при последних сказуемых служебный глагол опускается. Примеры:

töügēr... zambudibiyin kümün xatıuq cu serin xudalduçini noyonı köböün... cu seribei (А.г., 54б) ‘от этого... все люди Джамбудвипы проснулись, сын купца... тоже проснулся’;

tani kilince baraqañ bayanı cuulıyan tögüskü boltuıai (М.т., 14б) ‘пусть ваш грех истощится, собрание богатств пополнится’;

tende mangıus nige ıaliyin coqcodu xubilji töün-dü ken cü şidardan odçi ülü çidaxu bolboi (М.т., 39б) ‘затем мангус превратился в одну массу огня, к нему никто не мог приблизиться’;

esürüni xān tere ügei sonosōd sedkil maşı emginin bayasād eyin kemēn zarlıq bolboi (М.т., 7б) ‘Брама те слова услышал, душа [его], очень страдая, возрадовалась. [Брама] так сказал’;

kilincetü kümün tede üzēd tusburi gemšin nidun-ēce nilbusu cuburiulbai (М.т., 12б–13а) ‘греховные люди те увидели, каждый раскаялся, из глаз слезы пролил’;

bidani beyeyin kücün kicēnggüi yeke auγa öüsken üyiledkü: bidani beyedü sur zali coq kigēd хотоло төгүсүқсен ороху болуу (А.г.,36а) 'наших тел сила, старание и великая мощь породятся; в наши тела величие, блеск и полное совершенство войдут'.

Если вторая часть сложносочиненного предложения начинается с местоимения (в функции подлежащего, прямого или косвенного дополнения, определения), то сказуемое первой части может иметь форму причастия и формально превращается в определение к этому местоимению:

tere xāni γo üzeskülenḡtei okin bayiқsan: tere: γazā sergekē γarād (Ш.х., 18а) '[у] того хана прекрасная дочь была, она вышла, чтобы прогуляться';

bidan ene tala dumdu-ēce ücüüken xalxabči malxai oloқson töüni bulāldubai (Ш.х., 9б) букв. 'мы среди этой степи маленькую шапку, найденную, её друг у друга отнимаем';

tende nige yeke xān kümün bayiқsan töüni kürēdu odun (Ш.х., 18а) 'там был один хан, [человек] в его конюшню пошел';

ene γoliyin ekin-dü nigen köqšin arši bayiқsan: töün-dü nige bar jiltei küböün bayinai (Ш.х., 23б) 'в начале этой реки живет один старый отшельник, у него есть один мальчик, [родившийся в] год тигра';

tenggeriyin tömör dēsen xangkinan unuқsan töün-ēce γal badaraқsandu (Ш.х., 16б) 'упала, звеня, тенгриева железная цепь, из нее огонь зажегся'.

В предложениях этого типа местоимение может быть опущено, и тогда падежный показатель, который должен был бы относиться к местоимению, присоединяется непосредственно к причастию в конце первой части предложения:

basa nige xatu abuқsan-ēce sarani gerel kemēkü küböünü nirēlbai (Ш.х., 22а) 'еще одну ханшу взял, [от нее] (букв. от взявшей, от взятия) родил сына по имени «Свет Луны»';

mini eke nasuni caq bolōd ayos tamudu unaқsani tögünčilen болuқсан γarγaқсан bölügē (М.т., 40б) 'моя мать, умерев, в ад Авичи попала, [ее] Татхагата вывел' (букв. '...в ад Авичи попавшую Татхагата вывел');

nadur küböün aқsani xān bulāji abun alulai (Ш.х., 24б) 'у меня сын был (букв. 'бывшего'), [его] хан забрал и убил'.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложноподчиненное предложение

с деепричастной формой или послелогом в придаточном

Сказуемое придаточного предложения может быть выражено обстоятельственным деепричастием, причастием, оформленным падежным суффиксом, причастием с послелогом или локативом. Ска-

зубые этого типа имеют придаточные предложения: временные, условные, уступительные, цели и подобия. Большинство форм обстоятельственных деепричастий передают различные временные отношения между действиями.

Сказуемое временного придаточного предложения может иметь форму предварительного, предельного, условного или разделительного деепричастия (последнего в сочетании с союзом *saca*) или причастия в форме дательного-местного падежа или с локативом *хоуино* 'после' и послелогом *зуира* 'пока', 'в то время как'. Конкретное значение придаточного временного (одновременность, предшествование, предел и т. д.) зависит от формы его сказуемого. Примеры:

gelong... soumaqca: ... xān tere... eldeb kuji-bēr utun üyiledkü (А.г., 23а) 'как только гелонг... сядет, тот хан... различными благоговениями воскурит';

dolōn kümün cü dolōn takā bolun xubilād dousutala idebei (Ш.х., 3а-3б) 'семь же людей превратились в кур и ели до тех пор, пока [зерна] не кончились';

burхан... öüni nomlaxulā... beye öügēr... örgöjiki boluyu (А.г., 16а) 'когда Будда ее (сутру) проповедует... тело из-за этого... расширяется';

küüked cü odun uruldaji irebēsu: xobdogiyin küböün malxai ümüsün ese üzüqdebei (Ш.х., 9б) 'дети когда наперегонки вернулись, сын жадины, надев шапку, стал невидимым';

utulya-bēr utād saca... modun yarun üyiledči (А.г., 23а) 'как только воскурил благоговения, деревья появились';

öböriyin yazartu xarixu-du kürügüülkü kümü ilgesü (Ш.х., 25б) 'когда в свою землю будешь возвращаться, пошлю сопровождающих людей';

gertēn šidar kürküyidü gergē inu uqtuji irēd (Ш.х., 21б) 'когда к дому близко подъехал, жена вышла встречать';

...ücüiken amsuulaqsan-du: taraq taxan cu ügei bolun (Ш.х., 13б) 'когда [Дельгер] дал [ей] немного попробовать, тарак и мясо исчезли';

biriü... deldeqsan-dü šatu-ēce xariyidun dutābai (Ш.х., 15а) 'бычок... когда ударил, [старуха], с лестницы спрыгнув, убежала';

eke küböün-yēn yadaši oduqsan хоуино ed aγoursun-noγoudi ebden (М.т., 2б) 'мать, после того как ее сын из дому ушел, имущество разбазарила...';

tede činaqši odun inaqši urulduji ireküyin zuira γodsu ümüsji ese üzeqdebei (Ш.х., 9б) 'пока те туда ходили, назад бежали, [раб и нойон] сапоги надели и исчезли'.

Значение «когда», «в то время как» может быть выражено также сочетанием причастия будущего времени со словом *caqtu* 'во время' (форма дательного-местного падежа от слова *caq* 'время'):

bi...γal dotoro orkixu caqtu či selme-bēr cabčiji ala (Ш.х., 11а) 'когда я брошу [пташку] в огонь, ты, мечом разрубив, убей'.

В придаточном условном предложении сказуемое оформляется суффиксом условного деепричастия. Например:

či yabuxulā bi yaγaji souxu-yi čidaxu (Ш.х., 23а) 'если ты уйдешь, я как смогу жить?';

mergedi xorosxobāsu erdem γarxu: mungxagi xorosxobāsu bāsun γarxu (О.т., 14б) 'если мудрых оскорблять, мудрость появится, если глупых оскорблять, нечистоты появятся'.

Если сказуемое придаточного предложения – именное, после него ставится союз *bögösü* или *bolxulā*:

mingγan törölkitön cü... ülü čidaxu bögösü bi urusxan xamiγā čidaxu ketēn sedkiji (А.г., 52а-52б) '«если тысяча рожденных... не может, как такой, как я, смогу?» – так подумал';

ekeyin nere meüγal ketēkü mün bolxulā ödügē ilerkei ayous tamiyin oron-du bui (М.т., 30а) 'если имя матери – Меугал, сейчас [она], очевидно, в стране ада Авичи пребывает'.

Придаточное уступительное имеет сказуемое в форме предельного или уступительного деепричастия:

xān ildü γaryan cabčitala xatun xāni γar-ēse bariji ese cabčiulbai (Ш.х., 11б) 'хан, выхватив меч, хотя [собирался] ударить, ханша схватила хана за руку и не дала ударить';

či zurxā-bēr olbocu: ...bi ebdeji abulā (Ш.х., 7б) 'хотя ты по рисунку [ханшу] нашел... я, [камень] разрушив, взял [ханшу]'.

После именного сказуемого в придаточном уступительном предложении употребляется союз *bolbācu*, например:

basa manayār üküki bolbācu erdem surxu kereg (О.т., 16а) 'даже если завтра умрешь, необходимо учиться мудрости'.

В придаточном причинном предложении сказуемое имеет форму причастия в орудном падеже или в родительном с послелогом *tula*, например:

züdürüqsen-yēr γaxayin toloyōgi xayinugiyin öbōri-yin xōr dumdu aldaji (Ш.х., 20б) 'из-за того что устал, голову свиньи уронил между рогами буйвола';

bi nasuda ülü medeküi-bēr dēdü nom-noγoudi tebčiqsen (А.г., 8б) 'я вечно из-за того, что не знал, высшие дхармы отвергал';

...usu ülü öqdögiyin tula jil büri... kümü melekēn idešidü öqdöq bui (Ш.х., 8а) '... так как воду не давали, каждый год... людей по одному на съедение лягушкам отдавали';

čimai xamiyā bayixuyigi ken cü ese medeqseni tula bi zurxā zuruji ololā (Ш.х., 7б) ‘так как никто не знал, где ты находишься, я рисунок нарисовал и нашел’.

Если придаточное причинное имеет именное сказуемое, содержащее неизменяемые слова *bui* ‘иметься’, *ügei* ‘не иметься’ или неизменяемые связки *bui*, *ügei*, *mün*, суффикс родительного падежа и послелог *tula* присоединяются непосредственно к ним, например:

usun ügeiyin tula sarani gerel xarangyalji (Ш.х., 23а) ‘так как не было воды, Свет луны оголодал...’;

xara buxa šimnišiyin xubilyān müni tula (Ш.х., 16а) ‘так как черные быки – это перерождения шимнусов’;

xāni törö müni tula ülü odxu arya ügei (Ш.х., 8а) ‘так как таков ханский указ, нет возможности не идти’.

В придаточном предложении цели сказуемое выражается целевым деепричастием:

moloni toyini ire gekē ilgebei (М.т., 36а) ‘послал, чтобы сказали: «Молон тойн, приди»’;

tüšimed-noyoudi tere yoliyin eken-dü zalxai ilgebei (Ш.х., 25а) ‘послал чиновников, чтобы они направились в устье той реки’.

Придаточное подобия имеет в сказуемом сочетание причастия прошедшего времени с послелогом *metü* ‘подобно’:

tabun yeke oula unaqsan metü yeke dou yarči (М.т., 8а) ‘раздался великий голос, как будто упали пять великих гор’.

Сложноподчиненное предложение с относительным местоимением

Предложения могут соединяться посредством пары местоимений: вопросительное (в значении относительного) – в главном предложении, соответствующее положительное – в придаточном. Относительное и положительное местоимения каждое в своем предложении не обязательно имеют одинаковые функции. Чаще они стоят в форме разных падежей.

В качестве сказуемого первой части таких предложений обычно выступают причастия или условное деепричастие. Например:

ken... bičiiülkülē: tere... oron sukavadi-du törökü boluyu (Ц.у., 13б) ‘кто... если велит переписать [эту сутру], тот переродится в стране Сукхавати’;

gdorma keni toloyoi dēre tusubāsu töüni xān bolγoyō (Ш.х., 10а) ‘на чью голову упадет дорма, того ханом сделаем’;

keni čikini nüken- dü cü nomloxi öüni dourisxan üyiledkülē tede buyani ündüsü arilyan üyiledün (А.г., 2б) ‘в чьих ушах это наставление прозвучит, те основу добродетели [в себе] очистят’;

ali caqtu xān demei orkixu tere caqtu... güjir-noγoud-yēr oro ebedekü boluyu (А.г., 40а) 'в то время, когда хан не углядит, клеветой страна разрушится';

xān tende kedüi činēn alxu alxuqsan tödüi činēn zoun mingyan... yalabiyin orčilong-gi xarin unayan üyiledkü (А. г., 21б) 'сколько шагов хан туда шагнет, столько сотен тысяч чередований калп отбросит';

yamāru oqtorγuiyin mixur kizār ügei: tögünčilen burxani erdem mixur ügei (А.г., 10а) 'как безграничен край неба, так бесконечна добродетель Будды';

kezē sanal olji bosun üyiledkü: tejyēde usu cacubai (А.г., 62а) 'пока, в себя придя, [не] встала, до тех пор воду брызгал'.

Иногда парой к вопросительному местоимению может быть положительное местоимение другой группы:

yamāru xān kigēd xān köböün bolun tere metü bi beye-noγoud-yēr oγbo öqböi (А.г., 61а) 'так же как ханом и ханским сыном был, так я тела свои полностью отдал';

nom üzüülün üyiledkü yambar metü: ilayun tögüsün üleqseni beye tere metü (А.г., 6а) 'подобно тому как объясняют дхарму, таково есть тело Победоносного';

zöüdün-dü ali kenggergeyin doun-ecē üzüülüqsen šülüq sonosoqsan tedeni ayiladxabai (А.г., 7а) 'те стихи, возникшие из звука барабана, которые во сне услышал, их доложил';

ali amitan... nere toqtōn üyiledkülē tedeni nasun örgöjikü boluyu (Ц.у., 3а) 'если какие живые существа... имя выучат, их жизнь намного увеличится';

...nere edeni ali zarim... ungšixulā: töüni nasun baraqdaqsan cu zoun nasu nasulan... törökü boluyu (Ц.у., 4а) 'если некто эти имена... будет читать, его жизнь хотя исчерпается, прожив сто лет...[он] переродится';

ilayun tögüsüqsen xamiyā bui tere züqtü xabsurji sügüdüin (А.г., 7а) 'той стороне, где Победоносный, [он], ладони сложив, поклонился';

kezē toulayin eber-noγoud-yēr: šatu sayitur üyiledkü: tere caqtu šalir bui bolxu (А.г., 5б) 'когда из рогов зайца лестницу построят, в то время останки появятся'.

Второе местоимение может быть опущено, и тогда сказуемое придаточного предложения получает форму причастия, а падежный суффикс, который должен был бы присоединяться к местоимению (если он нужен), присоединяется непосредственно к причастию:

ken yaraqsan-du bi öqsü (Ш.х., 9б) 'кто прибежит первым, [тому] я дам' (букв. 'кто первым прибежавшему я дам');

tegēd čimadu γou üyiledüqsen nada bolxu (Ш.х., 20б) 'затем [то], что с тобой сделали, со мной будет'.

Относительному местоимению может в главном предложении соответствовать слово со значением «все», «всё», или такое слово стоит после положительного местоимения. Например:

idē nayirouluqsan ali youn bui xamugi nigen-dü xurāji (А.г., 53а) 'какая ни на есть еда, всю воедино собрав...';

maši narin tōsun kedüi bui: xamugi tōlon čidaxu bui (А.г., 4б) 'сколько ни есть мельчайших частиц, все можно сосчитать';

töüni sedkil kigēd iröl ali bui... tedeni tede бүкүн бүтүкү boltuyai (А.г., 7б) 'какими бы ни были их мысли и желания их, все они пусть исполнятся';

ali ken küjir ebečin-yēr ebedüqsen tede бүгүде... odun kürēd (А.г., 50б–51а) 'те кто был болен тяжелой болезнью, все пошли'.

Сложноподчиненное предложение с придаточным, оформленным как член предложения

Придаточное предложение в составе сложного может выполнять функцию подлежащего, прямого дополнения или определения. Сказуемым такого придаточного предложения является причастие, к которому могут присоединяться показатели винительного и родительного падежей.

Подлежащие придаточные предложения встречаются довольно редко: *okin cu čī ende iregsen maši sayin ketēn ögüülēd* (Ш.х., 5б) 'дочь же сказала: «То, что ты сюда пришел, очень хорошо»'.

Наиболее распространенным типом придаточных предложений этой группы является придаточное дополнительное, сказуемое которого может быть выражено причастием будущего времени без падежного оформления или в форме винительного падежа и причастием прошедшего времени обязательно в форме винительного падежа. Примеры:

..xarabāsu nigen ünügün yabuxui üzēd (Ш.х., 17б) 'когда посмотрел, увидел, что бежит одна лиса';

noxoi kerē ünügen kereldün bayixui-gi üzēd (Ш.х., 17а) 'увидел, что дерутся собака, ворон и лисица';

uyilaxui doun oqtorγui yazar döüreqseni bi sonosun (М.т., 10а) 'я услышал, как звук плача наполнил небо и землю'.

Подлежащее в дополнительных придаточных предложениях может стоять в форме винительного падежа:

ciṁai xamiγā bayixuyigi ken cü ese medeqseni tula (Ш.х., 7б) 'так как никто не знал, где ты находишься';

γaxai tölgöči namai kürēdü kebteqseni medeqsen bololtai (Ш.х., 20б) 'гадатель с [головой] свиньи, возможно, узнал, что я лежу во дворе'.

Если придаточное дополнительное предложение имеет именное сказуемое со словами *bui* 'иметься', *ügei* 'не иметься' или с неизменяемыми связками, показатель винительного падежа присоединяется к ним. Например:

eken tamuyin oron-du buyigi sonosči (М.т., 32б) 'я слышал, что мать находится в адской стране';

moloni toyin eke müni medeji (М.т., 44а) 'Молон тойн узнал [что это] действительно [его] мать'.

Придаточное определительное имеет в качестве сказуемого причастие будущего или прошедшего времени, неоформленное или в форме родительного падежа. Например:

tende moloni toyin burхан tere öüdeyigi nēn čidaхи üge sonosōd (М.т., 27б) 'затем Молон тойн услышал слова, что Будда ту дверь открыть может';

üye dešöü inu tabun zoun terge nige caq-tu čirüqseni dou yarun (М.т., 33б) 'члены тела издавали звук, [как будто] 500 телег одновременно ехали';

ene kögöljirgönöi-gi dolōn хarcayа kōküyin šiltān youn bolbo (Ш.х., 3а) 'какова причина того, что семь ястребов эту пташку гонят'.

В определительных придаточных предложениях подлежащее может иметь форму родительного падежа:

ilaγun tögüsüqseni müšēn üyiledüqseni učir udxa nomlon soyorxo (М.т., 46б) 'соизволь объяснить причину улыбки Победоносного'.

Предложения со словами *bui* 'иметься' и *ügei* 'не иметься' в качестве сказуемого могут быть определительными придаточными без оформления: *хibcasun bui caq-tu* (М.т., 41а) 'во время, когда есть одежда'.

Придаточное предложение, выполняющее функцию члена главного предложения, иногда содержит вопросительное слово, употребленное в значении относительного:

mini eke хamiγā odoqsan oroni ese olboi (М.т., 24б) '[я] не нашел страны, куда отправилась моя мать'.

tegēd Üzesküleng oki bodhi sadv noyirtu noyirsoqson zöüdün-dü bükündü gegērēküi altan kenggerge ene metü: narani mandal metü nigeni üzebei: xamug züqtü cü tōloši ügei caqlaši ügei burxad: erdeni moduni dergede bendürya erdeni širē-noyoudu soun: olon zoun mingyan nököd oyo to kürēlen: emüne-ēce xaraži nom üzüülküi üzebei: tende basa törölkitü biramani dürsün metü nigen: tere kenggerge deledküi üzen: kenggergeyin tere doun-ēce üzüülüqsen šülüq ene metü-noyoud boluqsani sonosboi: tende üzesküleng oki bodhi sadv serimeqce: üzüülüqsen šülüq tedeni daxan sanabai: daxan sanādcu tere söni dousād: Xāni xaršiyin yeke abxui balyad-ēce yarči: olon mingyan amitan-tai xamtu xajir coqco oula xamiyā kigēd ilayun tögüsün üleqsen xamiyā bui: tende odun kürēd: ilayun tögüsüqsen-ni ölmidü terigöübēr mürgüji: ilayun tögüsüqseni yurban-ta ergin üyiledēd: nigen züqtü soubai: nigen züqtü souyād Üzesküleng oki bodhi sadv: ilayun tögüsüqsen xamiyā bui tere züqtü alixa xabsurji sögüdün zöüdün-dü ali kenggergeyin doun-ēce üzüülüqsen šülüq sonosuqsan tedeni ayiladxabai: (A.г., 6б–7а).

ПЕРЕВОД

Затем бодисатва Ручиракету в сновидении, которое [ему] приснилось, когда [он] спал, увидел один подобный этому золотой барабан, светящий повсюду и подобный диску солнца. Увидел [он], [как] во всех же сторонах бесчисленные, неисчислимые будды, сев на троны [из] драгоценности лазурита около драгоценных деревьев, [и] собрав вокруг [себя] многие сотни тысяч сподвижников, в лица [им] глядя, разъясняют дхарму. [Он] увидел затем также, [как] один человек, обликом подобный брамину, в тот барабан бил, [и] услышал, [как] появились этому подобные поучительные стихи из звука барабана. Затем бодисатва Ручиракету, как только проснулся, поучительные стихи эти вновь обдумал. [Когда] же [он их] вновь обдумал, ночь кончилась, и, выйдя вместе с многими тысячами живых существ из большого города Раджагриха, [он] достиг того места, где [находится] гора Гридхракута и где находился Победоносный. Победоносному в ноги поклонившись, Победоносного три раза обойдя, сбоку [он] сел. Сев рядом [с Победоносным], бодисатва Ручиракету [по направлению] в ту сторону, где [находился] Победоносный, ладони сложив, поклонился и рассказал те поучительные стихи, услышанные [им] во сне из звука барабана.

ॐ नमो भगवते वासुदेवाय ॥ श्रीकृष्णाय नमः ॥ ॐ नमो भगवते वासुदेवाय ॥
 नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥
 नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥
 नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥
 नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥
 नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥
 नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥
 नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥ नमो भगवते वासुदेवाय ॥

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

töün-ece bayani küböün nigen γoldu küreqsen-dü: tende eke okin xoyor bayiqsan tere küböüni či xamiγān odxu bui kemēqsen-dü: tegēd küböün eyin ögüülebei: bi xolo γazār-ēce idē eriküyin tula irebei kemēn ögüülebei: eke okin xoyor ögüülebei: teyikünē küböün či ende ireqsen maši sayin bölügē:: düri dürsün γō üzeskülengtei üzeji xanuši ügei nigen okin nada bui: töün-lügē nigen xamtu nököcö: čimai bi küböün metü asurxu bui: kemēn ögüülēd saca tere okin γadana irebei: küböüni sedkildü bi ečige ekeyin dergede-ecē ende dutāji ireqsen mini sayin bolboi: ene okin tenggeriyin okin-ēce maši yeke γayixamšiqtai bayinam: bi öüni nökur bolun xamtu sousu kemēn sedkibe: okin cu či ende ireqsen maši sayin kemēn ögüülēd gertēn oroulun kündülen soubai: (Ш.х., 5а–5б).

ПЕРЕВОД*

После этого сын богача достиг какой-то реки; и оказались там мать с дочерью. «Ты куда идешь?» – спросила мать молодца. Тогда молодец сказал ей: «Я пришел сюда из далекой страны – разыскиваю себе пищу». – «Если это так, – заявила ему мать, – то хорошо, молодец, что ты пришел сюда! У меня есть дочь-красавица, прекрасная, на нее наглядеться нельзя. Женись-ка ты на ней, а я буду заботиться о тебе, как о своем сыне!» Только она сказала это, как вышла ее дочь, о которой она рассказывала. Молодец подумал про себя: «Оказывается, хорошо, что я убежал от отца с матерью. Эта девушка прекраснее небесной девы! Женюсь я на ней, и проживем вместе!» Девушка тем временем пригласила его войти в их дом, говоря: «Хорошо, что ты пришел сюда!» – и начала его угощать.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

abxui balyad 'город'

ali 'который'

alixa 'ладони'

altan 'золото', 'золотой'

amitan 'живые существа'; *amitan-tai* – ф. совместного падежа

asur- 'заботиться'; *asurxu* – причастие будущего времени

ayiladxa- 'рассказывать'; *ayiladxabai* – ф. прошедшего времени

bayan 'богач'; *bayani* – ф. родительного падежа

bayi- 'быть'; *bayinam* – ф. настоящего-будущего времени; *bayiqsan* –

причастие прошедшего времени

basa 'также'

* «Волшебный мертвец». Монгольско-ойратские сказки. Пер. акад. Б.Я. Владимирцова. Изд. 2-е. М., 1958.

bi 'я'; *mini* – ф. родительного падежа; *nada* – ф. дательного-местного падежа
biraman 'брамин'; *biramani* – ф. родительного падежа
bodhi sadv 'бодисатва'
bol- 'становиться'; *bolboi* – ф. прошедшего времени; *bolun* – слитное деепричастие; *boluqsani* – причастие прошедшего времени в ф. винительного падежа
bö- 'быть'; *bölügē* – ф. прошедшего времени
bendürya 'лазурит'
bui 'быть'
burxan 'будда'; *burxad* – ф. множественного числа
bükiin-dü 'повсюду'
saqlaši ügei 'неисчислимый'
cu – усилительная частица
či 'ты'; *čimai* – ф. винительного падежа
дахан 'вновь'
deled- 'бить'; *deledküi* – причастие будущего времени
dergede 'рядом'; *dergede-ēse* – ф. исходного падежа
doun 'звук'; *doun-ēse* – ф. исходного падежа
dous- 'кончатся'; *dousād* – разделительное деепричастие
dursun 'облик', 'вид'
dutā- 'убегать'; *dutāji* – соединительное деепричастие
düri 'вид'
ečiḡe 'отец'
eke 'мать'; *ekeyin* – ф. родительного падежа
emüne 'перед'; *emüne-ēse* – ф. исходного падежа
ende 'здесь', 'сюда'
ene 'это', 'этот'; *öüni* – ф. родительного падежа
erdeni 'драгоценность'
ergi- 'обходить'; *ergin* – слитное деепричастие
eri- 'искать'; *eriküyin* – причастие будущего времени в ф. родительного падежа
eyin 'так'
gegēre- 'светить'; *gegēreküi* – причастие будущего времени
ger 'дом'; *gertēn* – ф. дательного-местного падежа с притяжением
ḡadana 'снаружи'
ḡar- 'выходить'; *ḡarči* – соединительное деепричастие
ḡayixamšiqtai 'удивительный'
ḡazar 'земля'; *ḡazar-ēse* – ф. исходного падежа
ḡol 'река'; *ḡol-du* – ф. дательного-местного падежа
ḡō 'прекрасный'

yurban 'три'; *yurban-ta* – кратное числительное
idē 'еда'
ilayun tögüsüqsen, ilayun tögüsüñ üleqsen – Будда (скр. *Bhagavān*)
 букв. 'Победоносный'; *ilayun tögüsüqsen-i* – ф. винительного
 падежа; *ilayun tögüsüqsen-ni* – ф. родительного падежа
ire- 'приходить'; *irebei* – ф. прошедшего времени; *ireqsen* –
 причастие прошедшего времени
kemē- 'говорить'; *kemēqsen-dü* – причастие прошедшего времени в
 ф. дательного-местного падежа; *kemēñ* – слитное деепричастие
kenggerge 'барабан'; *kenggergeyin* – ф. родительного падежа
kigēd 'и'
küböün 'сын'; *küböüni* – ф. родительного падежа
kündüle- 'почитать'; *kündülen* – слитное деепричастие
kür- 'достигать'; *küreqsen-dü* – причастие прошедшего времени в
 ф. дательного-местного падежа; *kürēd* – разделительное
 деепричастие
kürēle- 'окружать'; *kürēlen* – слитное деепричастие
mandal 'диск'
maši 'очень'
metü 'подобно'
mingyan 'тысяча'
mürgü- 'поклоняться'; *mürgükü* – причастие будущего времени
nanan 'солнце'; *nanani* – ф. родительного падежа
nigen 'один'; *nigeni* – ф. винительного падежа; *nigen xamtu* 'вместе'
noyoud – показатель множественного числа
nom 'учение', 'дхарма'
noyir 'сон'; *noyirtu* – ф. дательного-местного падежа
noyirso- 'спать'; *noyirsoqson* – причастие прошедшего времени
nökösö- 'жениться'; *nökösö* – ф. повелительного наклонения
nökür 'муж', 'друг'; *nököd* – ф. множественного числа
od- 'идти'; *odxi* – причастие будущего времени; *odun* – слитное
 деепричастие
oüto 'совсем', 'полностью'
okin 'дочь'; *okin-ēse* – ф. исходного падежа
olon 'много',
oroul- 'вводить'; *oroulun* – слитное деепричастие
oula 'гора'
ögöüle-, ögüüle- 'говорить'; *ögüülebei* – ф. прошедшего времени;
ögüülēd – разделительное деепричастие
ölmi 'стопы', 'ноги'; *ölmi-dü* – ф. дательного-местного падежа

sana- ‘думать’; *sanabai* – ф. прошедшего времени; *sanād* – разделительное деепричастие
sayin ‘хорошо’
sedki- ‘думать’; *sedkibei* – ф. прошедшего времени
sedkil ‘мысль’; *sedkildü* – ф. дательного-местного падежа
seri- ‘просыпаться’; *serimeqce* – предварительное деепричастие
söni ‘ночь’
sonos- ‘слушать’; *sonosboi* – ф. прошедшего времени; *sonosiqsan* – причастие прошедшего времени
sou- ‘сидеть’; *soubai* – ф. прошедшего времени; *sousu* – ф. пропозитивного наклонения; *souin* – слитное деепричастие; *souyād* – разделительное деепричастие
sögüd- ‘кланяться’; *sögüdüin* – слитное деепричастие
širē ‘трон’, ‘стол’
šülüq ‘стихи’
tede ‘те’; *tedeni* – ф. винительного падежа
tegēd ‘затем’
tende ‘там’, ‘туда’, ‘затем’
tenggeri ‘божество’, ‘тенгрий’; *tenggeriyin* – ф. родительного падежа
tere ‘тот’, ‘то’; *töün-lügē* – ф. соединительного падежа
terigöü ‘голова’; *terigöübēr* – ф. орудного падежа
teykünē ‘если так’
tōloši ügei ‘бесчисленный’
törölkitü ‘человек’, ‘рожденный’
töün-ēce ‘после этого’
tula ‘ради’
üyiled- ‘делать’; *üyilelēd* – разделительное деепричастие
üze- ‘видеть’; *üzebei* – ф. прошедшего времени; *üzen* – слитное деепричастие; *üzeji* – соединительное деепричастие
Üzesküleŋ oki – имя собственное (скр. *Ruciraketu*) букв. ‘прекрасная сущность’
üzesküleŋtei ‘прекрасный’
üzüül- ‘показывать’; *üzüülküi* – причастие будущего времени; *üzüülüqsen* – причастие прошедшего времени
xabsur- ‘сложить’; *xabsurji* – соединительное деепричастие
Xajir coqco – имя собственное (скр. *Gridhrakūta*) букв. ‘масса коршунов’
xamiyā, xamiyān ‘где’, ‘куда’
xamtu ‘вместе’
xamiq ‘весь’
Xāni xarši – имя собственное (скр. *Rājagriha*) букв. ‘ханский дворец’;
Xāni xar-šiyin – ф. родительного падежа

xaniši ügei 'ненасытный'

xara- 'смотреть'; *xaraġi* – соединительное деепричастие

xolo 'дальный'

хоуор 'два', 'и'

yeke 'большой'

zoun 'сто'

zöüdün 'сновидение'; *zöüdün-dü* – ф. дательного-местного падежа

züq 'сторона'; *züq-tü* – ф. дательного-местного падежа

ИСТОЧНИКИ

А.г. – *Xutuqtu dēdü altan gerel suduriyin ayimagiyin erketü xān kemēkü kölgöni sudur* «Сутра Великой колесницы под названием святая высшая, золотого блеска, могущественных сутр хан» (фотокопия рукописи из коллекции проф. Д. Кары, Венгрия), 67л.

М.т. – *Moloni toyin ekēn tamu-ēse yaġaqsan sudur oġoŷibo* «Сутра [о том, как] Молон тойн вызволил свою мать из ада». – Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Шифр С 22, 47л.

О.т. – *Ououn tülküür* «Ключ разума». – Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Шифр В 158, 21л.

Ц.у. – *Xutuqtu saqlaŷi ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgöni sudur oġoŷibo* «Сутра Великой колесницы под названием святая, обладающая знанием безграничной жизни». – Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Шифр В 68, 20л.

Ш.х – *Siddhi-tü küür* «Волшебный мертвец». – Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Шифр С 283, 41 л.; С 283а, 44л.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадмаев А.В.* Зая-Пандита (списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»). Элиста, 1968.
2. *Бадмаев А.В.* Роль Зая-Пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа. Элиста, 1968.
3. *Бадмаев А.В.* Практический самоучитель старокалмыцкой письменности. Элиста, 1971.
4. *Бадмаев Б.Б.* Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966.
5. *Бертагаев Т.А.* Бурятский язык. – Языки народов СССР. Т.V. Л., 1968.
- 5а. Библиография по калмыцкому языкознанию. Элиста, 1984.
6. *Бобровников Ал.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
7. *Верба Н.К.* Древнемонгольский комплекс с интервокальными согласными и его эквиваленты в современных монгольских языках. Автореф. канд. дис. М., 1978.
8. *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
9. *Жамьян Г.* Обозначение долгих гласных в ойратском «ясном письме». – Народы Азии и Африки. 1970, №5.
10. *Златкин И.Я.* Зая-Пандита как политический деятель. – 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970.
11. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.
12. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972.
13. *Касьяненко З.К.* Придаточное предложение и оборот в монгольском языке. – Проблемы филологии стран Азии и Африки. Л., 1966.
14. *Касьяненко З.К.* Современный монгольский язык. Л., 1968.
15. *Котвич Вл.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Пг., 1915.
16. *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975.
17. *Лувсанбалдан Х., Бадмаев А.В.* Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл». – 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970.
18. *Михайлов Г.И.* «Тодо бичиг» и начало ойратско-калмыцкой литературы. – 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970.

19. *Номинханов Ц.Д.* Очерк истории калмыцкой письменности. М., 1976.
20. *Орловская М.Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.
21. *Очиров У.У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964.
22. *Павлов Д.А.* К вопросу о создании «тодо бичиг». – Записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962.
23. *Павлов Д.А.* Современный калмыцкий язык. Фонетика и орфография. Элиста, 1968.
24. *Павлов Д.А.* Зая-Пандита – создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка. – 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970.
25. *Павлов Д.А.* Исследования по калмыцкому языку и письменности. А.-А., 1971.
26. *Павла Дорж.* Тодо бичиг. Элст, 1979.
27. *Позднеев А.М.* Калмыцкая хрестоматия. СПб., 1892.
28. *Позднеев А.М.* Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911.
29. *Попов А.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
30. *Поппе Н.* Роль Зая-Пандиты в культурной истории монгольских народов. – Kalmyk-Oyirat Symposium. Philadelphia, 1966.
31. *Пюрбеев Г.Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.
32. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т.1. М.–Л., 1952.
33. *Ринчэн Б.* Ойратские переводы с китайского. – Rocznik orientalistyczny. Т. 30, zesz. 1. Kraków, 1966.
34. *Сазыкин А.Г.* О периодизации переводческой деятельности ойратского Зая-Пандиты. – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. №12, ч.1. М., 1977.
35. *Санжеев Г.Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.–Л., 1940.
36. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.1. М., 1953.
37. *Санжеев Г.Д.* Современный монгольский язык. М., 1959.
38. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
39. *Санжеев Г.Д.* Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
40. *Санжеев Г.Д.* Лингвистическое введение в изучение письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
41. *Тодаева Б.Х.* Значение и функции падежей в калмыцком языке. – Записки КНИИЯЛИ. Вып.1. Элиста, 1960.
- 41a. *Doerfer G.* Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte. Wiesbaden, 1965.
- 41б. *Kara G.* [Рец. на:] *Doerfer G.* Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückische Sprachgeschichte. Wiesbaden, 1965. – Orientalistische Literaturzeitung. 64. Jahrgang 1969, № 3/4.
42. *Luvсанbandan Sh.* The Parts of Speech in Modern Mongolian. – Олон улсын монголч эрдэмтний II-их хурал. I боть. Улаанбаатар, 1972.

43. *Poucha P.* Von Jaya-Pandita zum Neukalmückischen. – Archiv Orientální 35. Praha, 1967.
44. *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
45. *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1964.
46. *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
47. *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
48. *Zwick H.A.* Grammatik der West-Mongolischen, das ist Oirad oder Kalmückischen Sprache. 1851.
49. *Zwick H.A.* Das Handwörterbuch der Westmongolischen Sprache. Bullunren, 1852.
50. *Zwick H.A.* Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen a. Schwarzwald (6.r.).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	10
История изучения ойратского языка	14
Письменность	16
Фонетика	19
Некоторые спорные вопросы	19
Гласные	22
Сингармонизм	23
Некоторые исторические изменения гласных	27
Согласные	28
Структура слога	30
Лексика	33
Грамматический строй	36
Морфология	37
Словообразование	37
Классификация частей речи	39
Существительное	41
Число	41
Падеж	44
Притяжательные суффиксы	58
Прилагательное	59
Числительное	60
Местоимение	64
Субстантивные и адъективные местоимения	65
Адвербиальные местоимения	73
Количественные местоимения	76
Глагольные местоимения	77
Особое употребление вопросительных местоимений	77
Глагол	79
Залог	80
Наклонение	82
Время	84
Причастия	87
Деепричастия	93
Глаголы с недостаточной парадигмой	98
Неизменяемые части речи	99
Локативы и послелоги	99
Наречие	103
Неизменяемые предикативные слова	104
Союзы	105
Усилительные частицы	107
Междометия	108

Синтаксис.....	109
Члены предложения.....	109
Подлежащее.....	110
Сказуемое.....	111
Определение.....	121
Дополнение	125
Обстоятельство	127
Вопросительные предложения.....	129
Отрицание.....	130
Сложное предложение.....	131
Сложносочиненные предложения.....	132
Сложноподчиненные предложения	133
Приложение.....	140
Источники.....	147
Литература.....	148

Научное издание

Яхонтова Наталья Сергеевна

ОЙРАТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XVII ВЕКА

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор С.В.Веснина. Художник И.А.Бритвенко

Художественный редактор Б.Л.Резников

Технический редактор О.В.Аредова. Корректор И.Г.Ким

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94

Сдано в набор 12.01.94. Подписано к печати 23.10.96

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 9,5

Усл. кр.-отт. 9,7. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 600 экз. Изд. № 6909. Зак. № 221. «С»—1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография РАН

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

